

элементами, заимствованными из готической архитектуры. На этих территориях начинают строиться здания и сооружения, появившиеся в домонгольской Руси лишь изредка и в качестве исключений, но в Западной и Центральной Европе ставшие к этому времени уже нормой: каменные крепости, замки и дворцы. Несмотря на то, что эти княжества уже в середине XIV в., оказавшись отторгнутыми от Руси, на долгие столетия выпадают из орбиты её исторического развития, западнорусская архитектура рассматриваемого периода послужила важным звеном в историческом развитии зодчества соседних регионов. Отсюда эстафета древнерусской архитектурной традиции перешла к национальным архитектурным школам Украины и Белоруссии, которые стали складываться уже в XV в. Архитектура западнорусских княжеств второй половины XIII—первой половины XIV в. сыграла значительную роль и в формировании возникающей в это время архитектуры Великого княжества Литовского. Многие из того, что появилось в этой новой для Европы архитектурной традиции благодаря связям Руси и Литвы, довольно скоро, уже начиная со второй половины XIII в., стало проникать и в северо-западные и северо-восточные земли Руси, восстанавливая в это время строительную деятельность после монгольского завоевания [480].

О.М. Иоаннисян

Архитектура Новгорода и Пскова

Архитектура второй половины XIII—первой четверти XIV века

Строительство в Новгородской земле и Пскове в 1240–1280-х годах

В страшное нашествие 1238 г. монгольское войско до Новгорода не дошло: на расстоянии 100 верст от города, у Игнача креста, воины Батыя повернули на юг. По словам летописца, «Новгород же заступи Бог и святая великая и сборная апостольская церкы святая Софья и святыи Кюрил и святыи правоверных архиепископ молитва и благоверных князи и преподобных черноризец иерейского сбора» [481]. Город не был разорён, но общая тяжёлая ситуация в древнерусских землях сказалась и на Новгородской республике—до 1290-х гг. архитектура здесь практически не развивалась.

Исторические события второй половины XIII—первой трети XIV в. мало способствовали расцвету искусства, да и культуры в целом. Новгородские летописи наполнены сообщениями о военных походах новгород-

цев, о борьбе с западными соседями (немцами, чудью, шведами, литвой), о сложных отношениях с князьями, которые то ссорились с Новгородом, то вместе с горожанами выступали против общего врага. Летописца мало волновало то, что происходило за пределами Новгородской земли, зато мы много узнаём о внутренней жизни Новгорода в эти годы.

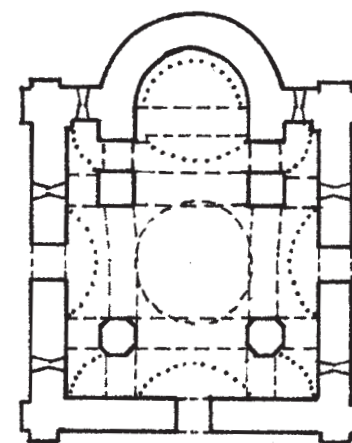
Летописный текст насыщен именами. Упомянуты не только архиереи или архимандриты Юрьева монастыря, посадники или тысяцкие—названы и новгородские послы, бояре, да и просто известные люди (например, «муж добр Елеферий Лазоревич» [482]). Жизнь средневекового города, с неурожаями и стычками городских «партий», наводнениями и пожарами, кончиной архиепископов и избранием новых владык, отчётливо рисуется благодаря кратким, но ёмким строчкам летописи.

Одной из сторон жизни Новгорода в эту сложную эпоху по-прежнему оставалось возведение новых зданий—как каменных, так и деревянных. Строительная деятельность в 1240–1280-х гг. не прекратилась окончательно: продолжались ремонты храмов, закладывались новые крепости. После 1292 г. начинается двадцатилетний период подъёма новгородской архитектуры, завершившийся в 1313 г. В эти же годы появляются

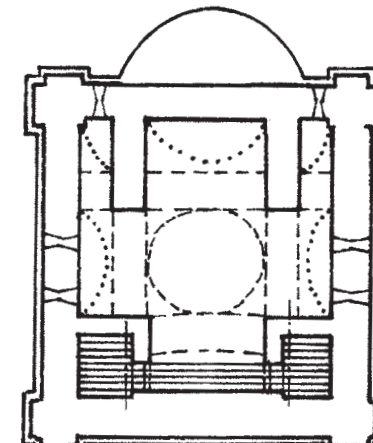


167

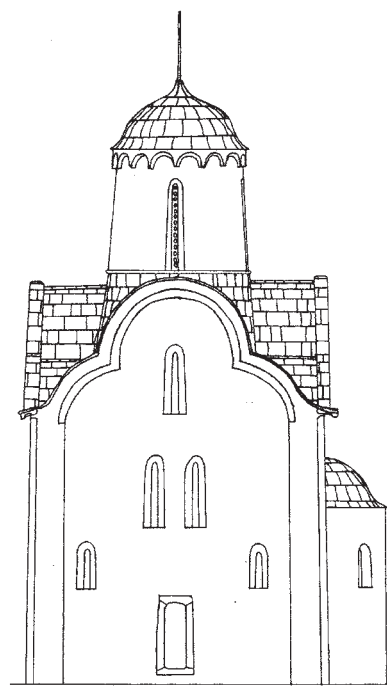
167 Церковь Рождества Богородицы в Перыни близ Новгорода. Вторая треть XIII в. (?) Вид с северо-востока
168 Церковь Рождества Богородицы в Перыни. Планы 1 и 2 ярусов
169 Южный фасад церкви Рождества Богородицы в Перыни. Продольный разрез (по Л.Е. Красноречьева)



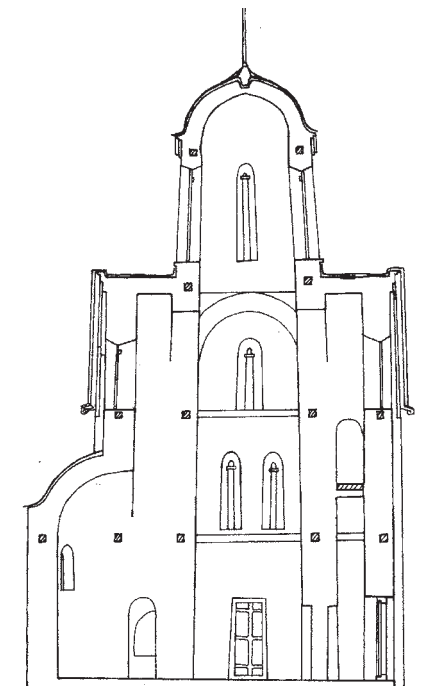
168 0 3 м



0 3 м



169 0 5 м



0 5 м

[480] См. об этом: Иоаннисян, 1994/1. С. 80–82.

[481] НЛЛ. С. 76.

[482] НЛЛ. С. 90.

[483] См. обзор существующих датировок: Седов, 2009/2. С. 30–36.

[484] Булкин, 1997. С. 377–392.

[485] Вл.В. Седов считает, что «мастера храма в Перыни заимствовали уже известный зодчеству Смоленска тип» (Седов, 1997. С. 397), приводя в качестве примера прежде всего южный придел собора на Протоке в Смоленске (см. также новейшую публикацию: Седов, 2009/2. С. 29–54). Механизмы такого заимствования кажутся нам маловероятными. Более вероятно, что при наличии одинаковой задачи—создание небольшого храма—зодчие Смоленска и Новгорода, отталкиваясь от близких образцов, пришли к сходным результатам.

[486] Неоднозначность метода датировки памятников по формату плинфы уже сейчас отчётливо осознаётся в науке (о датировке перынского храма по формату плинфы см. Там же. С. 35).

[487] Гусева, Иоаннисян, Стеценко, 1982. С. 73; Штендер, 1980. С. 229; Седов, 1997. С. 396–398.

[488] Прудников, 2002. С. 314–322.

[489] От датировки памятника 1240-ми гг. отказались уже и сами исследователи, её предложившие: Гусева, Иоаннисян, 2009. С. 275.

каменные постройки и в Пскове. С 1313 г. по 1329 г. строительная деятельность в Северо-Западной Руси опять замирает—за это время был построен только один храм. С 1329 г. (закладка Изборской крепости) на протяжении середины—второй половины XIV в. существенных перерывов в строительной деятельности в Новгороде и Пскове мы не наблюдаем.

После 1233 г. (закладка надвратной церкви Св. Феодора в Детинце) и до 1292 г. (церковь Св. Николая Чудотворца на Липне) летописи не упоминают о возведении каменных храмов в Новгородской земле. Означает ли это, что церковное строительство в течение почти 60 лет совсем не велось?

Сохранившийся и отреставрированный по проекту Л.Е. Красноречьева храм Рождества Богородицы в Перыни

часто датируется исследователями 1230–1240-ми гг. [483] [ил. 167–169]. Строго говоря, особых оснований эта датировка не имеет: храм мог быть возведён и раньше, например, в 1210-е гг., и на несколько десятилетий позже—в 1250–1260-е гг. Церковь выстроена в традиционной домонгольской технике—из плинфы и камня на известково-цемяночном растворе, в облике здания характерные черты, присущие домонгольской архитектуре Новгорода в целом (лаконизм решения фасадов, монументальность форм, цельность интерьера), соседствуют с новациями, источником происхождения которых, очевидно, была новгородская архитектура первых десятилетий XIII в. Здесь можно вспомнить два памятника: церкви Св. Параскевы Пятницы на Торгу 1207 г. и Св. Михаила Архангела на Прусской улице 1210–1224 гг. [484] Церковь Рождества Богородицы в Перыни давно рассматривалась как результат синтеза архитектурных форм, присущих зодчеству Новгорода последних десятилетий XII в., и привнесённых из Полоцка и Смоленска декоративных и конструктивных элементов [485]. Очевидно, что такое преобразование форм произошло спустя некоторое время после строительства в 1207 г. церкви Св. Параскевы Пятницы: это событие повлекло за собой изменения в языке новгородских зодчих. Вопрос о том, сколько времени потребовалось зодчим для того, чтобы эти изменения произошли, не может быть решён. Поэтому датировка церкви Рождества Богородицы в Перыни так и останется «плавающей»—от первых десятилетий XIII в. вплоть до третьей четверти столетия [486].

В последние десятилетия исследователи предлагали дату 1230–1240-е гг. ещё для двух памятников: Никольского собора в Старой Ладогге [487] и Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря [488]. Что касается ладожской церкви, то эта датировка базируется исключительно на легендарных сведениях об основании храма князем Александром Невским. Предложенная дата не основана ни на особенностях плана постройки, ни на размерах плинфы, входит в противоречие с данными, полученными при изучении фрагментов фресок, найденных при раскопках. Никольский храм должен быть рассмотрен как составная часть всего ладожского этапа развития новгородской архитектурной школы в XII в. (1150–1170-е гг.) [489]. Спасо-Преображенский собор в Хутыни органично вписывается в картину развития новгородской архитектуры конца XII в. и передатировка этого памятника также представляется весьма надуманной.

Исходя из имеющихся у нас данных, можно предположить, что в Новгороде 1240–1280-х гг. не было заказчиков и средств для ведения каменного строительства (воз-



170

ведение деревянных церквей отмечается летописью под 1262 и 1271 гг. [490]), в то время как мастера-каменщики, которые могли выполнять строительные работы, в городе, очевидно, были [491].

Как и в Северо-Восточной Руси, в Новгороде во второй половине XIII в. восстанавливают и ремонтируют старые храмы. Летописец особо сообщает об устройстве владыкой Далматом в 1261 г. свинцовой кровли Софийского собора («поби святую Софею всю свинцом...») [492]. Кровля из свинца на Софийском соборе была устроена столетием раньше, в 1151 г. ещё архиепископом Нифонтом («поби святую Софию свинцем всю прями» [493]). Очевидно, что при Далмате она была капитально отремонтирована.

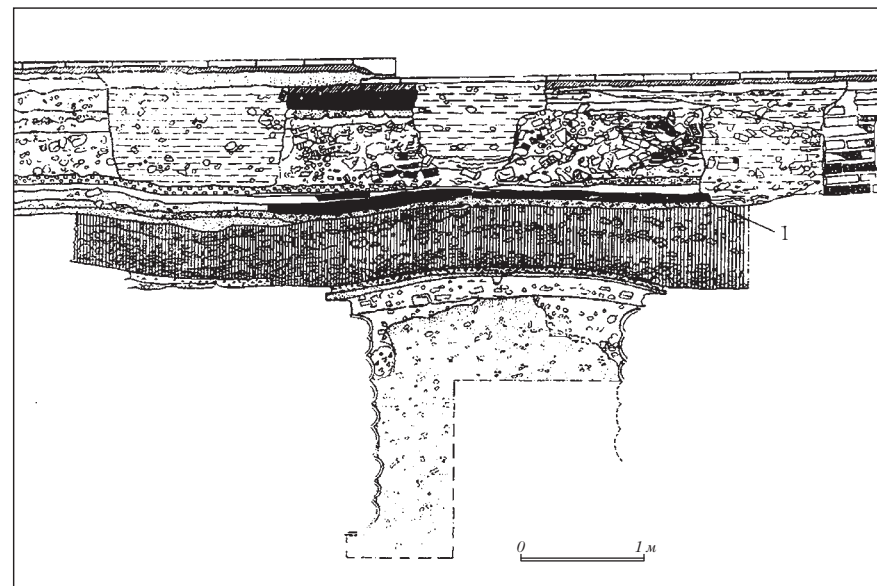
В 1262 г. молния вызвала пожар в новгородской церкви Св. Бориса и Глеба в Детинце: «...горе от грома церковь святых мученик Бориса и Глеба: добра бо бяше и лепа» [494]. Причинённые пожаром разрушения оказались, судя по летописному известию, значительными, потребовался ремонт храма, который и был, видимо, осуществлён в период с 1262 г. по 1302 г. (дата следующего упоминания Борисоглебского храма в летописи). Учитывая значимость церкви Св. Бориса и Глеба для Новгорода, следует полагать, что храм отремонтировали вскоре после пожара, вероятно, в середине 1260-х гг. [495] В этом же году «срубиша новгородци город нов» [496].

В 1275 г. рухнула северная стена северной галереи Софийского собора [497]. Стена стоит на засыпанном овраге и поэтому неоднократно падала, в последний раз она была восстановлена уже в XIX в. [илл.170]. Вскоре после 1275 г. её отремонтировали, следы этой перестройки зафиксированы в 1970-е гг. Г.М. Штендером [илл.171]. Исследователь предположительно датирует ремонт 1276 г. и указывает, что северная стена галереи

была возведена вновь в габаритах прежней, утолщённой в начале XII в. Стена сложена из плитняка на прочном растворе с наполнителем из толчёного плитняка и незначительного количества мелкой цемьянки [498]. Г.М. Штендер отмечает, что раствор такой прочности не встречается на других памятниках Новгорода; кроме того, это самый ранний известный случай применения в новгородской архитектуре толчёного камня (плитняка) в качестве наполнителя вместо керамики (цемянки). Возможно, в это же время был настелен новый пол (из плит, соединённых раствором с примесью цемьянки и угля) в северной галерее собора. Все эти работы, очевидно, следует датировать серединой 1270-х гг., так как, скорее всего, галерею центрального храма епархии восстановили сразу после катастрофы. Интересно, что в ходе данного ремонта применялись растворы с разными наполнителями (толчёный камень, цемьянка, уголь). Известково-песчаный раствор в дальнейшем стал основным в новгородской архитектуре конца XIII—XV в.

Более о ремонтных работах в 1240–1280-е гг. источники не сообщают, но не исключено, что не все случаи ремонтов попали в летопись. Во второй половине XIII в. в Новгороде часто случались пожары, после которых, безусловно, храмы надо было восстанавливать. Например, крупные пожары отмечены в 1252, 1261, 1267, 1275, 1299 гг. [499]

Заказчиком единственного упомянутого в летописи ремонта—замена кровли Св. Софии в 1261 г.—был новгородский архиепископ Далмат (1251–1273). Два других ремонта, не зафиксированные в источниках,—в церкви Св. Бориса и Глеба и в Софийском соборе—также осуществлялись, видимо, по заказу новгородских владык, так как восстанавливали кафедральный собор и один из наиболее значимых храмов города [500].



171

170 Софийский собор в Новгороде. 1045–1050 гг. Вид с северо-востока
171 Софийский собор в Новгороде. Раскоп в северной галерее. Цифрой 1 обозначен пол 1276 г. (?) Чертеж Г.М. Штендера

[490] НЛ. С. 83, 89.

[491] Н.Н. Кузьмина и Л.А. Филиппова, ссылаясь на неопубликованную работу В.Л. Янина, пишут о том, что каменная надвратная церковь Спасо-Преображения в новгородском Детинце была построена в 1264 г. (Кузьмина, Филиппова, 1997. С. 22–23). Эта дата основана на сведениях документа конца XVII в. и не подтверждается другими источниками.

[492] НЛ. С. 83, 311.

[493] Там же. С. 29, 215.

[494] Там же. С. 83, 311.

[495] Нельзя, правда, исключить вероятность того, что в источнике речь идёт о деревянной церкви Св. Бориса и Глеба на Подоле (на Торгу), однако факт специального упоминания сгоревшей церкви в летописи скорее говорит об ущербе, нанесённом Борисоглебской церкви в Детинце.

[496] НЛ. С. 83, 311.

[497] Там же. С. 323. В литературе принята дата 1276 г., однако, по наблюдениям Н.Г. Бережкова, это событие, очевидно, произошло в 1275 г.: см. Бережков, 1963. С. 288.

[498] Штендер, 1982. С. 17.

[499] НЛ. С. 80, 83, 85, 90, 307, 311, 315, 323, 329.

[500] Янин, 1977. С. 125–126.

[501] НЛ. С. 323.

[502] Там же. С. 324.

[503] Кирпичников, 1984. С. 152.

[504] Белецкий, 1970. С. 80. В ранней дате, правда, сомневается Вл.В. Седов, который считает, что данная стена могла входить в состав укреплений, возведённых в 1309 г. (Седов, 1992. С. 42).

[505] Ершова, Колосова, Лабутина, 1994. С. 17–20.

[506] Охотникова, 2007. С. 492–494, 510, 512–513; Охотникова, 1985. С. 218, 220–222. О строительстве церкви Св. Феодора Стратилата сообщает и Средняя редакция Повести о Довмонте, составленная в XVI в. (Охотникова, 2007. С. 478).

[507] Белецкий, 1986. С. 10, 25.

[508] Седов, 1992. С. 37–42.

Итак, вероятно, в 1260–1270-е гг. при дворе новгородского архиепископа были мастера, выполнявшие ремонтные работы. К сожалению, нам мало что известно о личности владыки Далмата, в летописи он выступает прежде всего в роли миротворца, дипломата, примиряющего Новгород и великого князя. Важно отметить также, что перед смертью Далмат сам назначил себе двух преемников, из которых по жребию и был выбран в 1273 г. новый архиепископ Климент (†1299).

Климент, поставленный в Киеве митрополитом Кириллом, был торжественно введён новгородцами в Св. Софию 2 августа 1276 г. (это также позволяет предположить, что северная стена храма была быстро восстановлена).

В 1280 г. летописи сообщают о закладке каменной крепости в Копорье—это первое после 1233 г. летописное известие о строительстве в Новгороде и Новгородской земле нового каменного сооружения. Заказчиками крепости письменные источники называют великого князя Дмитрия Александровича и посадника Михаила Мишинича вместе с «болшими мужи» [501]. Однако каменный город в Копорье просуществовал недолго: через год, в 1282 г., столкновение новгородцев с Дмитрием Александровичем привело к тому, что «мужи Дмитриеве выступиша из города, показаша им путь новгородци, а город разгребоша» [502]. Та лёгкость, с которой новгородцам удалось разрушить стены Копорья, показывает, что либо крепость 1280 г. представляла собой вал, увенчанный каменной надстройкой, как это предположил А.Н. Кирпичников [503], либо каменный город был только заложен, но не построен. Во всяком случае, в ходе археологических работ, проведённых О.В. Овсянниковым в 1970-х гг., никаких остатков стен крепости 1280 г. не обнаружено.

Появление каменной крепости в Копорье в 1280 г. выглядит несколько неожиданным на фоне отсутствия сведений о других фортификационных работах в городах Новгородской земли. В то же время не исключено, что раньше, чем была возведена Копорская крепость, строятся укрепления в Пскове. В ходе археологических работ, проводившихся в 1960–1961 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа (В.Д. Белецкий), в юго-западном углу Довмонтова города были обнаружены остатки крепостной стены, отделявшей эту часть Псковской крепости от территории Среднего города. Раскрыто более 30 м стены, которая сложена из плит известняка, скреплённых известковым раствором. Стена покоится на фундаменте из двух рядов небольших валунов.

По стратиграфическим данным, как считал В.Д. Белецкий, стена может быть датирована XIII в.—вероятно, временем княжения

Довмонта (1266–1299) [504]. Это подтверждается и отсутствием упоминаний о строительстве стены в XIV в., а также сходством кладки этой стены с кладкой стены 1309 г. («стены посадника Бориса»).

В ходе раскопок 1992 г. в помещении Приказной палаты удалось выявить участки северного и южного фасада так называемой Довмонтовой стены. Стратиграфия раскопа убедительно показывает, что стена могла быть возведена в 1260–1280-е гг. Исследователи (Т.Е. Ершова, И.О. Колосова, В.В. Лабутина) считают, что стену построили в 1270-е гг. [505]

Сведения о церковном строительстве Довмонта пока кажутся легендарными. В Распространённой редакции Повести о Довмонте (конец XVI—начало XVII в.) о Довмонте князю приписывается строительство трёх церквей: Св. Тимофея (ок. 1268 г.), Св. Георгия (ок. 1270 г.) и Св. Феодора Стратилата (ок. 1272 г.) [506]. Найти эти храмы пытался В.Д. Белецкий: по его мнению, кладки церквей 1260–1270-х гг. найдены в ходе археологических работ экспедиции Государственного Эрмитажа [507]. Вместе с тем Вл.В. Седов убедительно показал мало-доверенный характер известий поздних редакций «Повести о Довмонте». Вполне вероятно, что Довмонт основал деревянные церкви, на месте которых впоследствии, в XIV в., возникают каменные храмы [508].

Несмотря на отсутствие точных свидетельств письменных источников о строительной деятельности князя Довмонта, не исключено, что меры по усилению надёжности Псковской крепости могли быть приняты именно этим деятельным князем. Конечно, нельзя предполагать, что одни и те же мастера строили Довмонтов город в Пскове и первую каменную крепость в Копорье, однако эти факты дают основание считать, что в 1240–1280-е гг. новгородские и псковские зодчие были способны осуществлять довольно сложные фортификационные работы.

Несомненно, при возведении стен Копорской крепости 1280 г. также использовался известково-песчаный раствор, так как все последующие сооружения в Копорье строились из местной тёсаной известняковой плиты, которая в измельчённом виде и составляла основной наполнитель для известкового раствора (в этой связи важно отметить, что раствор, применённый в Копорской крепости 1297 г., содержал и небольшую примесь цемьянки). Стена Довмонта (1270-е гг.?) тоже была построена с применением известково-песчаного раствора. Использование раствора данного типа вряд ли следует считать новацией для новгородского крепостного строительства. Подобный пример мы знаем по материалам



172



173

172 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. 1292. Вид с юго-востока. Фотография начала XX в.
173 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Вид с северо-востока
174 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Реконструкция П.Н. Максимова
175 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Вид с юга

изучения фортификационных сооружений домонгольского времени—Ладожская крепость 114 г. была сложена на известково-песчаном растворе с незначительной примесью цемьянки [509].

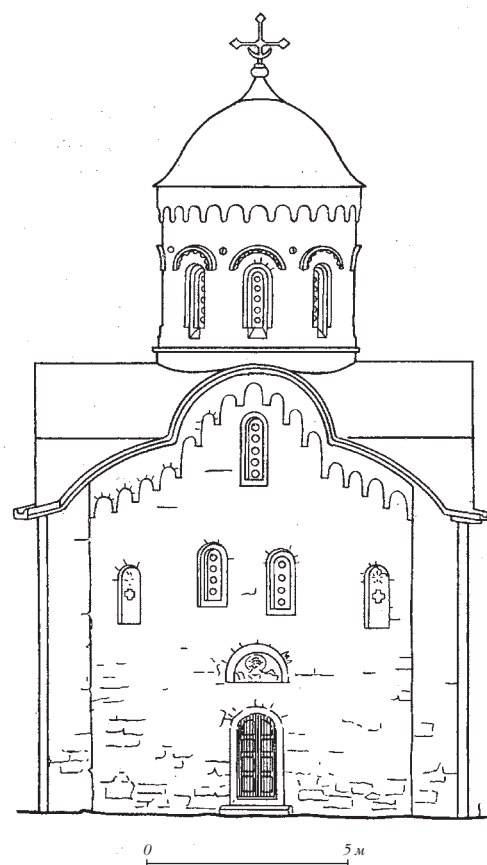
Сегодняшний уровень знаний не позволяет объективно судить о том, насколько интенсивными были строительные работы в Новгороде в 1240–1280-е гг. Очевидно лишь, что в эти «тёмные десятилетия» строитель-

ство в Новгороде и Новгородской земле не прекращалось полностью.

Строительство в Новгороде и Новгородской земле в 1290–1310-х годах

В 1292 г. начинается новый период в истории новгородской архитектуры: архиепископ Климент закладывает в этом году церковь Св. Николая Чудотворца на Липне близ Новгорода—на озере Ильмень в устье Мсты, там, где в начале XII в. был чудесно обретён образ Св. Николая Чудотворца. В том же году начинается строительство церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице. С этого момента вплоть до 1313 г. строительство в Новгороде и Новгородской земле идёт практически непрерывно. За 20 лет здесь было возведено более десяти построек, среди которых не только храмы, но и каменные крепости [510]. Такой интенсивной строительной деятельности не было в Новгороде с конца XII—начала XIII в.

Вслед за возведением церкви Св. Николая Чудотворца на Липне (строительство храма, очевидно, было завершено к 1294 г., когда мастером Алексой Петровым был написан храмовый образ Св. Николая Чудотворца, см. с. 282–284 наст. изд.), а также церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице (1292–1294), в Новгороде строится церковь Воскресения на воротах Детинца (1296), в 1297 г. возводится крепость в Копорье и надвратная церковь Спаса-Преображения, которая находилась, видимо, на воротах Детинца, обращённых к Юрьеву монастырю. Не прекращается строительная активность и в первое десятилетие XIV в.: в 1300–1302 гг. новгородцы возводят церковь

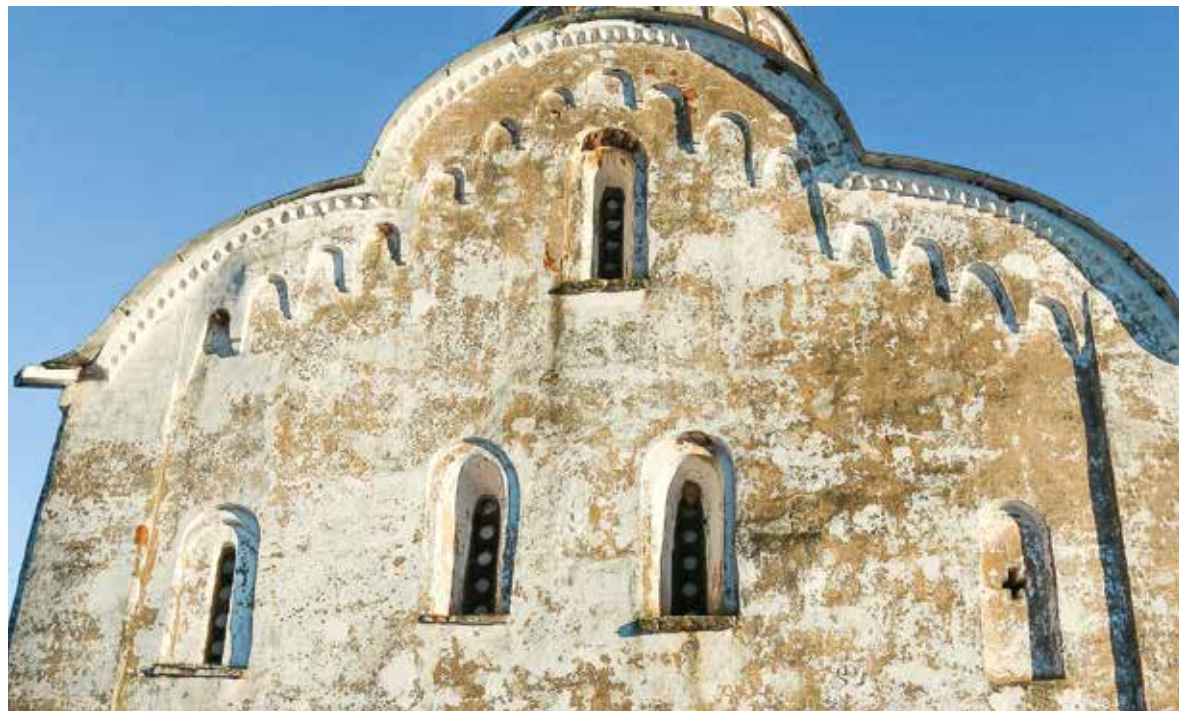


174

[509] Киртинчиков, 1984. С. 48.
[510] ИЛ. С. 327–328, 330–333, 335.



175

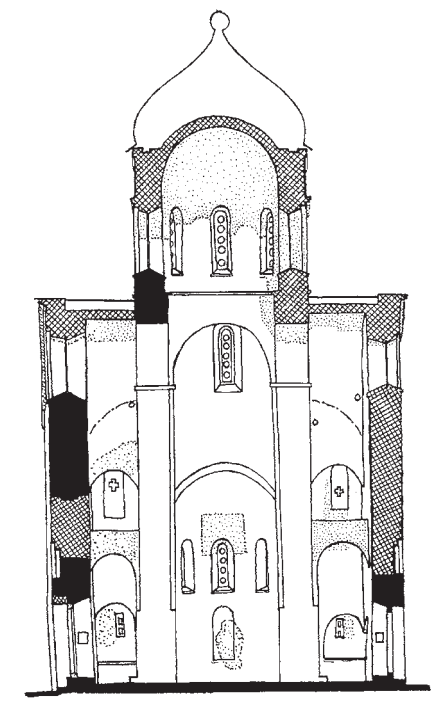


176

- 176 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Поясок из висячих арочек в верхней части западного фасада
 177 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Крестообразное окно западного фасада
 178 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Барабан
 179 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Поперечный разрез
 180 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Планы 1 и 2 ярусов



178



179

0 5 м

Св. Михаила Архангела на Торгу, а в 1302 г. закладывают каменный Детинец в Новгороде и начинают восстанавливать церковь Св. Бориса и Глеба (освящена в 1305 г.). В том же году строят Покровская церковь на воротах Детинца, затем возводится церковь 318 Святых Отцов Никейского собора (1308). На 1310 г. приходится строительство сразу двух храмов, находившихся вблизи друг друга у истока Волхова, —церквей Успения на Коломцах и Покрова на Дубенке. Наконец, в 1311 г. сооружается надвратная Владимирская церковь в Детинце, а в 1312–1313 гг. владыка Давыд строит у себя в монастыре храм Св. Николая Чудотворца, позднее известный как церковь Св. Николы Белого [511].

К сожалению, до наших дней дошли только четыре новгородских памятника конца XIII—первой четверти XIV в. Степень их сохранности разная: довольно хорошо сохранилась церковь Св. Николы Белого, достоверно реконструирована в натуре после разрушений времени Великой Отечественной войны церковь Св. Николая Чудотворца на Липне, а от церквей Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице и Михаила Архангела на Торгу остались лишь нижние участки стен.

Первый новгородский храм, построенный после монголо-татарского нашествия, —это церковь Св. Николая Чудотворца на Липне 1292 г. [ил. 172–174]. Памятник активно изучали ещё во второй половине XIX в., его исследования продолжались и в 1900–1930-е гг. Значительная часть храма была уничтожена огнём немецкой артил-

лерии в годы Великой Отечественной войны. В первое послевоенное десятилетие руины здания продолжали разрушаться. Во второй половине 1940–1950-е гг. храм исследовали П.Н. Максимов и Ю.Н. Дмитриев, а в 1954–1956 гг. он был восстановлен под руководством архитектора-реставратора Л.М. Шуляк. Благодаря опубликованным наблюдениям этих исследователей, можно считать, что Никольский храм является одним из наиболее изученных среди всех памятников новгородской архитектуры XIII–XIV вв. [512]

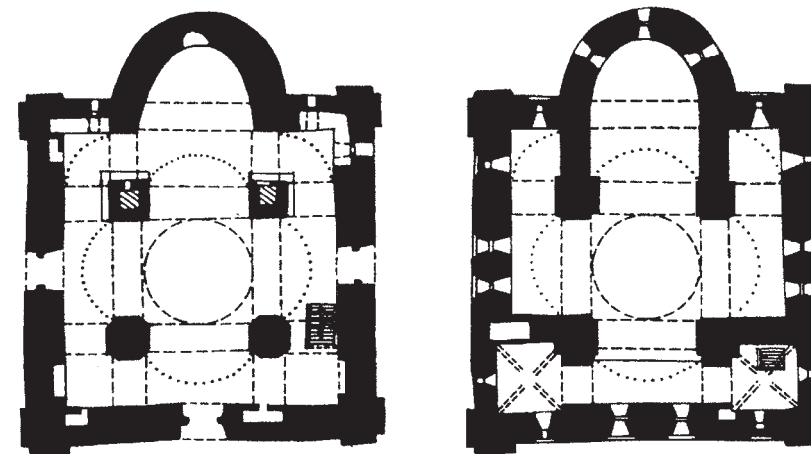
Церковь Св. Николая Чудотворца—это четырёхстолпный, одноглавый, одноапсидный храм [ил. 175]. В ходе послевоенной реставрации был решён дискуссионный вопрос о форме завершения храма: первоначально церковь имела трёхлопастное покрытие, которое позднее было заменено на пофронтонное, а затем переделано на четырёхскатное. Основной кубический объём храма сочетается с пониженной апсидой и высоким цилиндрическим барабаном главы. Углы раскрепованы лопатками, промежуточных лопаток на фасадах нет. Расположенные по верху всех фасадов пояски из висячих арочек подчёркивают заданное трёхлопастным контуром завершения храма постепенное восхождение архитектурных масс от широкого и массивного основания-куба к лёгкому барабану и куполу [ил. 176].

На северном, западном и южном фасадах по центру нижнего яруса располагаются порталы, а над ними полуциркульные двух-



177

- [511] Подробное перечисление всех источников и анализ исторических сведений см. в работе: Антипов, 2000. С. 55–82. Из новых публикаций о храмах конца XIII—первой четверти XIV в. следует прежде всего выделить каталог реставрированных новгородских памятников: Архитектурное наследие, 2008.
 [512] Основные результаты натуральных исследований памятника опубликованы: Гладенко, Красноярецев, Штендер, Шуляк, 1964. С. 214–220; Дмитриев, 1948. С. 58–67; Максимов, 1952. С. 87–104. Об исследовании его фресок см. наст. изд. с. 357–397.



180

0 5 м

АРХИТЕКТУРА

уступчатые ниши, предназначенные для росписи. Положение окон на всех фасадах подчиняется единой схеме: они помещены в рукавах креста, над порталами и над апсидой—на восточном фасаде. В среднем ярусе в центральной части фасада находятся по два окна на каждом фасаде (кроме восточного), а над ними, в третьем ярусе, уже под кровлей—только одно окно. Такое расположение окон скоординировано с трёхлопастной формой завершения храма и приводит к созданию крестообразной системы освещения в интерьере. Форма основных окон храма однотипная: окна помещены в двухступчатых арочных нишах, а сами оконные проёмы и ниши имеют полуциркульное завершение (окна жертвенника и дьяконника—щелевидные). Помимо окон в рукавах креста, на южном и западном фасадах в среднем

ярусе есть ниши с полуциркульными завершениями, в которых устроены небольшие окна крестообразной формы, освещающие камеру на хорах в юго-западном углу храма [ил. 177]. Несколько крестообразных ниш расположены на южном, восточном и северном фасадах. Дьяконник и жертвенник храма освещают окна нижнего яруса, находящиеся в боковых частях восточного фасада, дьяконник дополнительно освещён с помощью окна, располагающегося в первом ярусе восточной части южного фасада. Восемь окон находятся в барабане.

Фасады храма не были оштукатурены. Особую живописность им придавало сочетание разнообразных по форме и цвету камней. Основной декоративный акцент фасадов Никольской церкви—поясок висячих арочек в верхней части фасадов, изначально выделенный в том числе с помощью вставок камней разного цвета, от светлых серо-голубых до ярких красно-коричневых, в углубления между арками. Остальные части фасадов практически лишены какого-либо декора, их оживляют только ниши и небольшие каменные рельефные кресты. Лишь два центральных окна на южной стене имеют в завершении ряд «зубчиков», не выходящих из плоскости стены и располагающихся внутри окна по контуру арочного проёма. Кроме того, на западном фасаде храма при исследовании была обнаружена необычная деталь—крест каменных плиток (некоторые плитки покрыты поливой), выложенный заподлицо со стеной. Карнизом, состоящим из зубчиков



181

и полочки, декорирована апсида. Более богатое убранство имел барабан: аркатурный пояс на кронштейнах, бровки над окнами, а также небольшие круглые ниши, возможно, отпечатки «пальцев» лесов, расположенные между бровками (не восстановлены при реставрации) [ил. 178].

Необычным представляется интерьер храма и некоторые особенности системы сводчатых перекрытий. План этого небольшого здания (размеры по внешнему контуру стен примерно 10 × 10 м) приближен к квадрату. Форма западной и восточной пар столбов различается: западные столбы в нижней части восьмигранные, а в верхней — крестчатые, восточные столбы внизу прямоугольные, а вверху также крестчатые [ил. 179–181]. Крестообразная форма столбов обусловлена конструктивными причинами: это наиболее удобная форма при переходе от арок венчающих частей здания к опорам. Столбы расположены симметрично и приближены к стенам, что высвобождает центральное подкупольное пространство. Ширина боковых нефов, а также поперечного западного и восточного нефов примерно равна толщине опор. Западную треть храма занимают

хоры, состоящие из двух закрытых камер, которые соединены деревянным настилом. На хоры ведёт открытая деревянная лестница, расположенная в юго-западном углу. Рукава креста перекрыты коробовыми сводами, восточные углы — расположенными ниже полукобовыми, а западные — сом-



182

0 3 м

- 181 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Подкупольное пространство
 182 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Хоры, северо-западный компартимент. Разрезы (по П.Н. Максимову)
 183 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Хоры, свод северо-западного углового компартимента
 184 Церковь Св. Николая Чудотворца на Липне. Аксонометрия. Схема распределения участков каменной и кирпичной кладки (по П.Н. Максимову)

— камень;
 — кирпич

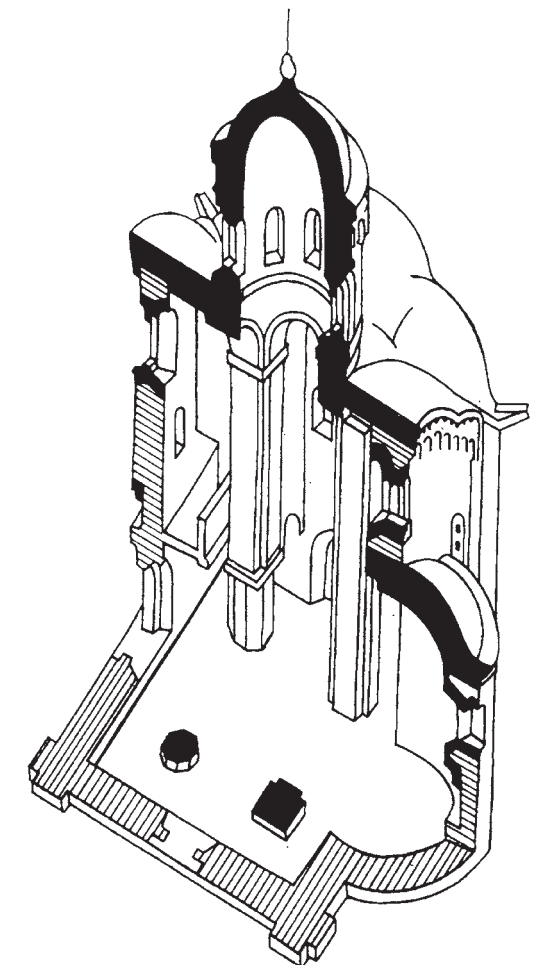
кнутыми. Особый интерес представляют уникальные для древнерусской архитектуры угловые западные своды, которые часто называют шатровыми, так как стороны их прямые и лишь в месте примыкания к стенам они изгибаются по кривой малого радиуса [ил. 182, 183]. Двухъярусные восточные угловые компартименты открыты на запад (арки первого и второго ярусов соединяют северную и южную стены со столбами), но закрыты во втором ярусе в сторону апсиды.

Своеобразна и строительная техника: стены храма сложены из камня и кирпича на известково-песчаном растворе [ил. 184]. В нижних частях преобладает постелистая плита, а в верхних — блоки ракушечника, нередко поставленные на ребро; в кладке использован также песчаник. До уровня подоконников древних окон, то есть на высоту около 5 м, стены сложены целиком из камня, выше этого уровня применён в значительном количестве кирпич, из которого сложены оконные проёмы, ниши на фасаде и внутренние части стен в западных углах церкви. Кроме того, кирпич встречается в виде небольших случайных вкраплений и в наружных поверхностях стен. На уровне верхних окон кирпич является преобладающим материалом: из него, кроме оконных проёмов, сложена и значительная часть стен вместе со всем их убранством — арочками и карнизами. Своды и барабан полностью кирпичные, кроме узкой каменной полочки, находящейся ниже подоконников окон барабана. Главным образом из кирпича сложены и столбы церкви, они также завершаются аналогичной каменной полочкой-импостом. Для строительства церкви Николая Чудотворца использовался большемерный брусковый кирпич, применялись и лекальные кирпичи, сортament которых был продуман до начала работ.



183

Запоминающийся художественный образ липенской церкви создаётся во многом благодаря особому взаимодействию архитектуры с окружающей природой: расположенный на небольшом холме храм является основным композиционным центром пейзажа устья Мсты на озере Ильмень. Объёмно-пространственное решение храма продолжает тенденции, выраженные в архитектуре «башнеобразных» церквей первой половины XIII в.: Св. Параскевы Пятницы, Св. Михаила Архангела на Прусской улице, Рождества Богородицы в Перыни, но в сравнении с этими памятниками храм кажется более «основательным», прочнее стоящим на земле. Основной художественный эффект достигается здесь благодаря продуманному сочетанию трёхлопастной кривой, причудливо завершающей фасад, с лаконичными поверхностями стен, лишь на углах раскрепованных лопатками. Количество декоративных элементов как бы постепенно нарастает по мере движения снизу вверх: почти никак не декорированные нижние части фасадов сочетаются с декоративным пояском по контуру трёхлопастной крыши и богато украшенным барабаном. Необычность и притягательность этого памятника во многом создаётся и благодаря очень органичному соединению уникального для древнерусской архитектуры декора с композиционной схе-



184

[513] Максимов, 1952. С. 96.

мой, которая в целом уже стала традиционной для древнерусского зодчества XIII в.

В интерьере при помощи системы освещения отчётливо выделен пространственный крест—окна в центральных пряслах и многочисленные окна барабана освещают центральную часть храма. Поскольку восточные компартименты открыты в основное пространство, светом в той или иной степени заполняется и восточная треть храма, в то время как западная зона затемнена. Для интерьера Никольской церкви характерно спокойное, уравновешенное построение всех форм (арок, сводов, столбов, стен), как бы собранных вокруг центральной вертикальной оси храма и помогающих осуществлению направленного движения вверх, к высшей точке—барабану и куполу. Во многом такая ориентация именно на высотное построение ощущается благодаря крестообразной структуре большей части высоты столбов—с помощью уступов-лопаток столбов заданное объёмно-пространственной структурой здания вертикальное движение дополнительно усиливается.

Давно установлен образец, по которому строилась Никольская церковь,—это уже упомянутый храм Рождества Богородицы в Перыни. Храмы сближает как общий рисунок плана и даже форма столбов в нижней части (и в перыньском, и в липенском храмах западные столбы внизу восьмигранные, а восточные—прямоугольные), так и близкий характер объёмно-пространственного решения. Небольшие кубические объёмы обоих храмов, к которым примыкают пониженные апсиды, лишены промежуточных лопаток и завершены трёхлопастной аркой, подчёркивающей постепенное нарастание архитектурных форм. Слишком большая разница в характере применённых строительных материалов заставляет воздержаться от предположения, что оба здания были работой одних и тех же мастеров, и приводит к заключению, что зодчим, строившим церковь на Липне, перыньский храм был указан заказчиком в качестве образца. Причина данного обстоятельства, конечно, не в том, что перыньский храм являлся, возможно, последним архитектурным памятником домонгольского Новгорода. Церкви находятся у берегов озера Ильмень вблизи друг друга, на расстоянии прямой видимости—Перынь расположена у истока Волхова из Ильменя, а Липно—при впадении одного из рукавов Мсты в Ильмень. Путешествуя к месту будущего храма, архиепископ Климент проплыл и мимо перыньской церкви.

Зодчие, строившие липенский храм, творчески переработали предложенный образец. Они взяли общую плановую схему перыньской церкви, но существенно изменили пропорции и многие конструктивные

и декоративные детали. Так, изменяется сечение столбов в верхней части, характер перекрытия над западными угловыми палатками, на фасадах появляются висячие арочки, меняется схема расположения, количество и отчасти форма окон и ниш, существенно отличается и декор барабана. Пропорции становятся несколько приземистыми, а храм приобретает более монументальный облик в сравнении с лёгкой, устремлённой ввысь церковью Рождества Богородицы.

В то же время Перынь—памятник, видимо, уникальный для новгородского зодчества первой половины—середины XIII в. Поэтому важно отметить, что многие из перечисленных выше архитектурных форм церкви Св. Николая Чудотворца на Липне—это не знак ориентации зодчих на какой-то особый архитектурный тип, это обращение к облику конкретного храма. Была ли эта ориентация обусловлена, помимо территориальной близости, ещё и стремлением повторить наиболее удачный архитектурный образ, созданный домонгольскими мастерами, или же выбор образца был продиктован какими-то иными причинами—мы не знаем. Некоторые формы липенской церкви, по мнению Вл.В. Седова, могут быть связаны со смоленской архитектурной традицией: арочные окна с рамочными нишками, двухступчатые арочные ниши над входными проёмами, бровки с зубчиками над окнами барабана [514]. Очевидно, что даже если изначально все эти формы имели смоленское происхождение, в липенский храм они попали благодаря знакомству его мастеров с памятниками новгородского зодчества первой половины XIII в., о которых, к сожалению, нам известно очень мало.

В церкви Св. Николая Чудотворца на Липне мы впервые в истории новгородской архитектуры встречаем элементы, заимствованные, вероятно, из зодчества Северной Европы: сомкнутые («шатровые») своды в западных угловых компартиментах; кирпичную аркатуру из висячих арок по верху фасадов, которой отвечает и характерный поясик на барабане; сдвоенная оконная ниша с каменной консолью в дьяконнике. Кроме того, меняется и строительная техника (используется большеформатный брусковый кирпич вместо плинфы и известково-песчаный раствор вместо известково-цемячного, применяются разнообразные формы лекальных кирпичей) [515]. Технология изготовления брускового кирпича, характерная для Северной Европы XIII в., впервые в Новгороде была применена мастерами, строившими храм на Липне [516]. Известково-песчаный раствор, возможно, был известен в Новгороде и Пскове еще в 1270-е гг., однако его использование в Никольской церкви

[514] Седов, 1997. С. 404.

[515] Антипов, Gervais, 2015. P. 58–79.

[516] При этом нам известны случаи строительства из брускового кирпича в Южной Руси ещё в домонгольское время (Раннопорт, 1989. С. 207–211).

также связано с позднероманской строительной традицией: по типу он аналогичен растворам, известным в это время в Северной Европе [517].

Разнообразие типов брускового кирпича, в том числе лекального, разумное распределение этого ценного материала по стенам здания—всё это свидетельствует о том, что в строительстве церкви принимали участие как зодчие, хорошо знакомые с данным строительным материалом, так и мастера, которые умели изготавливать кирпич нового типа по заранее приготовленным образцам. Исследователи расходятся во мнениях по двум близким вопросам: 1) откуда были заимствованы новые архитектурные элементы и технологии; 2) каким путём эти формы попали в новгородский памятник—работали в Новгороде западноевропейский зодчий, а может быть, и целая строительная группа, или же новгородские мастера увидели где-то в ближайших землях новые архитектурные элементы и затем успешно воспроизвели их в данном храме.

Как уже было сказано, все эти архитектурные детали и строительные материалы были хорошо знакомы мастерам. В то же время в липенском храме очень много «новгородского», актуального для этой эпохи, при этом связанного, видимо, именно с архитектурой первой трети XIII в. в целом. Следовательно, более вероятно, на наш взгляд, что липенский храм построен совместно новгородскими мастерами и приглашёнными приезжими строителями, среди которых были, безусловно, и мастера, изготавливавшие кирпич. Откуда пришли зодчие, где находился источник необычных архитектурных форм липенского храма—над этими вопросами давно задумываются различные исследователи. Предлагался широкий круг возможных источников—от памятников Северной Германии, Ливонского ордена и острова Готланд до архитектуры Юго-Западной Руси, находившейся во второй половине XIII в. под сильным влиянием польской архитектуры [518]. В качестве аналогий приводились даже балканские постройки [519]. Кажется, что нет необходимости искать родину мастеров где-то далеко от Новгорода: вероятнее всего, заказчик храма архиепископ Климент обратился в поисках строителей в соседние земли, очевидно, к городам Ливонского ордена или Рижского архиепископства.

Несомненно, для владыки строительство этого храма было очень важным событием. Храм поставлен на месте чудесного явления образа св. Николая Чудотворца, на зимней дороге в Низовские земли и летнем водном пути по Мсте. Липенский храм первым встречал приезжавших по этим дорогам, здесь молились Николаю Чудотворцу



185

путешественники, отправлявшиеся в дальние странствия [520].

По крайней мере, одна черта в архитектуре храма—висячие арочки по верху фасадов—отсылает нас к храму-реликварию Св. Николая Чудотворца в Бари (1087–1105) [521] [ил. 185]. Был ли далёкий храм в Апулии в какой-то степени непосредственным образцом для новгородского памятника или же эта форма попала в северную церковь через посредство какого-то иного сооружения, ориентированного на итальянский храм, мы не знаем. Очевидно, что поиски более точных аналогий для европейских черт в архитектуре новгородского храма следуют вести не столько с помощью сравнения различных декоративных и даже конструктивных деталей (некоторые приводимые исследователями аналогии кажутся слишком общими, подобные архитектурные формы встречаются во многих памятниках романской архитектуры), сколько с помощью сопоставления сортамента, размера и типа кирпича, применённого при строительстве церкви. Несомненно, что мастера, изготавливавшие кирпич, и зодчий, благодаря которому появились эти необычные для новгородской архитектуры элементы, пришли из одного строительного центра.

Исследователи архитектуры по-разному оценивали место церкви Св. Николая Чудотворца на Липне в истории новгородской архитектуры. Если, согласно Ю.Н. Дмитриеву и Вл.В. Седову, архитектурные формы храма служили важным источником, откуда

[517] Техника строительства из брусковых кирпичей на известково-песчаном растворе распространяется в Северной Европе с конца XII в. См., например, новейшую публикацию по теме: *Viertmann, Herrmann*, 2014. P. 51–60.

[518] Максимов, 1952; *Раннопорт*, 1993. С. 134; Седов, 1997. С. 404–406; Салимов, 1994. С. 36–41.

[519] Соленикова, 1998. С. 101–102.

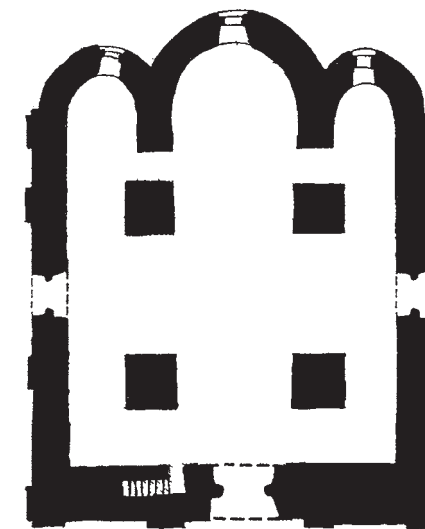
[520] В связи с липенским храмом можно вспомнить и икону Богоматери на престоле с предстоящими св. Николаем и св. Климентом XIII в. из собрания ГРМ, связанную, можно утверждать, с владыкой Климентом (см. наст. изд., с. 237–238). Об особой связи владыки с храмом косвенно свидетельствует и надпись-граффити, сообщающая о смерти архиепископа и сделанная, очевидно, в 1299 г. на юго-восточном столбе храма (*Рождественская Т.*, 1992. С. 102–104), а также посвящение придела на хорах св. Клименту, вероятно, существовавшее изначально.

[521] *Ратомская*, 2008. С. 520.



186

186 Церковь Феодора Стратилата на Щирковой ул. в Новгороде. 1292–1294, 1546, 1682–1688 гг. Вид с востока
187 Церковь Феодора Стратилата на Щирковой ул. План. Вариант реконструкции
188 Крепость Копорье. 1297 г., конец XV — начало XVI в. Западная стена, кладка 1297 г.



187 0 5 м

новгородские зодчие XIV–XV вв. брали архитектурные решения для своих построек, то, по мнению Г.М. Штендера, липенская церковь так и осталась единственным памятником, эпизодом в истории новгородской архитектуры, произведением приезжих мастеров, вряд ли сильно повлиявшим в дальнейшем на зодчество Новгорода [522].

В данной постройке развились и получили новое звучание формы, применявшиеся в новгородской архитектуре первой половины XIII в., а также появились не свойственные предшествующему зодчеству черты. Именно этими факторами определяется значение липенского храма для становления и развития новгородской архитектурной традиции XIV–XV вв. Многие из этих форм затем уже не встречаются, но некоторые—например, полное или частичное обособление в интерьере не только западных, но и восточных угловых частей, кладка из брускового кирпича на известково-песчаном растворе—широко применялись позднее в новгородской архитектуре. Никольская церковь имеет особое значение в истории русской архитектуры как первый сохранившийся памятник среди построенных после монгольского нашествия. В то же время это здание во многом уникально как для новгородской архитектуры, так и для древнерусского зодчества в целом.

Другая постройка, возведённая одновременно с храмом на Липне,—церковь Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице (1292–1294). К сожалению, она была значительно перестроена ещё в средневековье. Фрагменты раннего здания вошли в середине XVI в. в состав нового храма, также перестроенного в конце XVII в., уцелели лишь нижние части стен (местами кладка храма 1292–1294 гг. сохранилась на высоту до 3 м—более чем на треть высоты существующей постройки) [523] [ил. 186, 187].

Судя по имеющимся данным (исследования Г.М. Штендера, В.А. Булкина и Е.А. Туровой, В.А. Дружинина), церковь 1292–1294 гг. в целом повторила план и, очевидно, общее объёмно-пространственное решение домонгольского храма-предшественника (четырёхстолпного, трёхапсидного храма, вероятно имевшего позакомарное покрытие) и особых новаций в себе не несёт [524]. Причина здесь во многом—экономия средств при строительстве: здание возведено по контуру стен домонгольского храма (очевидно, конца XII в.), хотя и не имеет башни, которая была у домонгольской церкви. Нововведением в церкви Св. Феодора является использование брускового кирпича, в том числе и лекального, и известково-песчаного раствора [525].

Боковые фасады храма разделялись на три прясла широкими лопатками. Наиболее широким было центральное прясло, уже—западное и самым узким—восточное. На западном фасаде боковые прясла близки по ширине, выделено только центральное прясло.

Решение пространства интерьера церкви Св. Феодора, очевидно, напоминало интерьеры новгородских храмов конца XII в., таких как церкви Св. Петра и Павла на Сильнице или Спаса на Нередице [526]. Храм имел лестницу на хоры в западной стене и придел на полатах во имя Св. Ипатия.

Возведение городской церкви Св. Феодора одновременно с липенским храмом кажется весьма необычным явлением. Это означает, что мастера, способные не только ремонтировать старые храмы, но и строить новые, в Новгороде имелись. Важным представляется вопрос, была ли церковь Св. Феодора уникальной постройкой или же строительство «на старой основе» оказало влияние на дальнейшее развитие новгородской архитектуры?



188

[522] Дмитриев, 1948. С. 63; Седов, 1997. С. 408; Штендер, 1991. С. 98–99.

[523] Дружинин, Сысоева, 2004. С. 23.

[524] Штендер, 1977. С. 435–441; Булкин, Турова, 1998. С. 118–120. Реставрация памятника, начатая Г.М. Штендером, после смерти исследователя была продолжена под руководством В.А. Дружинина. К сожалению, материалы, полученные в ходе исследования этого весьма важного памятника, опубликованы в очень краткой форме (Дружинин, Сысоева, 2004. С. 12–25, см. также: Архитектурное наследие, 2008. С. 176–179), научного отчёта об исследованиях не существует.

[525] Формат кирпичей церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой ул., однако, отличается от основного формата кирпичей церкви Св. Николая Чудотворца на Липне, хотя по типу кирпичи схожи.

[526] Там же. С. 187–189, 408–412; Гладенко, Красносельцев, Штендер, Шуляк, 1964. С. 192–201.

Анализ памятников XIV в. позволяет считать, что эпизод со строительством церкви Св. Феодора Стратилата «на старой основе» никак не повлиял на последующее развитие новгородской архитектуры. Трёхапсидность этого храма, пропорции плана, широкие лопатки на фасадах не находят никаких аналогий в архитектуре данного столетия [527].

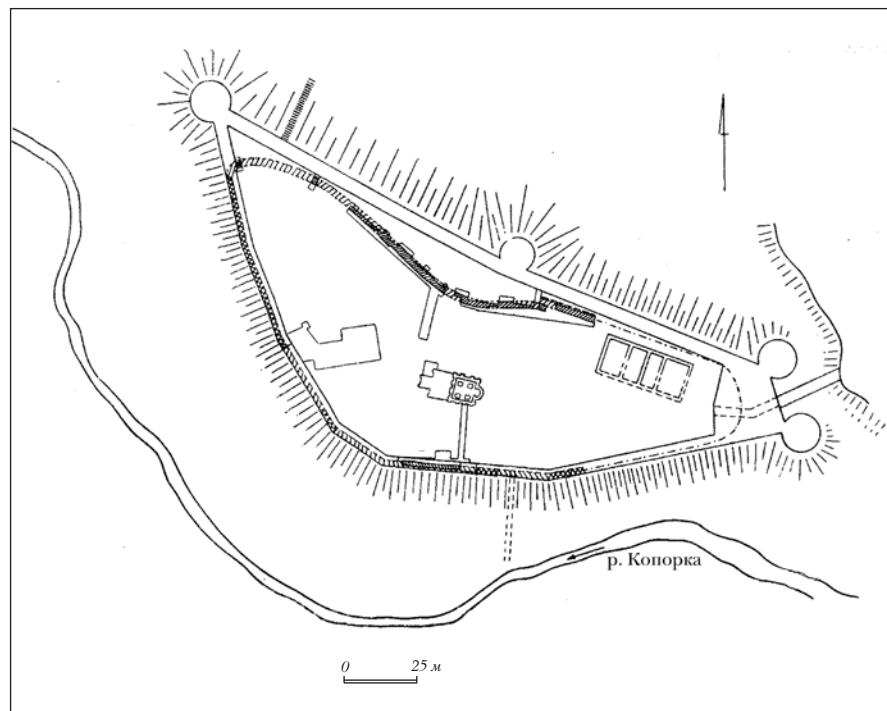
Следующая частично сохранившаяся постройка находится на северо-западе Новгородской земли—это крепость Копорье 1297 г., некоторые стены которой вошли в состав нового укрепления, выстроенного в конце XV—начале XVI в. В ходе архитектурно-археологических исследований Копорья, проведённых в 1970–1973 гг. под руководством О.В. Овсянникова, удалось установить план крепости 1297 г., выяснить характерные особенности строительной техники памятника [528].

Стена 1297 г. следует контуру холма, она заложена на самом краю крутого склона и в плане имеет криволинейные очертания. Первоначальная ограда в той или иной степени сохранности, очевидно, имеется в составе южной и западной стен Копорья на протяжении ~ 190 м [ил. 188, 189]. Северная стена крепости 1297 г. не совпадает с линией преграды начала XVI в. Исследователям удалось выявить отдельные участки первоначальной стены, сохранившиеся почти на полную высоту, которая достигает от подошвы со стороны обрыва 7,5 м, включая площадку боевого хода и бруствер.

Копорье в 1297 г. было мощной крепостью, обладавшей замкнутыми криволинейными стенами, рассчитанными на ведение фронтальной стрельбы. Средистенных башен в крепости не было, их функции выполняли уступы преграды, с которых, вероятно, велась фланкирующая стрельба.

Надвратная церковь Воскресения новгородского Детинца 1296 г. пока не изучена, ворота, на которых находилась церковь Спаса-Преображения 1297 г., были раскопаны в 1957 г. М.Х. Алешковским. В ходе исследований удалось найти участки кладки пилонов ворот конца XIII в., а также строительные материалы (кирпич, ракушечник, раствор), относящиеся к первоначальной постройке. Материалы этих раскопок свидетельствуют о том, что ворота с церковью появились раньше, чем каменная стена или башня Детинца [529].

В 1299 г. умирает архиепископ Климент, новым владыкой становится игумен Благовещенского монастыря Феоктист. Его поставление на владычную кафедру в 1300 г., несомненно, стало особым событием в жизни Новгорода конца XIII—начала XIV в.: в Новгород прибыли митрополит Максим, ростовский епископ Симеон и тверской владыка

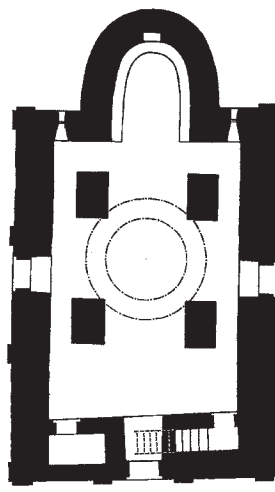


189

Андрей. Визиты русских архиереев в Новгород были весьма редким явлением во второй половине XIII—первой трети XIV в. Владыку Феоктиста поставили в Св. Софии на праздник Петра и Павла, «и свершиша праздник светель; и бысть радость Новуграду о своем владыце» [530].

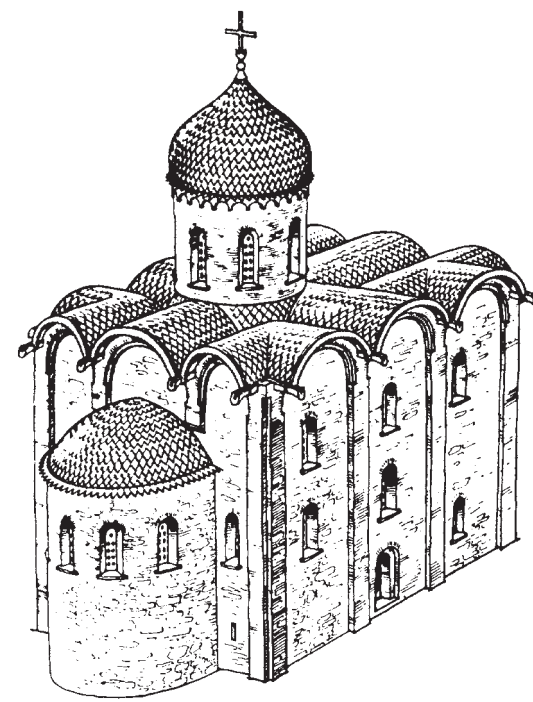


190



191

- 189 Крепость Копорье. Реконструкция плана крепости 1297 г. (по А.Н. Кирпичникову):
- части стены, раскопанные в 1970–1973 гг.;
 - трассированные части той же стены;
 - предполагаемое расположение той же стены;
 - части стены 1297 г., сохранившиеся почти на полную высоту
- 190 Церковь Михаила Архангела на Торгу в Новгороде. 1300–1301 гг., 1454 г., XIX в. Вид с северо-востока
- 191 Церковь Михаила Архангела на Торгу. План (по Л.Е. Красноречеву)
- 192 Церковь Михаила Архангела на Торгу. Реконструкция Л.Е. Красноречева
- 193 Церковь Св. Бориса и Глеба в новгородском Детинце. 1167–1173 гг., 1302–1305 гг., 1441 г. Фрагмент иконы «Видение пономаря Тарасия». Последняя треть XVI в. Новгородский музей



192

Вскоре после хиротонии архиепископа в Новгороде была заложена новая каменная церковь—храм Михаила Архангела на Торгу (1300–1302), необычная постройка с вытянутым, «базиликальным» планом [ил. 190–192]. Храм начала XIV в. был перестроен в 1454 г., в XVI–XIX вв. его облик значительно изменился. От древней постройки сохранились нижние части южной стены, а также на довольно большую высоту апсида, остальные части здания реконструируются лишь по нижним рядам стеновой кладки. Церковь XIV в. была четырёхстолпной, одноапсидной, очевидно, одноглавой, с прямоугольными столбами, вытянутыми по оси восток-запад. Подкупольное пространство расширено и смещено на восток для увеличения западной трети, где находились хоры (наверх вела лестница, располагавшаяся в западной стене). Фасады членились узкими лопатками, которые, однако, не соответствовали столбам. Много споров вызвал вопрос о характере завершения храма. Так, Г.М. Штендер предполагал четырёхскатное или двускатное покрытие, отдавая предпочтение двускатному с треугольными щипцами на западном и восточном фасадах [531], что делает храм похожим на западноевропейские базилики; Л.Е. Красноречев, исследовавший памятник, высказывался за позакомарное покрытие [532]. Деление фасадов лопатками на три прясла, хотя и не совпадающее с внутренней конструктивной системой здания, заставляет склоняться к мысли о позакомарном завершении фасадов. В любом случае внешний вид храма был довольно необычным для новгородского зодчества, впрочем, как и его интерьер. Интерес представляет лестница на хоры в толще западной стены,

встречающаяся и в церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице, и в соборе Снеготорского монастыря, а также находящаяся в этой же стене каморка.

До недавнего времени не было известно аналогов такому плану среди памятников древнерусской архитектуры. Однако плановая структура церкви Св. Михаила Архангела имеет очевидные черты сходства с планом церкви Св. Бориса и Глеба в Ростове 1287 г. (по реконструкции О.М. Иоаннисяна, П.Л. Зыкова, Е.Н. Торшина): узкие боковые нефы, столбы, вытянутые по оси восток-запад, протяженный план, одну апсиду параболической формы [533] (см. с. 147–158 в наст. томе). Есть и отличия в решении восточной части: у церкви Михаила Архангела отсутствуют боковые апсиды, которые выделены в интерьере ростовского храма. В то же время нельзя делать выводов о принципиальной близости зданий, так как не следует забывать, что план храма в Ростове—реконструкция, причём материалов для определения отдельных элементов планового решения памятника (положение западной стены, форма восточных столбов) пока явно недостаточно. Архитектурные формы церкви Михаила Архангела остались эпизодом в истории новгородской архитектуры, подобных черт в зодчестве середины—второй половины XIV в. мы не находим [534].



193

В 1302 г. начали перестраивать церковь Св. Бориса и Глеба (1167–1173) в новгородском Детинце. Ремонт был завершён в 1305 г., 9 декабря этого года храм освятили. Не очень ясно, что за работы были предприняты в 1302–1305 гг. — то ли заново отстроили разрушившиеся верхние части домонгольского храма, то ли храм подвергся более основательной перестройке. Несомненно одно: церковь сохранила плановую структуру памятника середины XII в., возможно, она имела позакомарное покрытие. Г. М. Штендер предположил, что именно в это время, а может быть ещё в XII в., храм получил динамичный верх в виде ярусов кокошников в подножии барабана (так церковь изображена на иконе «Видение пономаря Тарасия» из собрания Новгородского музея) [535] [ил. 193].

О других церквях, построенных в Новгороде и окрестностях в 1300–1308 гг., мы пока ничего не знаем (надвратная Покровская церковь Детинца 1305 г., церковь Святых 318 отцов Никейского собора 1308 г.).

Все новгородские летописи сообщают о закладке в 1302 г. каменного Детинца в Новгороде. О характере этих работ существует несколько предположений. Например, А. А. Строков и В. А. Богусевич считали, что в 1302 г. новгородцы заменили деревянные стены каменными примерно на две трети в наиболее слабом и опасном в случае военных действий участке, то есть со стороны рва и Софийской стороны. При этом часть стен, примыкающих к Волхову, оставалась деревянной вплоть до 1331 г. (строительство «стены архиепископа Василия» [536]). А. Л. Монгайт полагал, что Детинец в Новгороде был выстроен в камне ещё в XI в. и в связи с этим известие 1302 г. правильное относится не к Детинцу, а к Окольному городу [537]. По мнению М. Х. Алешковского, в 1302 г. в камне были выстроены только проездные башни, причем как раз те, у которых незадолго перед этим или несколькими годами позже строятся надвратные церкви — Воскресенская, Покровская, Спасская, Владимирская. Это мнение он подкреплял результатами собственных археологических работ 1957 г., в ходе которых удалось обнаружить, как считал Алешковский, остатки каменной Спасской башни 1302 г. [538] Однако В. П. Выголов высказал сомнения в достоверности результатов археологических работ 1957 г., так и не опубликованных подробно [539].

В ходе археологических работ 1960–1990-х гг., проводившихся на территории Детинца, остатков стен, которые можно было бы достоверно датировать 1302 г., выявлено не было. В то же время не исключено, что к этому времени могла относиться найденная М. Х. Алешковским кладка, примыкавшая к воротам, на которых находи-



194



195

лась Спасо-Преображенская церковь 1297 г. Была это кладка каменной стены или башни, к сожалению, пока не известно. К 1311 г. в новгородском Детинце существовало, по крайней мере, пять надвратных церквей. Сложно предполагать, что в Детинце начала XIV в. было пять башен — в Древней Руси этого времени мы не знаем многобашенных каменных крепостей. Вероятно, строительство ворот с надвратной церковью не обязательно предполагало возведение башни. Не исключено, что ворота с надвратными церквями первоначально входили в состав деревоземляных укреплений, а в 1302 г. новгородцы начали строить каменную стену с напольной стороны. Возможно, что в последующие годы удалось возвести большую часть укреплений, а в 1331–1333 гг. владыкой Василием была построена стена со стороны Волхова.

В 1308 г. тяжело заболевший архиепископ Феоктист покинул новгородскую кафедру и удалился в Благовещенский монастырь, «изволив молчанье житие» [540], через год владыка скончался и был похоронен в своей обители. По благословению Феоктиста новгородцы избрали новым архиепископом его

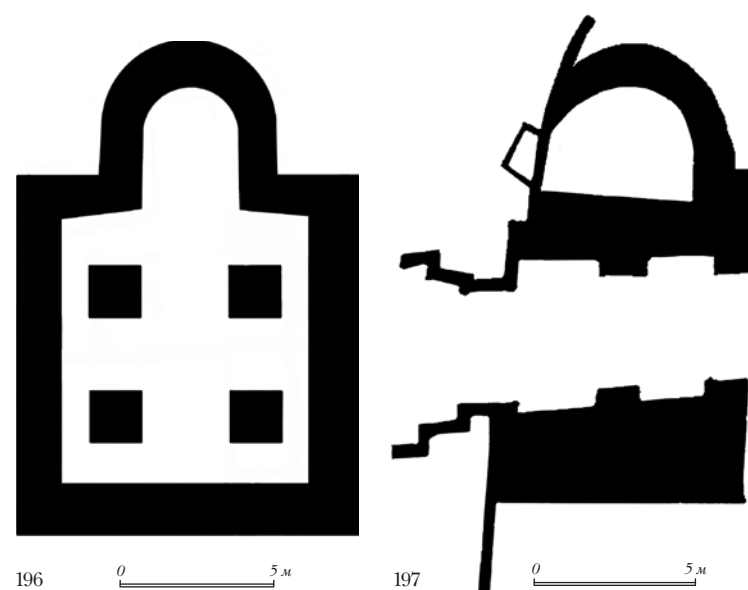
194 Дубенка. Место Покровской церкви Шилова монастыря

195 Покровская церковь Шилова монастыря на Дубенке. 1310 г. Раскопки 2013 г.

196 Покровская церковь Шилова монастыря. Схематическая реконструкция плана по материалам раскопок 1999, 2002, 2013–2014 гг.

197 Надвратная церковь Св. Владимира в новгородском Детинце. 1311 г. План-реконструкция ворот Г. М. Штендера

198 Церковь Св. Николы Белого в Новгороде. 1312–1313 гг. Вид с юго-востока



196

197

духовного отца Давыда. В 1309 г. Давыд едет во Владимир, где митрополит Пётр и поставил его новгородским владыкой. Духовным главой Новгорода Давыд оставался вплоть до своей смерти в 1325 г.

В первые годы правления Давыда в Новгороде и его окрестностях продолжается



198

активное строительство, начавшееся еще при владыке Клименте.

Церковь Покрова на Дубенке (1310) в Шиловом монастыре, по данным археологических исследований представляла собой одноапсидную четырёхстолпную постройку, с размерами четверика примерно 11,5 × 12,0 м (вместе с апсидой — 16 м) [ил. 194–196]. Интересной конструктивной особенностью здания было применение в восточной части фундаментных лент, соединявших столбы со стенами и апсидой, — черта, как считается, архаичная даже для архитектуры конца XII в. К сожалению, кладки храма почти полностью утрачены, в основном сохранились лишь рвы от выборки фундамента, поэтому составить представление о каких-либо отдельных архитектурных элементах невозможно. Можно отметить, однако, что его план очень похож на план церкви Св. Николы Белого в Новгороде (1312–1313, только конфигурация апсиды близка формам церкви Михаила Архангела на Торгу), очевидно, что и объёмно-пространственное решение памятника напоминало Никольский храм. Как и в Никольской церкви, лестница на хоры в храме Покрова, очевидно, была деревянной и располагалась в одном из угловых западных компартиментов. Храм был построен из ракушечника, плитняка и брускового кирпича, характерного для начала XIV в. [541]

К сожалению, пока не найдена выстроенная в том же году недалеко от Покровского храма церковь Успения на Коломцах. О структуре интерьера надвратной церкви Св. Владимира 1311 г. [ил. 197] мы также ничего не знаем: в ходе археологических работ были обнаружены лишь нижние части проездных ворот. Можно отметить, однако, одну интересную особенность постройки — апсида была выделена и в первом, воротном ярусе [542].

Период активного строительства в Новгороде завершается в 1312–1313 гг. возведением храма Св. Николая Чудотворца (Николы Белого) [ил. 198]. Храм Св. Николая Чудотворца был построен по заказу владыки Давыда на его дворе в Неревском конце Новгорода. Одновременно с освящением храма, судя по летописному известию, был устроен и небольшой монастырь («и бысть прибежище всем христианом, и чернцы в нем совокупишася» [543]).

Одноапсидный, одноглавый четырёхстолпный храм с одноэтажным западным притвором сохранился, хотя и значительно перестроен. Анализ архитектурных форм памятника, подробно исследованного Г. М. Штендером [544], оказывается очень важным для понимания дальнейшей эволюции новгородского зодчества.

Никольская церковь выделяется в ряду других новгородских построек первой поло-

[535] Штендер, 1991. С. 96. Нельзя забывать, однако, о том, что храм был капитально перестроен в 1441 г. (НЛ. С. 421). Публикация прориси с иконы: Гусев, 1900. С. 28–30. Рис. VII.

[536] Строков, Богусевич, 1939. С. 143.

[537] Монгайт, 1952. С. 26.

[538] Алешковский, 1962. С. 19–20.

[539] Выголов, 1994/1. С. 4, 21–24.

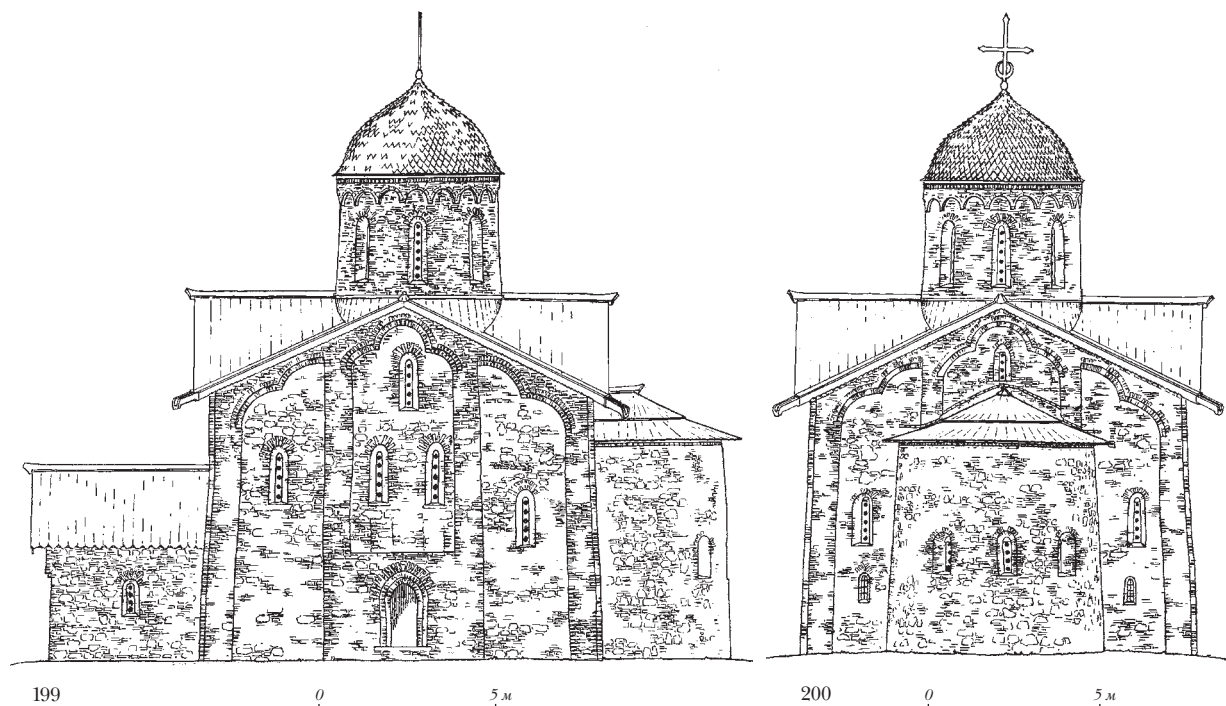
[540] НЛ. С. 92.

[541] Антипов, Жерваз, 2016. С. 30–49.

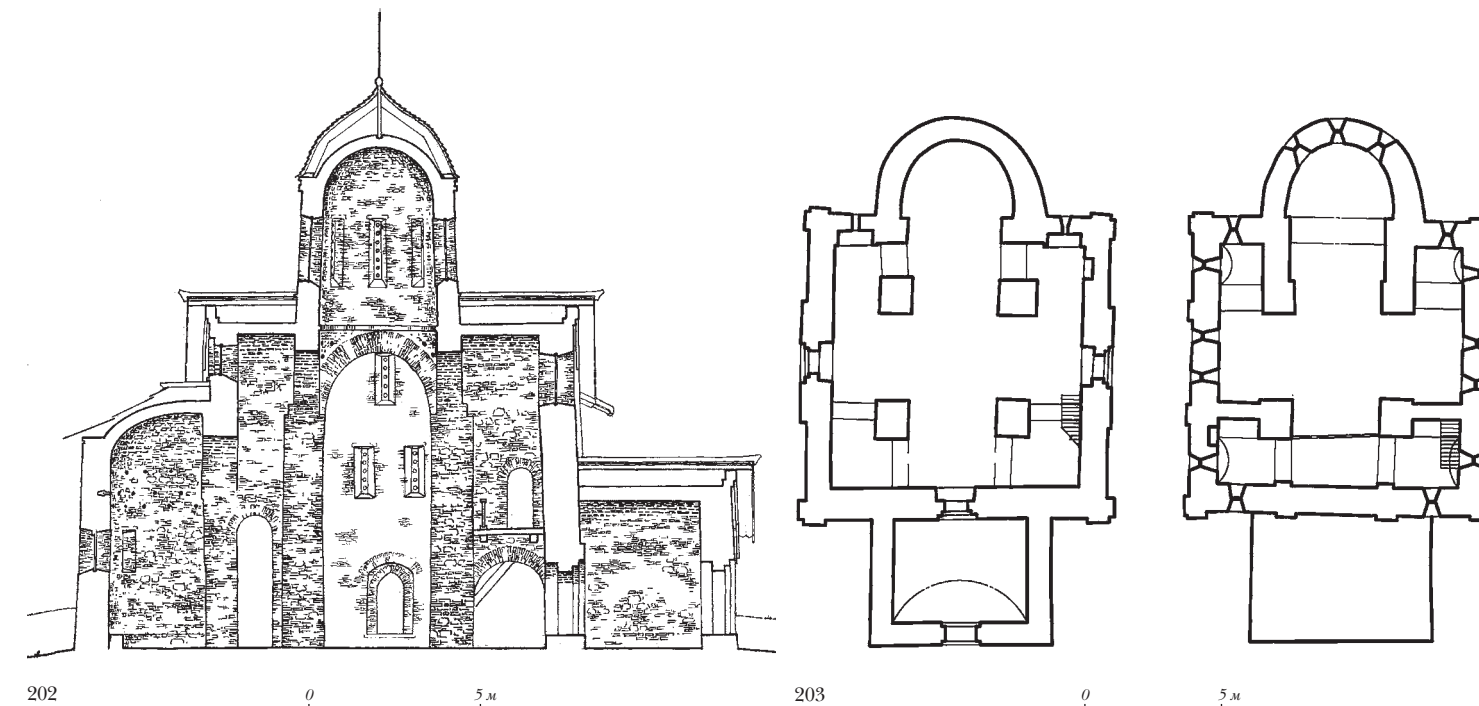
[542] Церковь Св. Владимира 1311 г. дважды раскапывали — М. К. Каргер в 1945 г. и М. Х. Алешковский в 1957 г. (Архитектурное наследие 2008. С. 91).

[543] НЛ. С. 94, 335.

[544] Храм частично отреставрирован по проекту Г. М. Штендера в 1963 г., новая реставрация памятника проведена в 2000-х гг.: Штендер, 1991. С. 89–102, см. также: Кулакова, Филиппова, 2007. С. 26–40.



199, 200, 202 Церковь Св. Николы Белого в Новгороде. Южный (199), восточный (200) фасад и продольный разрез (202). Реконструкция Г. М. Штендера
201 Церковь Св. Николы Белого в Новгороде. Южный портал
203 Церковь Св. Николы Белого в Новгороде. Планы 1 и 2 ярусов. Реконструкция Г. М. Кулаковой
204 Церковь Св. Николы Белого в Новгороде. Интерьер. Вид на юго-восток



вины XIV в. как из-за формы покрытия—на южном и северном фасадах обнаружены отчётливые следы первоначального восьми-скатного покрытия, так и из-за некоторых других особенностей объёмно-пространственного решения, необычных готических деталей в оформлении фасадов и решении интерьера. Уникальной чертой храма является большой наклон всех наружных стен внутрь—отклонение от вертикали составляет снаружи 35–40 см, в интерьере 20–25 см.

Фасады Никольской церкви симметрично расчленены плоскими лопатками, стянутыми вверх ползучими арками; расположение лопаток не соответствует внутренней структуре храма—среднее прясло несколько шире равных между собой боковых. Притвор лопаток не имел. Трёхлопастные арки центральных прясел сочетаются с двойными арками боковых, образуя на фасадах необычную для новгородской архитектуры предшествующего времени семилопастную композицию. На южном, северном и западном фасадах храма находятся три перспективных портала с перемычкой стрельчатой формы, несколько смягчённой в центральной части. Важно отметить, что над порталами в центральных пряслах боковых фасадов располагается отлив, то есть центральные лопатки начинаются на высоте примерно 3 м. Причина, по которой центральные прясла были сделаны более широкими, очевидна: для устройства перспективных порталов обычной ширины стены оказалось недостаточно. На фасадах храма можно выделить несколько типов окон, в том числе окна с кирпичной окончиной (один из первых известных случаев употребления таких окончин в Новгороде [545])

и окна со стрельчатой перемычкой. Композиция окон на боковых фасадах в целом напоминает Перынь или Липно: по одному окну в крайних пряслах, два окна над порталом в центральном прясле, над которыми по центру также расположено окно. Необычным кажется, однако, размещение на разных уровнях одинаковых по форме и размеру окон в западном и восточном пряслах. Причина появления этой особенности в том, что окна в западных пряслах освещают камеры на хорах, поэтому они расположены выше окон в восточных пряслах. Интересно, что ритм проёмов на боковых стенах согласован с положением лопаток, поэтому на фасадах



201

возникает определённое несоответствие между барабаном, сдвинутым к востоку, и порталом, а также окнами, сгруппированными вокруг центральной зоны боковых прясел. Это же несоответствие чётко видно при взгляде из подкупольного квадрата в северный и южный рукава креста—все проёмы сдвинуты к западу относительно центральной оси рукава, заданной шагом подпружных арок.

В целом уникально расположение окон на восточном фасаде и апсиде. Так, в боковых пряслах восточной стены в нижнем ярусе расположены щелевидные окна жертвенника и дьяконника, над которыми находятся широкие окна, помещённые на одном уровне с окнами в восточных пряслах боковых фасадов. Над апсидой устроено окно со стрельчатым завершением, ещё три окна расположены во втором ярусе декорации апсиды. Благодаря наличию окон в восточной части в храме возникал необычный характер освещения интерьера: вместо крестообразной системы освещения здесь мы видим иной принцип: световыми потоками выделена восточная часть.

Стену апсиды церкви Николы Белого украшал поребрик—здесь он употреблён впервые в Новгороде. Крыша над апсидой имела коническую форму и напоминала крышу над апсидой церкви Св. Николая Чудотворца на Липне. К сожалению, первоначальный барабан не сохранился, вероятно, он имел форму, близкую к усечённому конусу. Неоштукатуренные узкие щелевидные окна, перспективные порталы и поребрик на апсиде оживляли поверхности стен, видимо, изначально покрытых белой обмазкой—штукатуркой тёплого тона.

Все компартименты вокруг центрального подкупольного квадрата перекрыты в одном уровне коробовыми сводами [ил. 202–204]. Четыре квадратных столба сдвинуты к востоку, расширяя пространство в западной части, предназначенное для хора. Подкупольный квадрат значительно круп-



204

[545] В ходе раскопок 2002 г. церкви Покрова Шилова монастыря 1310 г. нами был найден фрагмент лекального кирпича от кирпичной окончины.

нее рукавов креста. Интересно отметить некоторую асимметрию в их построении: так, южный и западный рукава несколько больше северного и восточного. В западных углах храма были устроены замкнутые камеры на полатях, объединённые узким помостом; туда вела деревянная лестница, находившаяся, очевидно, в юго-западном углу. Вероятно, в северо-западной камере был устроен придел. При этом восточные углы не имеют замкнутых палаток и открыты высокими арками в центральное пространство храма. Абрис первоначальных пониженных подпружных арок был, по мнению Г. М. Штендера, параболическим или стрельчатым (установлено по сохранившимся остаткам и отпечаткам).

В интерьере особый интерес представляют расположенные в восточной стене ниши жертвенника и дяконника—они имеют ярко выраженный стрельчатый абрис завершения. Порталы, имеющие снаружи стрельчатые формы, изнутри завершаются лучковой перемычкой.

Здание сложено из камня и кирпича: в облицовке использован бурый ракушечник и серый плитняк, хотя кирпича в кладке значительно больше. Целиком из большемерного брускового кирпича выложены столбы, арки, своды, порталы, окна, стены в наиболее ответственных местах, лопатки и карнизный декор; конха апсиды, видимо, также была кирпичной. В кладке стен отсутствует чёткая система—на значительной части преобладают ложки (то есть на фасад выходит длинная сторона кирпича), иногда бессистемно чередуются ложки и тычки (короткие стороны кирпича).

Художественный образ Никольской церкви во многом уникален для новгородского зодчества: симметричное расположение лопаток на фасадах, значительный наклон наружных стен, а также, вероятно, барабан конусовидной формы подчёркивали устойчивый вертикализм построения архитектурных масс этого, в общем, не очень высокого храма.

Черты, характерные для новгородской архитектуры этого времени (плановая структура, характер трактовки интерьера с замкнутыми западными угловыми компартиimentами и открытыми восточными, отчасти расположение окон), сочетаются в Никольской церкви с ярко выраженными готическими деталями: уже упомянутыми стрельчатыми окнами, порталами, нишами, использованием пережжённого кирпича в кладке фасадов, декоративными семилопастными арками, а также восьмикатным завершением фасадов (очевидно, это также отпечаток готического влияния—поскатные покрытия до этого не использовались в Новгороде, однако такой тип завершений

зданий характерен для готической архитектуры).

Наиболее содержательным оказывается сопоставление церкви Николы Белого с храмом Св. Николая Чудотворца на Липне: оба памятника относительно неплохо сохранились, в сравнении с церковью Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице или Св. Михаила Архангела на Михайловой улице. Храм Николы Белого имеет ряд черт, близких к церкви Св. Николая Чудотворца на Липне: использован один и тот же тип брусковых кирпичей; так же как в храме на Липне, большие участки стен, сводов, столбов здания сложены только из кирпичей; близким является решение западной части постройки с деревянной лестницей на хоры, расположенной в юго-западном углу. В то же время немало и отличий, говорящих о существенной трансформации и архитектурного типа в целом, и об изменении значимых деталей. Меняется форма проёмов и ниш—с полудиркульных на стрельчатые, различается форма столбов, принципиальным образом влияющая на формирование храмового интерьера, несколько отличается расположение окон на фасадах. Иной подход мы видим и в цветовом решении фасадов—вместо оштукатуренных фасадов липенского храма с акцентированно расположенными камнями разного цвета и участками кирпичной кладки в храме Николы Белого на однородном тёплом тоне оштукатуренных фасадов выделялись лишь пятна проёмов и поясок поребрика. Наконец, изменяется формат кирпичей и их сортамент (липенская церковь оказалась уникальной по разнообразию применённых типов лекального кирпича). Если в храме Св. Николы на Липне на древнерусскую конструктивную основу накладывались романские детали, то архитектурные формы церкви Св. Николы Белого несут на себе отпечаток влияния раннеготического зодчества.

Большинство новых архитектурных форм, с которыми мы впервые (из сохранившихся памятников) сталкиваемся в церкви Николы Белого, стали постоянно использоваться в новгородской архитектуре середины XIV—XVI вв., в том числе семилопастная арка, пояс поребрика, перспективные порталы. Стрельчатые формы проёмов и ниш станут обычным явлением в новгородской архитектуре середины XIV—первой четверти XV в. В то же время не все эти формы новгородцы сразу стали активно применять. Так, наиболее яркая отличительная черта храма—восьмикатное завершение фасадов—встречается в новгородской архитектуре XIV—XV вв., очевидно, крайне редко [546].

Некоторые другие элементы архитектуры Никольского храма также позднее не встречаются: например, многочисленные

205 Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря в Пскове. 1310–1311 гг. Вид с северо-востока



205

[546] Высказывались предположения, что на восемь скатов была покрыта церковь Св. Параскевы Пятницы на Торгу в перестройке 1345 г. и Никольский собор в Изборске 1330–1340-х гг., однако доказательств этих гипотез пока нет (см. ниже). Среди памятников архитектуры XV в. восьмикатное покрытие было в церкви Св. Сергия Радонежского в Детинце 1459 г., но здесь характер его совсем иной: в отличие от Никольского храма, где вершины щипцов подняты невысоко, в Сергиевской церкви фасады завершались очень высокими щипцами. В XVI в. восьмикатное покрытие в Новгороде получает широкое распространение, но формы его напоминают покрытие Сергиевской церкви, а не завершение церкви Николы Белого.

окна на восточном фасаде и связанная с этим система освещения восточной части здания; стрельчатые формы ниш в пастофориях, и пр. Уже с середины XIV в. восточные углы храма также изолируют от центрального пространства, устраивая там замкнутые камеры. Именно с этим связано отсутствие окон в восточных пряслах боковых фасадов, а также над щелевидными окнами пастофориев, таким образом, в середине XIV в. происходит принципиальное изменение системы освещения новгородского храма.

Строительство в Пскове в 1300–1310-х годах

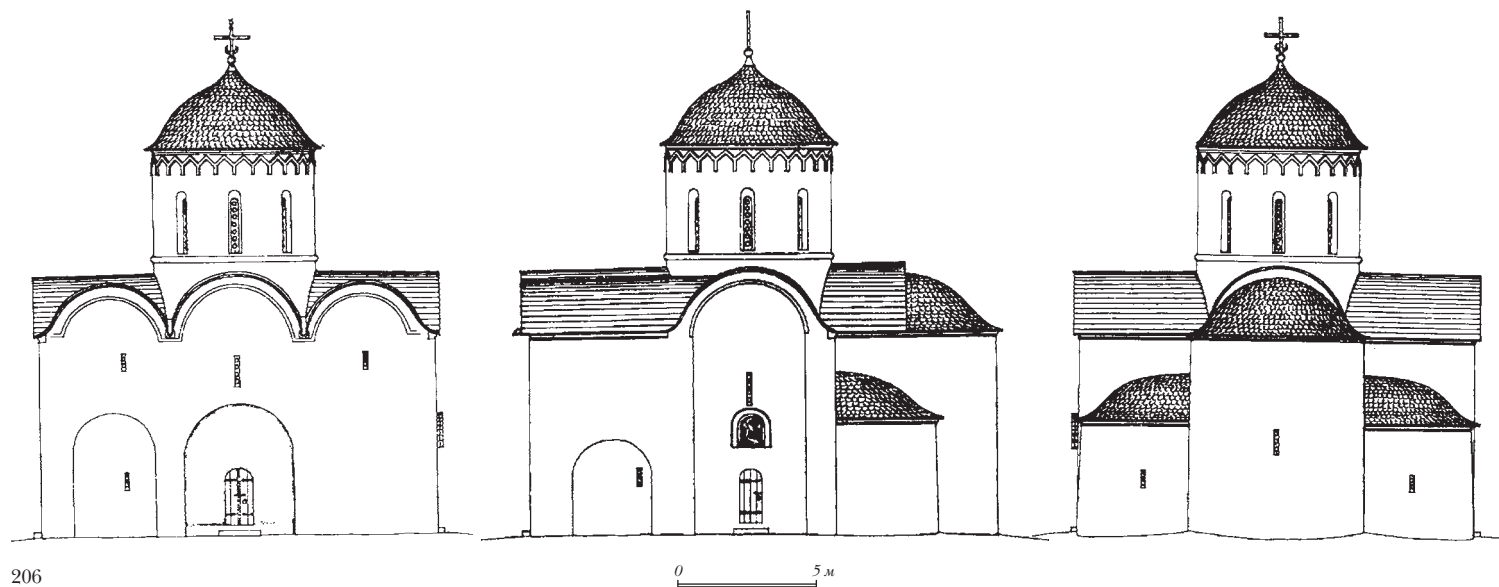
В 1300-е гг. строят и в Пскове: в 1309 г. посадником Борисом «съ псковичи» строится каменная стена, а в 1310–1311 гг. возводится собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря.

Стена 1309 г. проходила от реки Псковы (от церкви Св. Петра и Павла с Буя) к реке

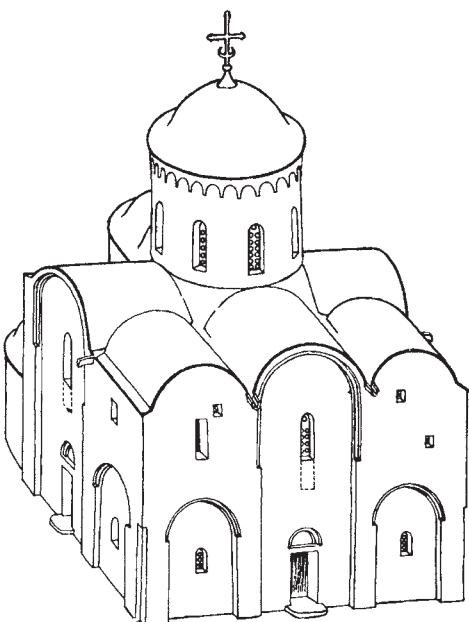
Великой, её линия убедительно реконструирована И. К. Лабутиной. По данным письменных источников, к первоначальной стене или к её переделкам до середины XIV в. можно отнести четыре башни, одна из которых венчала собой Плотинские (Плоские) ворота, которые, впрочем, очевидно, были не единственными [547]. К 1433 г. эта стена уже пришла в ветхое состояние и её начали разбирать. Остатки фундамента стены (из валунов, сложенных в два-три ряда насухо) неоднократно раскрывали в процессе археологических работ.

Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря (1310–1311)—памятник на первый взгляд неожиданный и даже уникальный для архитектуры второй половины XIII—первой четверти XIV в. [ил. 205, 206, 208]. Исследователи давно заметили, что снетогорский собор повторил плановую схему и объёмно-пространственную композицию Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря середины XII в. [548] [ил. 207, 209].

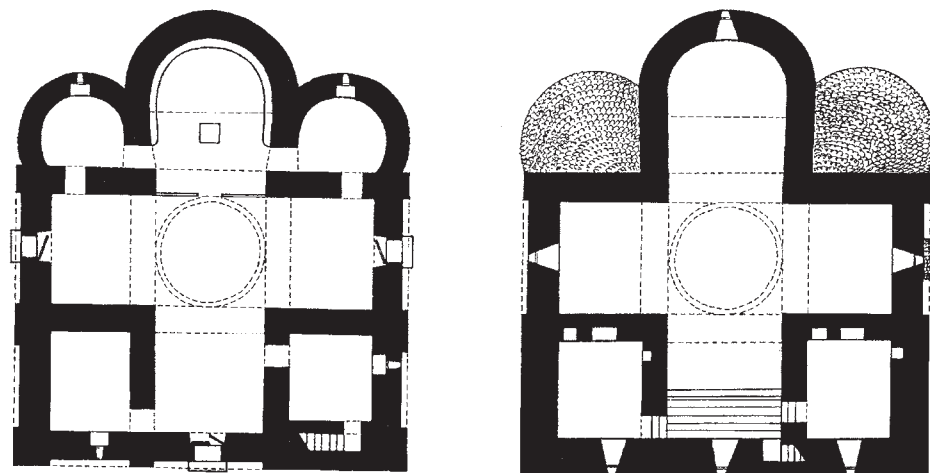
[547] Лабутина, 1985. С. 41.
[548] О буквальном сходстве двух памятников впервые написал ещё В. В. Сулов (Сулов, 1888. С. 243), а затем этот аспект подчёркивали многие историки архитектуры.



206



207



208

А.И. Комеч выделил два обстоятельства, которые могут объяснить причину «копирования» храма, построенного в XII столетии. Во-первых, Снетогорский монастырь мог возникнуть благодаря инокам Мирожской обители, соответственно древняя обитель во всём была своего рода образцом для Снетогорского монастыря. Во-вторых, при возобновлении церковного строительства после длительного перерыва (а в Пскове строительство не велось с середины XII в. или же с 1190-х гг., если справедлива гипотеза о строительстве в это время Троицкого собора [549]) мастера вынуждены были искать источники в прошлом, в искусстве, которое воспринималось тогда как своё, псковское. Как писал исследователь, «архитектурная традиция осуществлялась не как преемственность профессиональ-

ного опыта, а как следование авторитету и облику „своих“ построек» [550]. Замечания А.И. Комеча, безусловно, справедливы. Можно только сопоставить строительство собора Снетогорского монастыря по образцу мирожского храма с возведением церкви Св. Николая Чудотворца на Липне по образцу Перыни. В новгородском случае копирование не столь безусловное, да и хронологический интервал между постройками уже, но сам принцип копирования оказывается одной из отличительных особенностей этой эпохи.

Летописи сообщают о росписи собора в 1313 г., но ничего не говорят о заказчике строительства храма, отмечая лишь, что это событие произошло «при игумене Иове» [551]. Собор Рождества Богородицы— это четырёхстолпный одноглавый трёх-

[549] Ворониц, 1952. С. 292.

[550] Комеч, 1993. С. 73.

[551] ПЛ. С. 14. В.Д. Сара-

бьянов полагал, что

строительство каменного

храма велось на средства,

завещанные Довмонтом,

его вдовой княгиней

Марией Дмитриевной

(в иночестве Марфой),

скончавшейся в 1317 г. (см.

наст. изд. с. 397, см. также

мнение Вл.В. Седова о пред-

смертном заказе Довмонта,

осуществлённом десять

лет спустя: Седов, 1992.

С. 37–38, 43). Исследователь

ссылается на текст Сред-

ней редакции «Повести

о Довмонте», составленной

в XVI в. (Охотникова, 2007.

С. 478). В этом источнике

сожжение немцами Снетогорского монастыря, кото-

рое в ранних редакциях

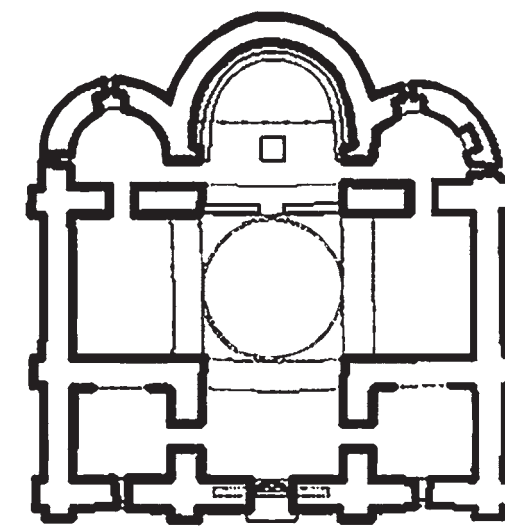
206 Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. Западный, южный и восточный фасады. Реконструкция (по В.Е. Никитину и И.Б. Голубевой)

207 Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря в Пскове. 1130 — начало 1150-х гг. Реконструкция М.И. Мильчика и Г.М. Штендера

208 Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. Планы 1 и 2 ярусов (по В.Е. Никитину и И.Б. Голубевой)

209 Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. План (по В.Е. Никитину и И.Б. Голубевой)

210 Барабан собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря



209

апсидный храм с замкнутыми палатками в угловых западных частях [552]. По размерам собор Рождества Богородицы также напоминает мирожский храм, который, очевидно, был обмерен перед строительством новой церкви (размеры снетогорского храма 16,4 × 14,5 м, мирожского—17 × 16 м). Новгородские памятники этого же времени (церкви Николая на Липне, Михаила Архангела, Николая Белого) гораздо меньше по размерам, чем псковский храм. Закомары западного фасада собора Рождества Богородицы соответствуют трём сводам, перекрывающим западную ветвь креста и две палатки по бокам. При этом западный фасад снетогорского собора отличается от западного фасада Мирожского: лопатки не выделяют южное прясло. В южной части западной стены находилась лестница на хоры, поэтому толщина стены здесь была увеличена на толщину лопатки. В ходе археологических работ В.А. Булкиным была открыта примыкающая к западной стене храма кладка из валунов—остатки притвора, упомянутого в 1417 г. Кладка притвора не перевязана с кладкой храма, но уровень залегания этих сооружений, характер кладки почти одинаковые, в связи с этим исследователь не исключал, что притвор изначально примыкал к храму с западной стороны [553]. По мнению В.Е. Никитина, изучавшего и реставрировавшего памятник, притвор был пристроен в начале XV в. [554]

В верхней части всех трёх прясел западной стены расположены щелевидные окна, окно центрального прясла больше боковых. В северной части фасада, очевидно, было окно в нижнем ярусе, освещавшее угловую северо-западную палатку. В центральном прясле стены находился портал с полуциркульным завершением.

Ритм боковых фасадов был схож с ритмом фасадов мирожского храма, также как

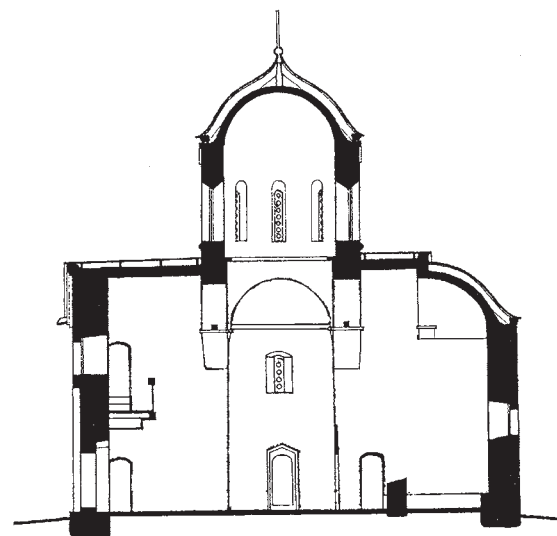
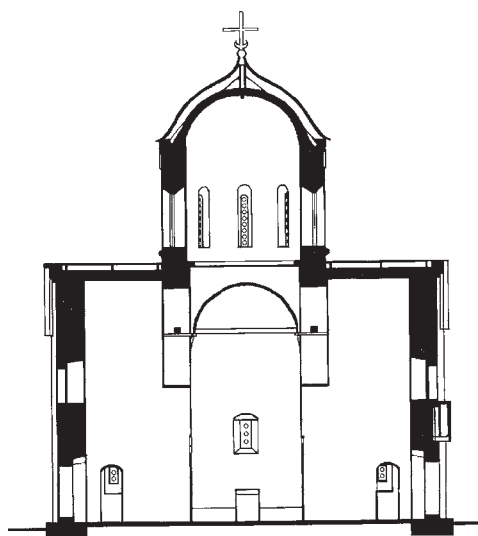
и решение восточной части. Построение боковых фасадов асимметрично: выделено центральное прясло, которое как бы заключено лопатками в неглубокую нишу. Здесь мы видим вертикальную композицию проёмов и ниш: портал—полуциркульная ниша—щелевидное окно. Нижний ярус западных прясел северного и южного фасадов выделен благодаря неглубоким нишам с арочным завершением (на южном фасаде в западном прясле было щелевидное окно, освещавшее юго-западную угловую камеру).

Восточный фасад имеет более динамичный ритм: пониженные боковые и высокая центральная апсиды создавали постепенное восхождение к цилиндрическому объёму барабана и, очевидно, шлемовидному куполу. По центру апсид расположены щелевидные окна, проёмов в восточной стене четверика нет.

Барабан храма завершался пояском из «треугольных подобий арок» [555] [ил. 210]. Исследователи отмечают, что данная форма могла быть связана с декором раннеготических построек [556]. Лаконичные поверхности стен, расчленённые только широкими лопатками, контрастировали с украшенным декоративным пояском барабана. Именно барабан был основным источником освещения в храме. Восемь довольно широких окон, завершённых полуциркульными перемычками, прорезают его стены.



210



211 Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. Поперечный и продольный разрезы (по В.Е. Никитину и И.Б. Голубевой)

212 Собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря. Свод алтарной апсиды

211

Храм сложен из плиты на белом известковом растворе без применения плинфы или кирпича. Снетогорский собор—первый памятник церковной архитектуры Пскова, в котором мы сталкиваемся с такой техникой кладки, в дальнейшем становящейся характерной для всей псковской средневековой архитектуры.

При почти безусловном внешнем сходстве снетогорского и мирожского храмов, можно выделить существенные отличия в композиции их планов. В снетогорском соборе боковые рукава креста равны по габаритам подкупольному пространству (их размеры $3,95 \times 3,95$ м), в то время как в храме Мирожского монастыря подкупольный квадрат был заметно больше остальных долей здания. В интерьере мирожского собора доминирует купол, как бы осеняющий всё пространство храма, в котором, благодаря тому, что угловые части изолированы от центра, чётко ощущается крестообразная структура интерьера здания. В снетогорском соборе перед нами равные ячейки, купол лишь завершает центральную из них, отчего «возникает чувство некоторой самостоятельности, соседства пространственных зон, их слагаемости,—вместо непререкаемой грандиозности, цельности интерьера Спасо-Преображенского собора» [557]. Следует, правда, отметить, что, как и в мирожском соборе, зодчие начала XIV в. применили способ, позволяющий всё-таки значительно акцентировать подкупольное пространство: это система освещения храма. Рукава креста освещены очень слабо—вспомним, что во всех рукавах креста было только по одному щелевидному окну, расположенному по центру. Подкупольное пространство, напротив, подчёркнуто светом, падающим из восьми окон барабана. В интерьере храма несколько выделялась продольная ось: западный и восточный рукава креста равны по длине

(5,7 м), апсида в нижнем ярусе имеет подковообразную форму. Первоначальная алтарная преграда была невысокой (около 3 м), пространство верхней зоны апсиды могли видеть все молящиеся в храме [ил. 211, 212].

Реставрационные исследования последнего времени позволили судить и о других особенностях внутреннего пространства храма Рождества Богородицы. Интерьер снетогорского собора интересен и решением угловых западных помещений: в нижнем ярусе только узкие проёмы связывали их с пространством западного рукава креста, при этом входы в образовавшиеся замкнутые камеры были расположены асимметрично, не напротив друг друга. И.Б. Голубева и В.Д. Сарабьянов предполагают, что в нижней северной камере находился придел или уединённая монашеская молельня, а в южной был устроен вход на лестницу, которая вела на хоры [558]. Северная камера, очевидно, освещалась через окно в западной стене, южная—через окно в южной стене. В верхнем ярусе угловые палатки тоже были замкнутыми, они соединялись только между собой деревянным настилом хор, именно на этот настил выходила внутрискладная лестница. Верхние палатки и переход между ними освещались окнами, устроенными в западной стене. Сохранившиеся ниши в восточной и южной стенах палаток свидетельствуют о том, что здесь находились приделы.

Подобная трактовка верхней зоны западных угловых частей, с лестницей на хоры в южной части западной стены, может указывать на знакомство зодчих не только с собором Мирожского монастыря, но и с другими памятниками зодчества Новгорода и Пскова домонгольской поры, а также с современной архитектурой Новгорода. Так, лестница на хоры (правда в северной части впервые в Пскове встречается в соборе Иоаннов-

[557] Колеч, 1993, С. 75.
[558] Голубева, Сарабьянов, 2002, С. 6.



212

ского монастыря (1140-е гг.), лестницы в южной части западной стены известны во многих новгородских постройках второй половины XII в. В то же время трактовка западной части собора Иоанновского монастыря принципиально другая—здесь выделен центральный балкон хор, нет замкнутых боковых компартиментов. Иное решение хор с замкнутыми угловыми палатками мы видим в ладожских церквях Успения Богородицы и Св. Георгия и в новгородских храмах Св. Петра и Павла на Синичьей горе и Спаса на Нередице. Близким по типу является и решение замкнутых палаток на хорах в церквях Св. Николы на Липне и Св. Николы Белого, где также угловые камеры не открываются в пространство боковых рукавов креста. Правда, лестница в этих храмах деревянная и расположена в юго-западном компарimente, тем самым исчезает возможность устройства двух приделов в угловых камерах. В двух храмах конца XIII—начала XIV в. лестница, ведущая на хоры, также находилась в западной стене (церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице и Св. Михаила Архангела на Михайловой улице; к сожалению, хоры в этих храмах не сохранились).

Решение нижней зоны в снетогорском соборе является интерпретацией структуры плана храма-образца—собора Спасо-Мирожского монастыря [559]. В интерьере благодаря такой трактовке выделялся пространственный крест, угловые части здания превращались в небольшие замкнутые помещения, не связанные с основным пространством для молящихся.

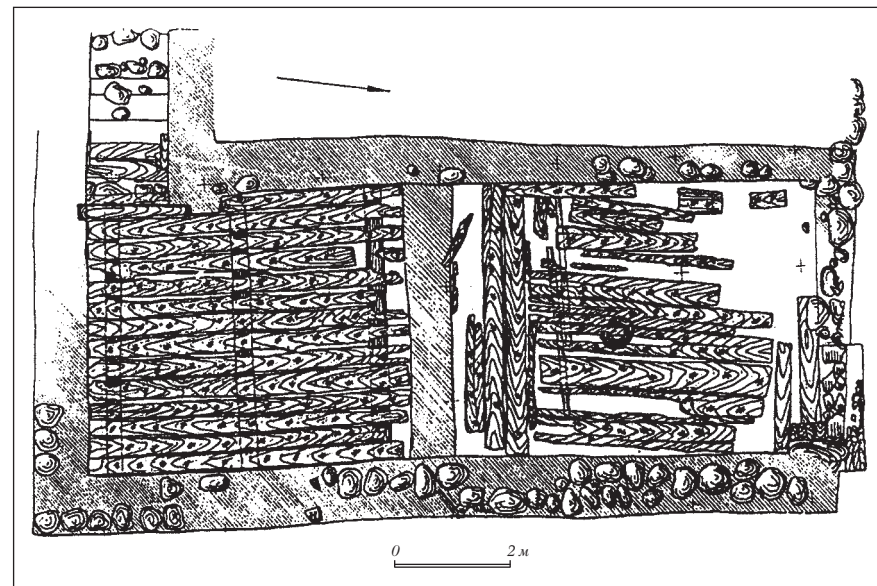
Снетогорский собор подчас воспринимают прежде всего как копию храма XII в., подчёркивая, что о зарождении здесь каких-либо признаков нового, уже псковского стиля говорить не приходится [560]. В то же время исследования А.И. Комеча свидетельствуют о том, что снетогорский собор, а особенно его интерьер, показывает возможность изменения псковскими зодчими начала XIV в. структуры церкви, заданной храмом-образцом [561]. Среди новых, уже псковских черт стиля и эмоционального воздействия А.И. Комеч выделяет ненапряжённость, пассивность оболочки, отсутствие монументального начала и структурной доминанты, непредсказуемость ритмического движения частей оболочки и ориентации пространственных компартиментов. Действительно, все указанные особенности есть в интерьере снетогорского собора, но могут ли они быть отмечены как специфически псковские и можно ли проводить непрерывную линию преемственности даже не архитектурных форм, а их трактовки от храма начала XIV в. к псковской архитектуре второй половины XV в. (только от этой эпохи до нас дошло

достаточное количество построек)? Думается всё же, что снетогорский собор—памятник, напрямую не повлиявший на дальнейшее развитие псковской архитектуры (если не считать специфику строительной технологии). Выделенные А.И. Комечем особенности снетогорского храма не являются, на наш взгляд, специфическими особенностями всей псковской архитектуры XIV—XV вв. в целом, хотя существуют и некоторые общие черты этой постройки и сохранившихся храмов более позднего времени.

Итак, последние реставрационные исследования показывают, что, если внешне снетогорский собор почти буквально повторил мирожский храм, то в интерьере зодчие внесли существенные изменения, связанные прежде всего с желанием придать иной функциональный характер боковым угловым камерам верхней зоны храма [562].

В связи с этим необходимо коснуться вопроса о мастерах, строивших снетогорский собор. Исследователи предлагали разные варианты ответа на этот вопрос: так, например, Вл.В. Седов считает храм Рождества Богородицы постройкой новгородских зодчих [563], а по мнению А.И. Комеча, в монастыре работала группа мастеров, сформировавшаяся при строительстве стены 1309 г. Кажется важным замечание исследователя о том, что в Пскове в это время «не было своей архитектурной традиции, но строительная, связанная с переходом на чисто плитняную кладку, без кирпича, безусловно, существовала» [564].

Необходимо отметить также математически точное построение плана собора, с отдельными ячейками, абсолютно равными по размерам. Почти все стены постройки строго вертикальны, подкупольный квадрат не изменяется в размерах от уровня пола до подпружных арок и парусов, барабан имеет цилиндрическую форму. Все



213

213 Довмонтов город в Пскове. Постройка IV. Конец XIII — начало XIV в. (по В.Д. Белецкому)

[559] Г.В. Алфёрова не исключала, что собор Мирожского монастыря имел замкнутые западные нижние камеры (Алфёрова, 1958. С.19, 22), однако, по мнению М.И. Мильчика и Г.М. Штендера, западные столбы изначально были соединены с западной и боковыми стенами арками (Мильчик, Штендер, 1988. С.84). Последние исследования в мирожском соборе показали, что точка зрения Г.В. Алфёровой верна (Никитин, Голубева, 2009).

[560] См., напр.: Седов, 1992. С.45.

[561] Комеч, 1993. С.73–80.

[562] В мирожском соборе угловые камеры не функционировали как приделы, так как попадать внутрь этих помещений было весьма затруднительно. Возможно, что в одной из этих камер находилась келья монаха-столпника, а во второй могли хранить и переписывать книги (Сарабянов, 2011. С.193–194).

[563] Седов, 1992. С.45.

[564] Комеч, 1993. С.71.

[565] Белецкий, 1996. С.130–138.

[566] Там же. С.135.

эти черты нехарактерны для новгородской архитектуры конца XIII—начала XIV в. (вспомним, например, построение четверика и барабана церкви Св. Николы Белого, заложённой почти одновременно со снетогорским собором).

Надо полагать, что строительство псковского собора, скорее всего, осуществлялось «сборной» артелью, в которой тон задавали местные псковские мастера-каменщики, но участвовать в этих работах могли и новгородцы. Зодчий, строивший храм, был хорошо знаком с памятниками новгородской архитектуры домонгольской поры. Очевидно, он предварительно обмерил снаружи Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Снетогорский собор выделяется из ряда новгородских построек конца XIII—начала XIV в. и в то же время, на наш взгляд, пока нет оснований уверенно говорить о том, что собственно псковская архитектурная традиция начинается с этого храма. В нём много необычного, особого, возможно, как стремился показать А.И. Комеч, эти черты и могут быть восприняты как нечто своё, псковское. Однако источники этих форм можно найти либо в новгородской архитектуре середины XII в., либо в зодчестве уже следующих десятилетий. Как кажется, в снетогорском соборе мы сталкиваемся пока лишь с зарождением такого явления, как псковская архитектурная традиция, которое в полный голос заявит о себе только во второй половине XIV в.

Не исключено, что строительство в Пскове какое-то время продолжалось и после 1311 г. В конце XIII—начале XIV в. было построено каменное гражданское здание в юго-западном углу территории Довмонтова города (постройка IV), раскопанное в 1959–1962 гг. экспедицией Государственного Эрмитажа [565] [ил. 213]. В истории постройки В.Д. Белецким выделяются два строительных периода. Первоначальное сооружение было сложено из тёсаных плит известняка, скреплённых известковым раствором, сходным с раствором древнейшей крепостной стены Довмонтова города. В плане постройка прямоугольная, длинными сторонами ориентирована с севера на юг параллельно крепостной стене. Здание имело подвальный этаж и надземные части, подвал был разделён поперечной стеной на два помещения. Основная часть здания, по-видимому, была деревянной.

Вопрос о датировке первоначальной постройки представляется сложным, однако сходство растворов найденной кладки и стены Довмонтова города конца XIII в. говорит о хронологической близости этих сооружений. К сожалению, плохая сохранность кладки не позволила отчётливо зафиксировать соотношение постройки

с кладкой крепостной стены и установить относительную хронологию строительных работ. Местоположение здания при въезде на территорию Довмонтова города через воротный проезд в юго-западном углу крепости и наличие потайного хода под стенами укреплений позволили В.Д. Белецкому предположить, что постройка в своём первоначальном облике могла быть палатами князя Довмонта [566]. В любом случае здание должно было быть возведено до того времени, когда изменилась конфигурация крепостных стен в юго-западной части Довмонтова города: это событие, по мнению В.Д. Белецкого, произошло, очевидно, в первой половине XIV в., а может быть, даже и в 1309 г. вместе со строительством «стены посадника Бориса». Таким образом, указанная гражданская постройка могла быть возведена в последней трети XIII—начале XIV в. На наш взгляд, возможно связать её появление со строительством в Пскове в 1309–1311 гг. Может быть, это здание было возведено после завершения строительства собора Снетогорского монастыря.

Строительство в Новгороде и Пскове в 1320-х годах

Наблюдая общую динамику строительной деятельности в Новгороде и Пскове в 1292–1313 гг., можно отметить интересную особенность: в определённые годы возводятся сразу несколько построек (1292, 1297, 1302, 1310), но были и годы, когда, согласно летописям, строительство в Новгородской земле не велось (1295, 1298–1299, 1306–1307). Период активного строительства в Пскове (1309–1311) совпадает по времени с не менее интенсивным строительством в Новгороде и его окрестностях. Есть ли какое-то объяснение такой ситуации? Можно предположить, что в летописях под одним годом (например, под 1292 и 1310 гг.) собраны сведения о строительстве сразу за несколько лет. Однако такая гипотеза кажется пока малообоснованной. Другое возможное предположение: в Новгороде в начале 1290-х гг. появилось несколько групп мастеров, и в 1292 г. зодчие смогли вести строительство как в Новгороде, так и на берегу Мсты—на Липне. Не исключено, что одна из строительных «дружин» в какой-то степени специализировалась на возведении крепостей. Тем не менее наиболее вероятно, что получая постоянные заказы на строительство церквей, оборонительных сооружений и каких-то гражданских построек, новгородские зодчие смогли организовать строительный процесс так, что после завершения определённого цикла работ часть строителей могла переходить на новый объект.

Наиболее показательной является строительная деятельность в 1310 г. Построив Успенскую церковь на Коломцах (на берегу озера Ильмень) по заказу юрьевского архимандрита Кирилла, мастера в тот же год переместились на находящуюся рядом Дубенку (на остров напротив Юрьева монастыря), где и возвели церковь Покрова по заказу монаха Олония, по прозвищу Шил (Шил), вероятно, игумена вновь основанного монастыря. Очевидно, что одни и те же мастера работали как на архиепископа, в следующем году выстроившего церковь Св. Владимира на воротах Детинца, так и по заказам частных лиц, какими являлись монах Олоний и жена Якима Столбовича—казачница церкви 318 Святых Отцов Никейского собора.

Следовательно, для конца XIII—начала XIV в. мы не можем говорить об артельном способе организации строительства, а скорее, должны предполагать, что в Новгороде в эти годы было много свободных мастеров различной специализации, так что зодчие могли вести строительство на нескольких объектах одновременно, привлекая то одних, то других мастеров по ходу строительства. Возведение храма в эту эпоху занимало чаще всего один строительный сезон, а иногда и меньше; видимо, в начале XIV в. строительное производство в Новгороде было уже сильно развито.

И вдруг внезапно, точно так же как и начался, этот строительный расцвет обрывается в 1313 г. и вплоть до 1324 г. у нас нет никаких известий о новых постройках или ремонтах старых зданий в Новгороде [567].

С чем же можно связать такую резкую остановку строительной деятельности? На этот счёт могут быть высказаны различные предположения: прекращение строительства может быть вызвано отсутствием заказов и денег, неблагоприятной политической обстановкой и т. д. Что явилось решающим фактором в этом случае—неясно [568].

Совершенно неожиданным в данном контексте выглядит известие Новгородской Первой летописи 1324 г. о завершении строительства Христовой церкви в Новгороде и об освящении её владыкой Давыдом [569]. Конечно, можно предположить, что храм был построен в середине 1310-х гг. и только украшен и освящён в 1324 г., однако особых оснований для такого предположения у нас нет.

Христова церковь—загадочный памятник, впервые упомянутый в источниках ещё в XIII в., но в XV в. уже не фигурирующий в летописях. Нет упоминаний о ней и в Семисоборной росписи Новгорода [570]. Посвящение церкви не ясно, так же как и её точное местонахождение. Христова церковь по летописным источникам чётко локализуется на Торговой стороне древнего

Новгорода, очевидно, к югу от церквей Св. Прокопия и Св. Жён Мироносиц, недалеко от церкви 318 Святых Отцов Никейского собора. Храм упоминается в рассказе о пожаре 1299 г. [571], затем церковь сгорает в 1311 г., при этом храм перечислен среди семи деревянных церквей, располагавшихся на Торгу и Ярославовом дворище, вслед за церковью Св. Прокопия [572]. Видимо, после пожара был вновь отстроен деревянный храм, который в 1324 г. заменили каменным. Последний раз он упоминается в рассказе о страшном пожаре 1385 г., когда погорела и эта церковь [573]. Вполне вероятно, что она так и не была восстановлена, а её местоположение ныне затерялось. А.Е. Мусин считает, что церковь была посвящена Рождеству Христову, однако это предположение пока доказать сложно [574].

Предшествующее летописное известие о каменном строительстве в Новгороде относится к 1313 г., последующее—к 1331 г. В Псковской земле строительство возобновляется в 1329 г. Чем вызвано появление Христовой церкви в период полного затишья в строительной деятельности, кто её строил и куда потом «потерялись» эти мастера? Все эти вопросы пока остаются без ответа [575].

Заказчики и мастера, строившие в Новгороде и Пскове в конце XIII—первой четверти XIV века

Важным представляется вопрос о заказчиках в Новгороде конца XIII—первой четверти XIV в. Основным заказчиком в это время является архиепископ. Строительство и восстановление некоторых храмов и крепостей, очевидно, было делом всего Новгорода (церковь Свв. Бориса и Глеба, Софийский собор, новгородский Детинец). Об этом свидетельствует летопись в отношении крепости Копорье («поставиша новгородци»). Два храма строились по заказу юрьевского архимандрита Кирилла. Важно отметить, однако, что круг заказчиков в эту эпоху существенно расширяется. Так, помимо князя Дмитрия Александровича, источники упоминают монаха Олония, на средства которого строится храм основанного им монастыря; жену (вдову?) Якима Столбовича—персонажа, по другим источникам неизвестного; боярина Семёна Климовича [576]. Заказчик нескольких храмов нам не известен, но можно предположить, что эти церкви были возведены по заказу уличан (церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице, Св. Михаила Архангела на Михайловой улице, Христова церковь). В Пскове строительство стены было, безусловно, делом общегородским, а руководил строительством посадник. Собор Снетогор-

[567] Вполне вероятно, впрочем, что выстроенная в 1323 г. деревоземляная крепость Орешек (НЛ. С. 97) имела стоящую в кольце укреплений одиночную каменную башню—в рассказе об осаде крепости в 1348 г. упоминается костёр (башня), в который побежали шведы после того, как новгородцам удалось поджечь крепость (НЛ. С. 278).

[568] Нельзя, правда, забывать о том, что в 1310-е гг. в Новгороде могли восстанавливать храмы, пострадавшие в ходе больших пожаров в июне-июле 1311 г., однако вряд ли эти работы растянулись на десятилетие.

[569] Там же. С. 97, 339.

[570] *Янин*, 1976. С. 111–114.

[571] НЛ. С. 90, 329.

[572] Там же. С. 93, 329.

[573] НЛ. С. 342.

[574] *Мусин*, 2002/2.

С. 282–283 (ср. с. 286–287).

[575] Первыми десятилетиями XIV в. и даже временем «около 1300 г.» датирует Вл.В. Седов четыре храма на берегах реки Шелони и её притоков, в так называемой Шелонской земле: это частично сохранившаяся церковь Рождества Богородицы в Порхове, а также раскопанные исследователем храмы в Опоках, Дубровне и Карачуницах. Исследователь считает, что на Шелони в XIV в. существовала «временная... архитектурная общность, ... группа памятников с общим языком» (*Седов*, 2001. С. 156). Развёрнутый анализ доступного материала приводит к выводу, что собственно к новгородской архитектурной школе следует относить только храм Рождества Богородицы в Порхове, однако датировку этой церкви, на наш взгляд, следует сдвинуть к середине—третьей четверти XIV в. Храм в Опоках может быть датирован 1490-ми гг., церкви в Дубровне и Карачуницах построены в XVI в. (*Антимов*, 2013. С. 273–292).

[576] В 1305 г. Семён Климович не был посадником.

[577] *Штендер*, 1991.

С. 98–99; *Раннопорт*, 1993.

С. 134.

[578] Там же. С. 134.

[579] При этом кирпичи во всех памятниках изготовлены по абсолютно одинаковой технологии.

[580] *Салимов*, 1994. С. 36–41.

ского монастыря, возможно, был построен по заказу игумена этого монастыря Иова.

Очевидно, что причин, по которым начиналось строительство нового храма или перестройка старого, было несколько: строились каменные церкви на месте сгоревших деревянных (Св. Михаила на Михайловой улице, видимо, храм 318 Святых Отцов Никейского собора и Христова церковь), восстанавливались каменные храмы после обрушения (церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице и Св. Бориса и Глеба), закладывались каменные надвратные церкви Детинца и т. д. Столь разнообразные задачи и предопределили широкий круг заказчиков, характерный для Новгорода этого времени.

Отдельным предметом для обсуждения является вопрос о происхождении мастеров, строивших в Новгороде и Пскове в конце XIII—первой четверти XIV в. В научной литературе закрепилось мнение о том, что церковь Св. Николы на Липне была выстроена приезжими мастерами, очевидно, из Северной Европы [577]. В связи с этим возрождение новгородского строительства связывали с приходом строительной группы из Северной Европы, возможно, из Риги [578]. Однако церковь Св. Николы на Липне отличается от других памятников конца XIII—начала XIV в. как по архитектурным деталям (таким как пояс из висячих арок, шатровые своды в угловых западных компартиментах, восьмигранные столбы), так и в технологическом отношении: нигде больше не встречается такое количество типов лекальных кирпичей, основной формат липенского кирпича отличается от формата кирпичей других новгородских построек этого времени, хотя в других постройках он фактически совпадает [579].

Эти соображения заставляют нас прийти к следующему выводу: возрождение строительства в Новгороде в 1292 г. могло быть отчасти связано с приходом группы мастеров из Северной Европы или Прибалтики, но, возможно, в Новгороде на основе местных кадров, работавших, очевидно, при архиепископском дворе, довольно быстро сформировалась своя строительная организация. Появление зодчих из Северной Европы придало ей мощный импульс на этапе формирования. Строители, принявшие участие в возведении церкви Св. Николы на Липне, вероятно, сразу же вернулись назад, однако контакты Новгорода с европейской архитектурой на этом не прекратились, о чем свидетельствуют архитектурные формы церковью Архангела Михаила и Св. Николы Белого. Новгородские зодчие успешно продолжали работать вплоть до 1313 г. Возможно, что в состав этой строительной дружины входили и какие-то немецкие мастера (об этом свидетельствуют

раннеготические детали в церкви Николы Белого). На наш взгляд, пока нет никаких оснований связывать возрождение строительства в 1292 г. в Новгороде с работой мастеров, строивших Спасо-Преображенский собор в Твери (предположение А.М.Салимова [580]).

Архитектура Новгорода и Пскова второй половины XIII—первой четверти XIV века: основные тенденции развития

Благодаря сохранившимся памятникам и сведениям летописей складывается относительно цельная картина архитектуры Новгорода и Пскова конца XIII—начала XIV в., появляется возможность выявить основные идеи, характерные для зодчества этого времени. Одна из особенностей архитектуры Новгорода и Пскова после монгольского нашествия—строительство храмов «по образцу» (Никольская церковь на Липне строится по образцу перынской церкви, а собор Снетогорского монастыря по образцу Мирожского собора). Мы знаем подобные примеры и в домонгольское время (достаточно вспомнить Успенский собор Киево-Печерского монастыря, оказавший значительное влияние на развитие домонгольской архитектуры), однако в зодчестве конца XIII—начала XIV в. принцип несколько иной: новые храмы ориентированы на конкретные здания предшествующей эпохи, стоящие недалеко от возводимой церкви. Обращение к прошлому, восприятие и интерпретация форм старых церковных построек оказываются связанными с конкретной идеей; построенные за несколько десятилетий или даже более чем за столетие до этого городские и монастырские храмы были не просто привычным образом, во многом они могли восприниматься так же, как и почитаемая икона. Такие церкви и служили образцами для строителей новых храмов.

Сравнение памятников показывает нам определённое разнообразие в понимании образной структуры, в подходе к интерпретации исходной художественной формы. Так, строители церкви Николы на Липне заимствуют у церкви в Перыни общую структуру плана, пытаются отчасти воспроизвести силуэт храма, однако объёмно-пространственное решение памятника получается иным. Яркие отличия мы видим и в деталях, прежде всего в характере декоративного оформления фасадов. Напротив, зодчие, возводившие собор Снетогорского монастыря, пытались математически точно воспроизвести внешний контур стен храма-образца, во многом выдержали они и внутреннюю структуру храма в Мирже. Отступления от прообраза здесь связаны с иным

назначением верхних компартиментов западной части храма, с внедрением некоторых декоративных мотивов, видимо, казавшихся современными.

Единовременная архитектурная программа данной эпохи, которая может быть выявлена на основании имеющихся материалов,—это обустройство новгородского Детинца: возведение в 1290–1310-е гг. надвратных храмов, очевидно, вместе со строительством каменных стен. Летопись указывает, кто был заказчиком того или иного надвратного храма в Детинце: архиепископ Климент—церкви Воскресения, юрьевский архимандрит Кирилл—церкви Спаса-Преображения, Семён Климович—церкви Покрова, архиепископ Давыд—церкви Владимира. Несмотря на упоминание разных заказчиков, очевидно, что программа строительства надвратных церквей имела общегосударственный характер: новгородский Детинец получил каменные ворота, а весь центр Новгорода оказался и под небесной охраной. Не случайными являются и посвящения храмов: три посвящения носят вселенский характер, а четвёртая церковь посвящена св. Владимиру—крестителю Руси. Надо, однако, отметить, что четыре каменных надвратных храма Детинца не были первыми—ещё в 1195 г. была возведена церковь Положения пояса Пресвятой Богородицы над воротами, выходившими на Волховский мост, в 1233 г. построена церковь Св. Феодора, вероятно, над воротами, которые вели на Владычный двор из Неревского конца [581]. Очевидно, что традиция строительства храмов на воротах городов и монастырей, существовавшая в домонгольской Руси, получает принципиально новое развитие именно в Новгороде этого времени. Город, по периметру которого стояли каменные ворота с надвратными церквями, обретал «черты подобия чаемого Небесного Иерусалима» [582].

Среди особенностей новгородской архитектурной практики конца XIII—начала XIV в. можно отметить и факт активного строительства в монастырях, расположенных в одном районе—у истока Волхова близ Ильмень-озера (Липенский [583], Коломенский и Шилов монастыри).

Для новгородской архитектуры 1290–1310-е гг.—это период поиска. Упомянутые многочисленные надвратные храмы представляют собой архитектурный тип, относительно редко встречавшийся в древнерусском зодчестве. Интересным явлением остаётся возведение церкви Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице «на старой основе»: очевидно, новая церковь во многом повторила формы храма-предшественника. Появляются новые каменные крепости (Копорье, новгородский Детинец, Довмон-

това стена и «стена посадника Бориса» в Пскове).

В памятниках церковной архитектуры типологическая основа, связанная с новгородским зодчеством первой трети XIII в., соединяется с необычными деталями, свидетельствующими о воздействии архитектуры сопредельных регионов—Ливонского ордена, возможно, острова Готланд или Северной Германии. При этом характер этих форм различается: романские черты в церкви Св. Николая на Липне соседствуют с раннеготическими в храме Св. Николая Белого. Особое разнообразие мы видим в форме покрытий храмов: Никольская церковь на Липне имела трёхлопастное завершение, церковь Св. Феодора Стратилата на Щирковой улице и собор Рождества Богородицы Снетогорского монастыря—позакомарное, церковь Николы Белого—восьмискатное. Не исключено, что в храме Св. Михаила Архангела на Михайловой улице изначально было двускатное завершение фасадов.

Наконец, в конце XIII в. окончательно происходит замена основных строительных материалов, применяемых в новгородской архитектуре. Вместо домонгольских глины и известково-цемяночного раствора начинает применяться брусковый кирпич и известково-песчаный раствор. Подобный тип кирпича просуществовал до 1420–1430-х гг., когда происходит новая, хотя и не столь резкая, смена технологических приёмов.

Важно отметить, что не существует какого-либо универсального образа новгородского храма конца XIII—первой четверти XIV в.: памятники отличаются не только деталями плана или декором фасадов и типом завершений. Мы видим принципиально разные подходы к объёмно-пространственному построению формы, а соответственно, и к оформлению структуры интерьера—от храмов с ярковыраженным вертикализмом объёмно-пространственного решения до зданий, вытянутых по оси запад-восток, в интерьере которых вертикальная ось не играла столь значимой роли.

Многие приёмы, использованные при организации фасадов и интерьеров церкви Св. Николы на Липне, и особенно храма Св. Николы Белого, оказались востребованы в ходе дальнейшего новгородского строительства. Именно на основе такой архитектурной типологии далее развивалось церковное зодчество Новгорода. В то же время архитектурные особенности церкви Св. Михаила Архангела на Михайловой улице (очень вытянутый по оси запад-восток план, прямоугольная форма столбов, тип апсиды, узкие лопатки, совершенно не соответствующие столбам), а также церкви Св. Фео-

[581] Этот храм после 1233 г. в источниках не упоминается, существовал ли он ещё в конце XIII—начале XIV в.—мы не знаем.

[582] *Седов*, 2009/1. С. 574.

[583] Монастырь на Липне упоминается в источниках только в XV в., но, видимо, храм изначально был монастырским. О монастыре см.: *Секретарь*, 2011. С. 213–215.

дора Стратилата на Щирковой улице (три апсиды) не находят дальнейшего продолжения в новгородской архитектуре середины XIV—первой трети XV в.

Таким образом, архитектура конца XIII—начала XIV в. явилась, во-первых, тем передаточным звеном, благодаря которому преобразованное домонгольское наследие стало использоваться в архитектуре середины XIV–XV вв., а во-вторых, своеобразной «лабораторией» архитектурных форм. В это время вырабатываются новые подходы к церковной архитектуре, которые в полной мере были реализованы уже позднее, в XIV–XV вв.

С 1329 г. начинается отсчёт уже другого этапа в истории новгородского и псковского зодчества. Период нового подъёма строительства в Новгороде и Пскове—это 1330–1350-е гг., и уже тогда используются многие приёмы, впервые с которыми мы встречаемся в зодчестве конца XIII—первой четверти XIV в.

Архитектура Северо-Западной Руси конца XIII—первой четверти XIV в.—уникальное явление на фоне ситуации в других древнерусских землях этого времени: благодаря подробным свидетельствам летописей, сохранившимся и исследованным зданиям, мы можем составить более или менее ясную картину истории развития архитектуры в Новгороде и Пскове.

Строительство в Северо-Восточной Руси в эти десятилетия фактически замирает: в 1285–1290 гг. строится Спасо-Преображенский собор в Твери (см. наст. изд. с. 160–165), в 1287 г.—Борисоглебская церковь в Ростове (см. наст. изд. с. 147–158), в 1323–1325 гг.—собор Феодоровского монастыря в Твери (см. наст. изд. с. 167). Возможно, к концу XIII в. относится Успенский собор тверского Отроча монастыря, летописи сохранили сведения о ремонтных работах в нескольких домонгольских храмах, проведённых во второй половине XIII в. Ни одна из этих построек не сохранилась, только три здания изучены археологически, однако интерпретация результатов этих раскопок представляет определённую сложность [584].

Собор тверского Отроча монастыря имеет ряд черт, отсылающих нас к архитектуре Северо-Западной Руси прежде всего компактный четырехстолпный одноапсидный план, однако датировка памятника не ясна, поэтому гипотеза о влиянии зодчества Новгорода на архитектурные формы этой постройки пока не может быть подтверждена. Это же замечание относится и к церкви Св. Бориса и Глеба в Ростове (см. наст. изд. с. 147–157), реконструкцию её плана исследователи сопоставляют с планом церкви Михаила Архангела в Новгороде 1300–1302 гг., однако достоверно реконструи-

ровать план Борисоглебской церкви удастся только после дополнительных исследований ростовского храма.

Датированные постройки Галицкой и Чёрной Руси второй половины XIII—первой четверти XIV в. нам не известны, ряд зданий, которые относят к данной эпохе по косвенным признакам, могут быть датированы гораздо более поздним временем [585].

На этом фоне выделяется архитектура Волынской земли—летописные свидетельства дают более или менее надёжные хронологию строительства, а сохранившиеся и изученные археологами здания (среди которых, правда, более или менее точно датирована только Каменецкая башня) позволяют представить общие тенденции в архитектуре Волыни данного времени [586]. Несмотря на существенные различия в архитектурных формах построек, мы можем выделить и ряд черт, общих для зодчества Волыни и Новгорода: применение в кладке известково-песчаного раствора и брускового кирпича, использование декоративных элементов, характерных для западноевропейского зодчества, появление одиночных оборонительных башен в структуре деревоземляных укреплений (если, конечно, каменная башня в Орешке действительно была построена в 1323 г.). Безусловно, в ряде памятников церковной архитектуры Западной и Северо-Западной Руси мы видим стремление следовать домонгольской традиции, что подчас выражалось в сходстве объёмно-пространственного решения новых храмов и зданий домонгольского времени, применении традиционной плановой схемы. Возможно, тенденция к созданию объёмов с подчеркнутой вертикальной осью, «башнеобразных», которую в Новгороде мы видим на примере церкви Николы на Липне, была характерна и для зодчества Волыни. Это предположение, однако, пока не может быть доказано.

В то же время, конечно, значительные отличия как в архитектурной типологии, так и в характере применения близких строительных материалов (сохранившаяся Каменецкая башня 1270–1280-х гг. имеет сплошную кирпичную кладку внешней и внутренней версты) не позволяют предполагать какого-либо взаимодействия между строителями, работавшими на Волыни и в Новгороде.

Одним из наиболее ярких и заметных направлений в развитии древнерусской архитектуры второй половины XIII—первой трети XIV в. было строительство в Новгороде и Пскове, в условиях почти полной утраты памятников других регионов как бы предстательствующее за всю архитектуру этого времени.

[584] *Антипов*, 2000. С. 14–51.

[585] *Антипов*, 2009/2. С. 186–194.

[586] *Антипов*, 2002. С. 6–21.

Архитектура второй четверти—середины XIV века

<i>Строительство в Новгородской земле в конце 1320—начале 1350-х годов</i>

После смерти владыки Давыда в 1325 г. новым новгородским архиепископом становится Моисей—одна из наиболее ярких личностей среди церковных иерархов XIV в. Написанное в конце XV в. житие, очевидно, достаточно объективно рассказывает о его жизни [587]. Будущий архиерей родился в Новгороде, ещё в юности он ушел в тверской Отроч монастырь, где и принял постриг. Возвратившись в Новгород, Моисей, согласно житийному тексту, жил в Коломцеком и Колмовом монастырях, а затем владыка Давыд назначил его архимандритом Юрьева монастыря [588]. По словам летописи, в 1325 г. будущий владыка уже не был архимандритом, а по своей воле ушёл «к святой Богородицы на Коломци в свои манастырь», именно оттуда новгородцы и возвели его «на сени, и посадиша и в владычни дворе» [589]. Поставленный в Москве в 1326 г. митрополитом Петром, Моисей принимал активное участие в новгородских внешнеполитических делах, в частности в посольстве 1328 г. к бежавшему в Псков тверскому князю Александру Михайловичу. Однако в 1330 г. владыка, несмотря на просьбы новгородцев, покидает кафедру: «пострижесе в скиму архиепископ Моисии, по своей воли, и много молиша и новгородци всем Новымь-городомь с поклоном абы паки сел на своем престоле, и не послуша» [590]. Живший на покое архиепископ Моисей не пропадает, однако, со страниц летописи, а в 1352 г., после смерти владыки Василия, вновь начинает управлять епархией. В новгородских летописях нет сообщений о закладке каменных храмов в 1325–1330 гг.—в 1327 г. владыка Моисей построил церковь Рождества Богородицы в Десятинном монастыре, однако этот храм, видимо, был деревянным.

Новый период в истории новгородской архитектуры XIV в. связан с деятельностью Василия Калики, в 1331 г. поставленного киевским митрополитом Феогностом архиепископом Великого Новгорода. До поставления Григорий Калика, паломник в Святую землю, был священником церкви Св. Космы и Дамиана на Холопий улице. С именем архиепископа Василия, помимо важных строительных начинаний, связаны и многие произведения изобразительного, декоративно-прикладного искусства (в частности уникальные Васильевские врата, праздничный чин Софийского собора (см. наст. изд. с. 338, 340–345, 499–520), а также знаменитое «Послание о Рае» [591]. Необычайно деятельный иерарх, 21 год управлявший

епархией, владыка Василий принимал активное участие во внешнеполитических делах Новгорода, вёл переговоры с московскими князьями, прекращал междоусобную брань среди горожан. Летописи показывают архиепископа фактическим главой Новгородского государства этой эпохи. Годы архипастырского служения Василия не были простыми для Новгорода—в 1333 г. новгородское войско сражалось с москвичами под Торжком, новое столкновение случилось в 1340 г. Отношения с Псковом также иногда перерастали в открытый конфликт: в 1337 г. псковичи не дали владыке возможности вершить суд в городе, после чего архиепископ покинул Псков, «прокляв их». Источники подробно рассказывают о постоянных стычках со шведами и литовскими князьями; наиболее крупное столкновение произошло в 1348 г., когда шведский король Магнус захватил Орешек, однако в том же году новгородцы выбили шведов из крепости.

В 1330–1340-е гг. Новгород неоднократно горел. Страшный пожар 1340 г. уничтожил огромное количество построек на Софийской и Торговой сторонах, погорел и Детинец, и Владычный двор. Погибли люди, было уничтожено имущество (летописец подчёркивает, что много беды принёс не только огонь, но и мародёры, грабившие сгоревшие церкви и дома). Восстановление города, налаживание нормальной жизни новгородцев происходило, вероятно, при деятельном участии архиепископа.

Владыка обладал значительным авторитетом и в церковной среде. В 1346 г. митрополит Феогност жалует архиепископу Василию право носить крещатые ризы (полиставрий), это событие особо отмечает летопись. Паломническая поездка святителя, видимо, способствовала и расширению связей с Византией—об этом свидетельствует приглашение греческих живописцев, расписывавших церковь Входа Господня в Иерусалим, а также, очевидно, и Воскресенскую церковь Деревяницкого монастыря.

Благодаря «Посланию о Рае»—письму, адресованному тверскому епископу Феодору, у нас есть возможность представить себе характер и религиозные взгляды архиепископа Василия. Обсуждая сложный богословский вопрос—сохранился ли рай земной или существует лишь рай мысленный, владыка не вступает в напряжённую полемику с тверским архиереем. Он как бы жалеет своего оппонента, пытается спокойно и доверительно подсказать ему правильный ответ. При этом аргументы архиепископа Василия—не только отвлечённо богословские, основанные на апокрифических текстах, но и вполне жизненные, осязаемые—свидетельства очевидцев («самовидцев»). У читателя «Послания» возникает образ новгородского

^[592] НЛ. С.343.

^[593] Там же. С.345.

^[594] Там же. С.346.

^[595] Арциховский, 1949. С.132–136.

^[596] НЛ. С.346.

^[597] Каменный храм Покрова был построен в 1399 г. (НЛ. С.394).

^[598] НЛ. С.347.

^[599] Естественно возникает вопрос, нет ли сбивки в хронологии летописного текста и не было ли строительство храма завершено в 1336 г. Анализ статей 6844 и 6845 гг. не позволяет принять это предположение (летописные даты в данном случае должны быть переведены как 1336 и 1337 гг.). Кроме того, в летописи указана дата освящения храма, а именно в 1337 г. 21 сентября выпало на воскресенье—наиболее вероятный день для освящения церкви (НЛ. С.347–348).

^[600] НЛ. С.347; см. с. 499–520 в наст. изд.

^[601] Новейшие исследования показали, что сведения о домонгольской Входоиерусалимской церкви в Ярославле должны быть признаны легендарными (Яганов, Рузаева, 2006. С.363–391).

^[602] Собственно об учреждении «шествия на осляти» владыкой Василием сообщает «Повесть о новгородском белом клобуке», написанная, видимо, в конце XV—середине XVI в. (ПЛДР, 1985. С.198–233).

^[603] НЛ. С.349.

пастыря, так похожего на самих жителей этого города—ремесленников, торговцев, для которых свидетельство очевидцев и было наиболее важным доказательством. Образ владыки Василия дополняет и летопись, характеризую его как «мужа добра, кротка и смирена».

Первые сведения о возобновлении строительства в Новгороде и Новгородской земле датируются 1331 г. В этот год владыка Василий, ещё до своего поставления у митрополита Феоноста во Владимире Волынском, закладывает каменные стены новгородского Детинца от церкви Св. Владимира (1311) до церкви Положения пояса Пресвятой Богородицы (1195), и от церкви Положения пояса Пресвятой Богородицы до храма Св. Бориса и Глеба (1167–1173/1302–1305) [592]. Строительство было окончено в 1333 г.: «город каменны постави, поспешениемъ божимь, в два лета» [593]. В сообщении 1333 г. впервые говорится и о строительных инициативах архиепископа, связанных с храмовым зодчеством: в этом году владыка покрыл свинцом часть кровли Софии, обновил большой крест на соборном храме. Тогда же юрьевский архимандрит Лаврентий поставил новые деревянные монастырские стены. В 1334 г. летопись сообщает, что архиепископ покрыл «город каменны». Строительство укреплений было продолжено в 1335 г., когда владыка вместе с посадником Фёдором Даниловичем и тысяцким Остафием Дворянином заложил на Торговой стороне каменную «стену Острога»—от церкви Св. Ильи на Славне к церкви Св. Павла Исповедника Павлова монастыря [594]. Эти укрепления, вошедшие в литературу под названием «стена посадника Фёдора», были впервые обнаружены в ходе археологических исследований, проведённых А.В. Арциховским в 1930-х гг. [595]

В 1335 г. владыка Василий впервые закладывает новый храм—«церковь святыя Богородица в Зверинце» (Покрова Богородицы в Зверине монастыре), материал постройки источники не указывают. Далее летописец отмечает, что тогда же архиепископ Моисей заложил каменную Воскресенскую церковь в Деревяницком монастыре [596]. Сопоставив эти сообщения летописного текста, можно предположить, что храм Покрова (1335), скорее всего, был деревянным [597]. Строительство этих церквей было закончено в том же году [598].

В 1336 г. продолжают работы на территории Детинца: 25 июня владыка Василий закладывает церковь Входа Господня в Иерусалим к юго-востоку от Софийского собора. О завершении строительства и освящении храма летопись сообщает под 1337 г. (21 сен-

тября храм был освящён), при этом указано «поставлена бысть в 9 недель» [599]. Вероятнее всего, здесь указано время, затраченное на строительство уже в 1337 г. В 1338–1339 гг. храм расписал Исайя Гречин «с други».

Помимо строительства Входоиерусалимской церкви, в 1336 г. архиепископ окружает Софию оградой («святую Софею тыном новым отыни») и устраивает новые двери храма, так называемые Васильевские врата [600]. Строительство церкви Входа Господня в Иерусалим, ограды Софийского собора и создание медных церковных дверей являлись составными элементами единой программы, связанной с обустройством главного храма епархии и территории вокруг него. В новгородском Детинце владыка Василий как бы воссоздаёт пространство Священного града—вход в него со стороны Волховского моста обозначал Входоиерусалимский храм, судя по письменным источникам, это первая церковь с таким посвящением на Руси [601]. С юга от храма, очевидно, проходила деревянная ограда, отделявшая территорию около Софийского собора и Владычный двор от остальной застройки Детинца. За церковью Входа в Иерусалим находился Софийский собор и Владычный двор, который, скорее всего, в сакральной топографии Детинца символически изображал палестинский Иерусалим. Конечно, у нас нет однозначных доказательств появления столь тонко продуманной идейной программы в 1330-е гг., однако строительство церкви с уникальным для восточнохристианской архитектуры посвящением, устройство новой ограды и украшение соборного храма являются, на наш взгляд, звеньями одной цепи. Источники XVI–XVII вв. рассказывают нам о сложном богослужебном ритуале, «шестви на осляти», происходившем в Новгороде в день празднования Входа Господня в Иерусалим. Не исключено, что истоки этого действа надо искать ещё в 1330-х гг. [602]

В 1336 г. был в очередной раз перестроен мост через Волхов, в 1338 г. его снесло наводнением и переправу пришлось строить заново. При этом летописец особо отмечает роль владыки в строительстве нового моста: «сам бо владыко пристал тому, и почал и кончал своими людьми; и много добра створи христианом» [603]. Новый мост также простоял недолго—в 1340 г. он сгорел в разрушительном пожаре, уничтожившем многие городские постройки. В этом же году мост восстановили, однако летопись не указывает, кто был заказчиком и исполнителем работ.

В пожар 1340 г. погорел Владычный двор, пострадал и Софийский собор. Видимо, вскоре после этого главный храм епархии был капитально отремонтирован: в 1341 г. владыка Василий сделал новую

свинцовую кровлю Софии, «иконы исписа, и кивот доспе» [604]. Тогда же были восстановлены и постройки на Владычнем дворе: «постави владыка терем великыи» [605]. В 1342 г. пришедший из Москвы мастер Борис отлил новый великий колокол для Святой Софии [606].

Особое внимание летописец уделяет строительству церкви Благовещения на Городище. Храм 103 г. к 1340-м гг. стоял в руинах (летописец называет церковь «порушенной»), его разобрали и 27 мая 1342 г. «повелением великаго князя Семена Ивановича» владыка Василий заложил новую церковь, восточнее первоначальной [607]. Строительство храма завершили 8 августа 1343 г., и 24 августа он был освящён. Летописное сообщение об освящении церкви завершается примечательной фразой: «А даи, госпоже, ему зде много лет житии в семь веце, а в оном, госпоже, постави одесную себе, иже много трудися о церкви твои» [608].

В середине 1340-х гг. летописи сообщают о закладке и ремонтах церквей и оборонительных сооружений в Новгороде и Новгородской земле: в 1342 г. в Нижнем Подвинье был построен каменный город Орлец; в 1345 г. восстановлена церковь Параскевы Пятницы на Торгу, пострадавшая при пожаре 1340 г., в 1345 г. возведены еще две церкви—Св. Козьмы и Дамиана на Козьмодемьянской улице и Спасо-Преображения на Ковалёве. В том же году Георгиевский собор Юрьева монастыря был покрыт новой свинцовой кровлей. Заказчиками большинства этих работ были состоятельные новгородцы, ремонт собора Юрьева монастыря осуществил архимандрит Есиф [609].

Уникальное известие содержится в Новгородской Большаковской летописи XVI в.: под 1347 г. летописец сообщает «Постави владыка Моисей церковь за Волховцом» [610]. Что за храм имеется в виду, был ли он каменным или деревянным, пока сказать сложно [611].

В течение следующих лет, судя по летописным данным, строительство не ведётся; только в 1350 г. летописец свидетельствует о том, что владыка Василий поставил «полату камени у себе на дворе, подле Рожество» [612]. В 1351 г. «поновиша церковь камени святого Бориса и Глеба Ореховским серебром в [о] колотке» [613]. Характер данного поновления неясен: летописная фраза может означать и то, что были проведены какие-то строительные мероприятия, хотя не исключено, что речь идет о работах в интерьере храма [614].

Последнее строительное деяние времени владыки Василия—возведение крепости Орешек в 1352 г.—подробно описано в летописи: «Добиша челом новгородьци,



214

бояре и черныи люди архиепископу новгородскому владыке Василию, чтобы „еси, господине, ехал нарядил костры во Орехове“» [615]. Закладка башен в крепости произошла, видимо, ранней весной, а в начале лета владыка уезжает во Псков, город, охваченный страшным мором. На обратном пути 3 июля 1352 г. он скончался, 5 июля владыку привезли в Новгород и положили «у святой Софьи притвора», очевидно, в западной паперти соборного храма.

Всего в течение двадцати одного года (1331–1352) в Новгороде и Новгородской земле владыкой Василием и другими заказчиками было возведено и отремонтировано не менее десяти церквей, две гражданские постройки, четыре крепости, из них по крайней мере двенадцать сооружений были каменными [616]. Проводились и другие важные строительные мероприятия, среди которых нужно прежде всего отметить неоднократный ремонт Великого моста. При этом, как мы видим из вышеприведённого перечня построек, строительство в 1330–1340-е гг. велось с разной степенью интенсивности, не непрерывно—например, в 1345 г. возводятся три храма, а затем в течение нескольких лет летописец не сообщает о новых постройках.

Из всех этих зданий частично сохранились три: церкви Благовещения на Городище (1342), Св. Параскевы Пятницы (1207, капитально отремонтирована в 1345 г.) и Спаса Преображения на Ковалёве (1345).

В результате археологических работ были открыты ещё несколько сооружений, упомянутых в летописи,—участки стены Детинца (1331–1333), «стена посадника Фёдора» (1335), Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря (1335), церковь Входа Господня в Иерусалим (1336–1337), гражданская постройка на Владычнем дворе, вероятно, палата (1350), крепость Орлец (1342) и участок стены крепости Орешек (1352) [617]. Полученные в результате натурного изучения памятников данные позволяют составить довольно отчётливую картину развития архитектуры в 1330–начале 1350-х гг. При

[604] Там же. С. 353.
[605] Там же. С. 353–354. Впрочем, пока нет уверенности в том, что терем 1341 г. находился на Владычнем дворе.
[606] Никоновская летопись сообщает о том, что мастер Борис Римлянин в 1346 г. отлил в Москве колокольный набор по заказу великого князя Симеона Ивановича и его братьев (Никоновская летопись. С. 217). Очевидно, что это тот же мастер, что работал в 1342 г. в Новгороде.

[607] ЛА. Стлб. 76. Дискуссия о том, кто был заказчиком храма, существующая в науке, кажется довольно бессмысленной: во всех летописных текстах ясно сказано, что храм строится по повелению князя, однако в публикациях НЛ и Н4Л перед словом «порушенной» ошибочно поставлена запятая, из-за чего создаётся впечатление, что домонгольский храм был порушен по повелению князя Симеона (см.: НЛ. С. 354; Н4Л. С. 274). В Летописи Авраамки пунктуация правильная, благодаря чему смысл фразы становится очевидным.

[608] НЛ. С. 357.
[609] Там же. С. 100, 355, 357; Н4Л. С. 275.

[610] НБЛ. С. 356.
[611] Можно осторожно предположить, что имеется в виду строительство деревянной церкви Успения на Волотовом поле.

[612] НЛ. С. 362. Свидетельство НЗЛ 1350 г. о строительстве церковью Козьмы и Дамиана на Холопей улице и Иоанна Златоуста в Детинце (НЗЛ. С. 230) является ошибочным—храмы были построены в 1375 г. (Н4Л. С. 305, см.: Янин, 1981. С. 35).

[613] Н4Л. С. 280.

[614] Ореховское серебро,—это как обычно считается, серебро, доставшееся новгородцам после того, как в результате борьбы со шведами в 1348 г. была освобождена крепость Орешек (Янин, 1977. С. 129).
[615] НЛ. С. 100.

214 Воскресенский собор Деревяницкого монастыря в Новгороде. 1335 г. Раскопки 2015 г. Траншея от выборки фундамента западной стены основного объёма, кладка северной стены западного притвора (справа). Вид с севера

215 Церковь Входа Господня в Иерусалим в новгородском Детинце. 1336–1337 гг., XVII в. Раскопки 2012 г. Вид с запада

216 Церковь Входа Господня в Иерусалим. Раскопки 2012 г. Вид сверху

217 Церковь Входа Господня в Иерусалим. План-реконструкция И.В. Антипова и М.А. Герасимовой

218 Юго-западный столб церкви Входа Господня в Иерусалим. Раскопки 2010 г. Вид сверху

[616] Помимо перечисленных выше строительных деяний, ко времени архиепископа Василия, возможно, относится сооружение каменного города в Торжке, однако датировка 1340 г., которая предложена исследователями, открывшими памятник (Мальгин, Сарафанова, 2009. С. 91), пока ещё является предметом дискуссий (Салимов, 2010. С. 36–39; Мальгин, Сарафанова, 2010. С. 105–111).

[617] Стена новгородского Детинца 1331–1333 гг. обнаружена М.Х. Алешковским (Алешковский, 1962. С. 21), а затем раскрыта А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1995. С. 82–85); «стена посадника Фёдора» изучена А.В. Арциховским (Арциховский, 1949. С. 132–136) и Л.М. Шуляк, а также А.М. Степановым (Степанов, 1997. С. 19–25); церковь Входа Господня в Иерусалим открыта М.А. Родионовой и изучена И.В. Антиповым, В.А. Булкиным и А.В. Жервз (Антипов, Булкин, Жервз, Родионова, 2011. С. 84–93; Антипов, Булкин, Жервз, Родионова, 2012. С. 55–58; Антипов, Булкин, Жервз, Родионова, 2013. С. 53–59). Этими же исследователями раскопана гражданская постройка на Владычнем дворе (Антипов, Булкин, Жервз, 2009. С. 142–150; Антипов, Булкин, Жервз, 2010. С. 81–83) и Воскресенская церковь Деревяницкого монастыря (Антипов, Булкин, Жервз, 2014. С. 124–126; Антипов, Булкин, Жервз, 2015); крепость Орлец открыта О.В. Овсянниковым (Овсянников, 1974. С. 114–117), а Ореховская крепость—А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников, 1984. С. 102–115).

этом у нас появляется редкая для истории новгородской архитектуры возможность судить сразу обо всех основных функциональных типах средневековых зданий.

Большая часть известных нам сооружений 1330–1340-х гг.—каменные церкви. Воскресенский собор Деревяницкого монастыря (1335), как показали археологические исследования, был практически полностью разобран в конце XVII в. перед началом строительства нового храма. Утрачены не только



215



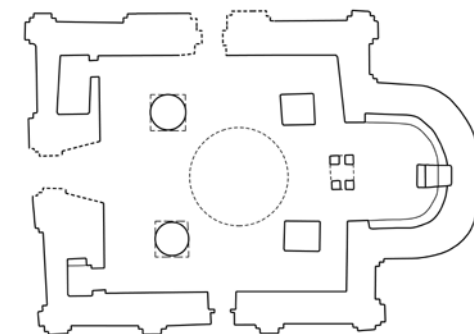
216



218

стены и столбы, но и фундаменты церкви XIV в., в основном зафиксированы траншеи от выборки фундаментов. В ходе архитектурно-археологических работ 2013–2015 гг.

обнаружены южная и северные стены и юго-западный угол западного притвора; участки рвов, оставшихся после выборки южной, западной и восточной стен храма, апсиды, юго-западного, юго-восточного и северо-восточного столбов. Несмотря на почти полную утрату памятника, полученные материалы позволяют реконструировать общую схему плана храма—это была небольшая четырёхстолпная одноапсидная постройка (длина и ширина четверика около 11 м), с широким притвором с западной стороны. Судя по ширине траншеи от выборки западной стены, в ней могла находиться внутренняя лестница (ил. 214). К сожалению, форма столбов, тип и месторасположение лопаток останутся неизвестными. Письменные источники начала XVII в. показывают, что храм был одноглавым. Строительные материалы, использованные при возведении церкви, аналогичны применявшимся мастерами в первые два десятилетия XIV в. В течение многих столетий в храме существовал



217

0 5 м

первоначальный растворный пол. Важной находкой, сделанной в ходе археологических работ, стали фрагменты росписи Воскресенской церкви, выполненной в 1348 г.

Первым довольно хорошо сохранившимся памятником этой эпохи является церковь Входа Господня в Иерусалим (1336–1337). Найденный в ходе археологических работ одноапсидный четырёхстолпный храм сохранился на высоту около 1 м, основные детали его плана могут быть реконструированы (ил. 215–217). По размеру Входиерусалимскую церковь можно сопоставить с постройками начала XIV в.: длина основного четверика около 12 м, ширина около 11 м.

У церкви Входа Господня в Иерусалим есть несколько необычных черт—здесь в первый раз в архитектуре Новгорода после монгольского нашествия появляются

круглые западные столбы [ил. 218], до этого пока известные только по церкви Св. Параскевы Пятницы (1207); впервые мы видим двухступчатые лопатки на фасадах [ил. 219], также наиболее близко напоминающие профилировку пучковых пилястр церкви Св. Параскевы [618]. Двухступчатые лопатки позднее мы встречаем на фасадах церквей Благовещения на Городище 1342–1343 гг. и Спасо-Преображения на Ильине улице 1374 г. Храм имеет и абсолютно уникальную черту—двойные уступы в местах сопряжения северо- и юго-восточной стен с апсидой: уступы, видимо, продолжали двухступчатые лопатки, находившиеся над апсидой [ил. 220]. Восточные столбы храма прямоугольной формы, немного вытянуты по оси запад-восток, алтарная апсида имеет ярко выраженные заплечики. В западной стене находилась внутрстенная лестница на хоры, вход в которую был расположен в южной части стены. В одной из палаток на хорах, очевидно, существовал придел Михаила Архангела [619]. Ещё одна уникальная черта храма, не известная пока в других памятниках Новгорода после монгольского нашествия,—первоначальный пол из поливных керамических плиток жёлтого и зелёного цветов [ил. 221].

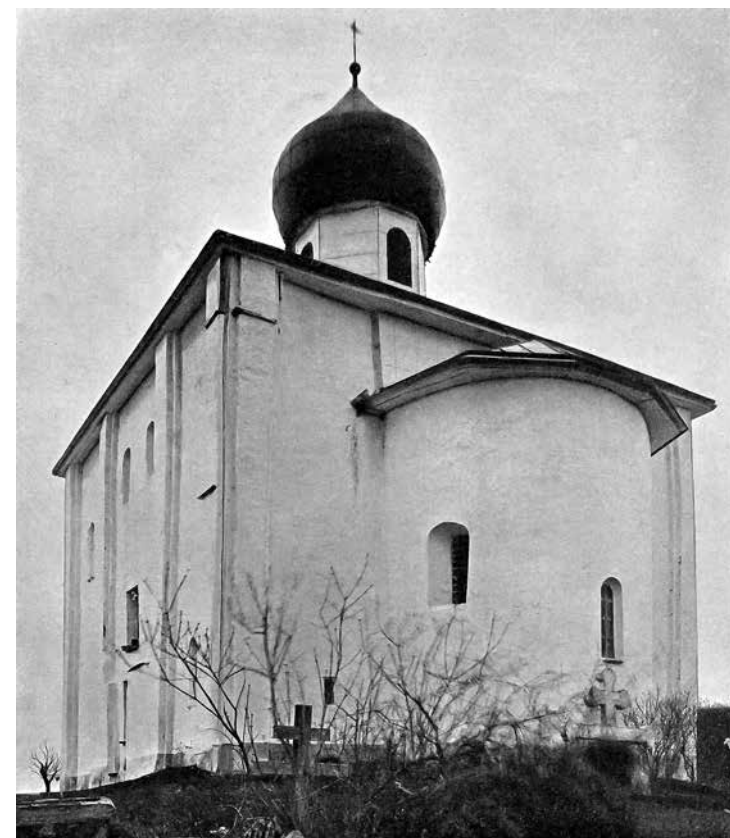
Лопатки на фасадах не соответствовали столбам, на северном и южном фасадах лопатки были расставлены симметрично—боковые прясла примерно равны, центральное значительно шире. В интерьере западный поперечный неф шире восточного, т. е.

столбы несколько сдвинуты на восток: таким образом расширилось пространство наоса, отделённое от алтаря невысокой преградой. За счёт скругления нижней части западных столбов возникло ощущение единства внутреннего пространства церкви.

Насколько можно судить по полученным данным, храм имел очень тонко профилированные фасады, его архитектурные формы, очевидно, были весьма динамичны, кажется, что мы вполне можем предполагать здесь трёхлопастное покрытие основного объёма [620]. Центральные прясла северного и, видимо, западного фасадов были сложены заподлицо с лопатками: этот приём, известный нам по церкви Св. Николая Белого, использован здесь для того, чтобы устроить перспективные порталы. Западный портал фланкировали расположенные на внешней поверхности западной стены каменные закладные кресты [621]. Интересно отметить преемственность этой постройки, первой известной нам после значительного перерыва в строительстве, с памятниками архитектуры конца XIII—начала XIV в. и в области строительной технологии: для сооружения храма использованы кирпичи такого же типа и размера.

Очень сложно дать образную характеристику утраченной церкви, однако в результате археологических работ получено достаточно информации для того, чтобы в общих чертах представить себе облик храма. Благодаря симметричной композиции его фасадов выделялась центральная ось, вероятно,

- 219 Юго-восточный угол церкви Входа Господня в Иерусалим. Двухступчатые лопатки. Раскопки 2010 г.
 220 Церковь Входа Господня в Иерусалим. Двойной уступ в месте сопряжения юго-восточной стены с апсидой. Раскопки 2010 г.
 221 Пол из поливных керамических плиток в алтаре церкви Входа Господня в Иерусалим 1336–1337 гг. Раскопки 2012 г. Вид сверху
 222 Мраморировки на стене апсиды церкви Входа Господня в Иерусалим. 1336–1337 гг. Раскопки 2012 г.
 223 Церковь Благовещения на Городище. 1342–1343 гг., конец XVIII в. Вид с юго-востока. Фотография начала XX в.
 224 Церковь Благовещения на Городище. Вид с юго-востока
 225 Городище близ Новгорода. Вид сверху



223

с высоким барабаном, завершённым куполом. Применение двухступчатых лопаток привело к тому, что прясла стен воспринимались как своего рода ниши, вместо единой плоскости фасадов ощущалась значительная дифференцированность поверхности стены. В то же время использование подобных форм также выявляло вертикальный акцент в объёмно-пространственной композиции памятника. Очевидно, что церковь Входа Господня в Иерусалим обладала особым значением для новгородского Детинца, что, возможно, было подчёркнуто и с помощью её высотной ориентации.

Выделялся среди других храмов Детинца и интерьер церкви—монументальная живопись и пол из поливных керамических плиток создавали полихромный ансамбль, интерьер Входаиерусалимского храма был украшен, вероятно, с оглядкой на находящийся поблизости Софийский собор [ил. 222].

Церковь Благовещения на Городище 1342–1343 гг. перестроили в 1797 г., тогда и было утрачено первоначальное завершение здания [ил. 223]. В годы Великой Отечественной войны храм оказался на линии фронта и был значительно разрушен огнём



219



220



221



222

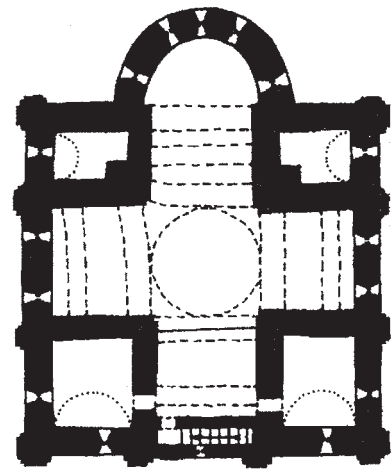
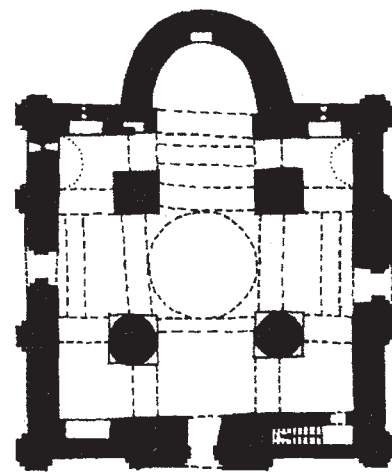
- [618] Можно вспомнить также несколько более упрощённый профиль пучковых пилястр в церкви Св. Михаила Архангела на Прусской улице (1219–1224) (Булкин, 1997. С. 380).
 [619] Янин, 1976. С. III.
 [620] Об этом свидетельствует и изображение Входаиерусалимской церкви на киоте Знаменской иконы (начало XVIII в.)—расположение окон на западном фасаде указывает на его трёхлопастное завершение (Горностаев, 1865. Вкладка). Система сводов храма, в условиях несоответствия лопаток столбам, пока нам совсем не ясна.
 [621] В церкви Входа Господня в Иерусалим закладные кресты использованы впервые в истории новгородской архитектуры (из известных сейчас построек).



224



225



226 0 5 м



227



228

немецкой артиллерии [илл. 224, 225]. Исследования, проведённые Л.Е. Красноречьевым, автором частично осуществлённого проекта консервации руин, позволяют реконструировать основные особенности здания [622].

Благовещенский храм—большая одноапсидная четырёхстолпная одноглавая церковь (размеры по наружному контуру—15×15 м) [илл. 226]. Принципы оформления здания знакомы нам по храму Входа Господня в Иерусалим: на южном и западном фасадах в нижней части центральные прясла не выделены, сложены заподлицо с центральными лопатками, в роли вертикальных акцентов фасадной декорации выступают лопатки двухступчатой формы, с двумя рядами вставок из каменных плит [илл. 227, 228]. Высокая апсида украшена многочисленными окнами: в первом ярусе расположены три окна, а во втором—пять. Над апсидой на восточной стене находятся короткие отрезки лопаток. Порталы храма имеют выраженную стрельчатую форму, в отличие от окон, среди которых нет проёмов со стрельчатой перемычкой.

В интерьере столбы сдвинуты к востоку, освобождая место для палаток на хорах.

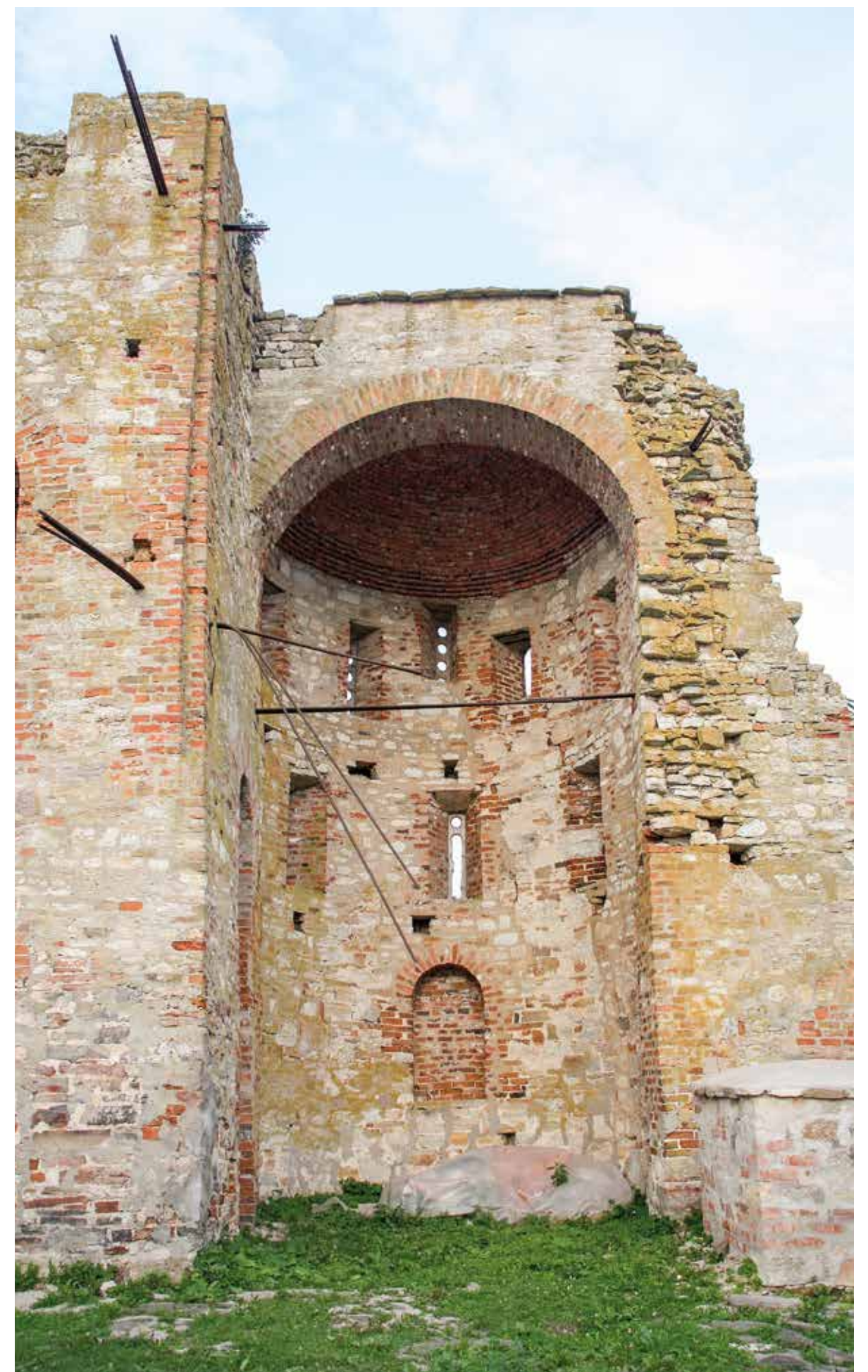
Западные столбы церкви круглые (до уровня арок под хорами), восточные квадратные, в западной стене расположена лестница. Выход из внутрискладной лестницы вёл на настил центральной части хор, поэтому в северо-западном и юго-западном углах образовывались довольно большие замкнутые палатки. Восточные столбы соединены со стенами арками, северо-восточный и юго-восточный компартименты—одноярусные (без промежуточных настилов). Алтарная зона выделена с помощью заплечиков апсиды [илл. 229].

Следует отметить необычную форму решения сводов церкви—возможно, под барабаном находились пониженные подпружные арки, на которых лежал свод, одной стороной опиравшийся на ещё более низкие промежуточные арки, также поддерживающие свод, опиравшийся и на внешнюю стену храма (реконструкция Л.Е. Красноречьева) [623]. Таким образом, как видно на разрезе храма, структура сводов в центральной части—рукавах креста, могла приобретать ступенчатый характер [илл. 230, 231]. В связи с таким решением сводов резонно возникает вопрос о типе заверше-

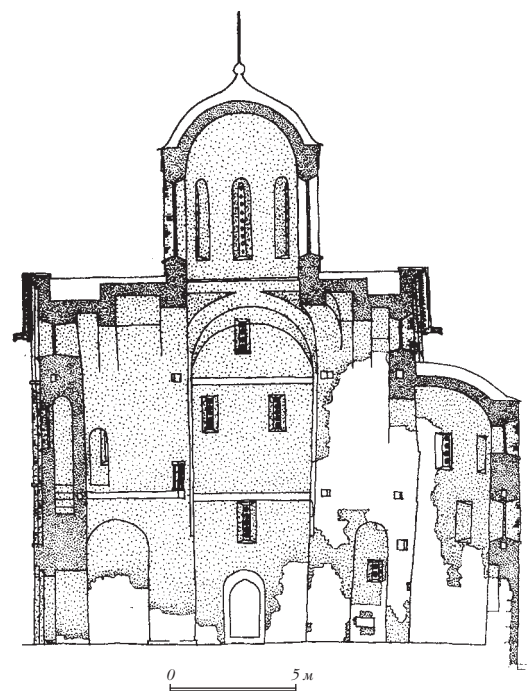
[622] См.: Седов, 1999/1. С. 391–404; Архитектурное наследие, 2008. С. 404–407.

[623] Данные реставрационных исследований показывают только то, что у храма была система ступенчатых арок; пять подпружных арок и сводов, которые опирались на эти арки, не найдено. Предложенная Л.Е. Красноречьевым реконструкция не является единственным вариантом: подпружные арки и примыкающие своды могли быть подняты значительно выше, арки могли быть слиты со сводами или могли быть подняты выше примыкающих сводов. Учитывая утрату большинства новгородских построек этого времени, нельзя отказываться от альтернативных версий только на основании отсутствия прямых аналогов.

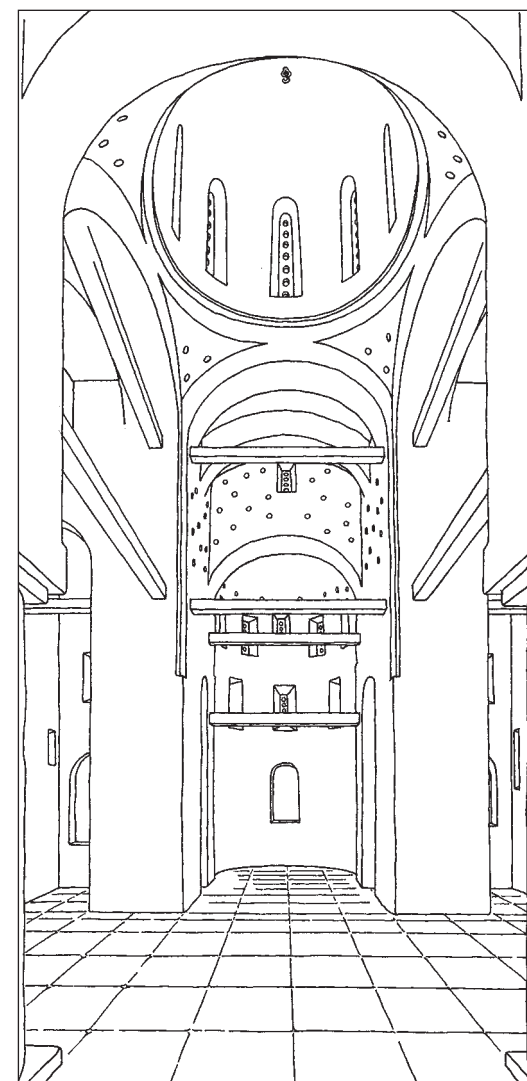
226 Церковь Благовещения на Городище. План 1 яруса и план по хорах. Реконструкция Л.Е. Красноречьева
227 Церковь Благовещения на Городище. Южный фасад
228 Северо-западный угол церкви Благовещения на Городище. Двухступчатые лопатки. Вид с северо-запада
229 Церковь Благовещения на Городище. Интерьер. Вид на восток



229



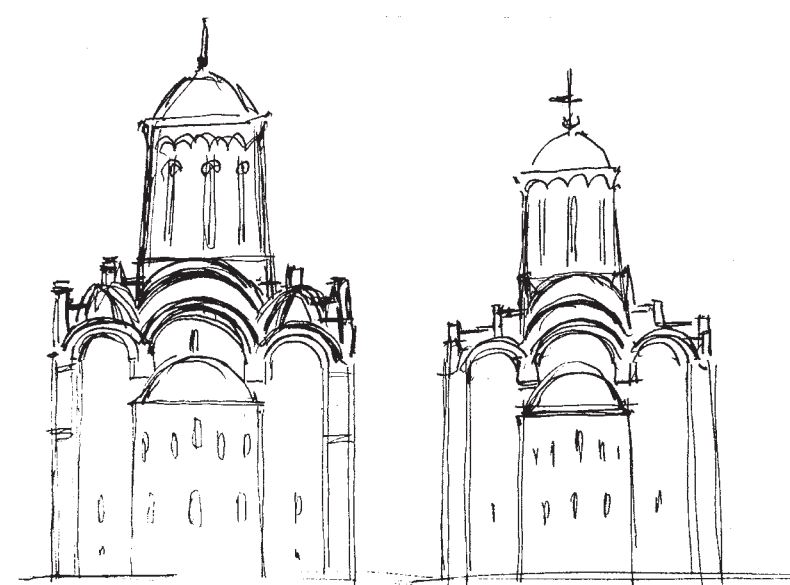
230



231



232



233



234

230 Церковь Благовещения на Городище. Продольный разрез. Реконструкция Л.Е. Красноречьева
231 Церковь Благовещения на Городище. Интерьер. Перспектива. Вид на восток. Реконструкция Л.Е. Красноречьева
232 Церковь Благовещения на Городище. Реконструкция Л.Е. Красноречьева
233 Церковь Благовещения на Городище. Варианты реконструкции Г.М. Штендера
234 Городище. Фрагмент иконы «Видение пономаря Тарасия». Последняя треть XVI в. Новгородский музей
235 Церковь Параскевы Пятницы на Торгу. 1207 г., 1345 г., XVI–XVIII вв. Вид с юго-запада
236 Церковь Параскевы Пятницы на Торгу. План

ния здания. Л.Е. Красноречьев предполагал, что храм был завершён позакомарно, а структура сводов оставалась не выраженной на фасадах [ил. 232]. Если эта гипотеза верна, то совершенно непонятной остаётся причина применения ступенчатых сводов, а мастерам пришлось бы строить неконструктивные стенки над сводами рукавов креста. Можно предположить, что завершение Благовещенского храма соответствовало системе сводов: храм, как считал Г.М. Штендер, мог иметь постамент под барабаном, возможно украшенный кокошниками, при этом покрытие могло быть и позакомарным [624] [ил. 233, 234].

Какой бы ни была форма завершения храма, решение фасадов можно в целом охарактеризовать как динамичное: динамика возникает благодаря двухступенчатым лопаткам, стрельчатым порталам, правда, не поддержанным завершениями оконных проёмов, форма которых не стрельчатая. В интерьере высотный акцент был выражен ещё сильнее за счёт ступенчатых арок и сводов.

Новгородские зодчие создали новый храм, никак не ориентированный на церковь-предшественницу [625], однако, как и храм начала XII в., новая церковь, возвышавшаяся на Городищенском холме, доминировала в панораме правого берега Волхова.

Благовещенская церковь ярко демонстрирует пути развития новгородской

архитектуры в 1330–1340-е гг. Источником многих архитектурных и конструктивных форм, технологических приёмов явилось зодчество конца XIII–начала XIV в., однако в церковных постройках времени Василия Калики значительно усложняется решение фасадов, они становятся более дробными, меняется подход и к созданию интерьера—прежде всего благодаря круглым западным столбам, сложной системе арок и сводов в завершении. Подобный интерьер кажется значительно усложнённым в сравнении с интерьерами храмов рубежа XIII–XIV вв. Церковь Благовещения на Городище—безусловно, одна из самых интересных построек в истории всей новгородской архитектуры XIV в.

В 1345 г. была отремонтирована Пятницкая церковь на Торгу, пострадавшая в пожаре 1340 г. В ходе этих работ восстановили юго-западный угол храма, юго-западный столб, перестроили арки и своды, барабан. Тогда же были сделаны диафрагмы-распорки между столбами и стенами, заложены внутрискатные лестницы и переходы, аркосолии и ниши-печуры [ил. 235, 236]. Не исключено, что именно в 1345 г. у храма появляется восьмискатная кровля [626].

В данном случае перед нами оказывается пример подхода, прямо противоположного тому, что мы видели на Городище. Вместо

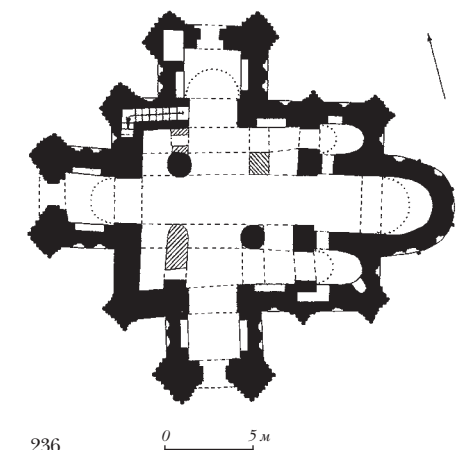
[624] Штендер, 1991. С. 96, 101 (примеч. 22). Л.Е. Красноречьев в качестве довода против этой версии указывает на отсутствие аналогий такому типу завершения (с кокошниками под барабаном) в новгородской архитектуре XI–XV вв. В то же время изучение памятников зодчества средневекового Новгорода постоянно показывает нам разнообразие архитектурных форм, так что не учитывать предложенный вариант завершения, как нам кажется, не следует. Кроме того, на изображении храма на иконе «Видение пономаря Тарасия» (НГОМЗ) показан ярус кокошников в основании барабана (См.: Гусев, 1900. С. 51, рис. XX).

[625] В кладке использованы кирпичи начала XII в., а также вторично применены целые блоки кладки.

[626] Архитектурное наследие, 2008. С. 199–200. Версия об устройстве восьмискатной кровли в XIV в. пока не подтверждена данными натурных исследований.



235



236



237а



237б

того чтобы строить новую церковь, зодчие XIV в. восстанавливают значительно разрушенный храм XIII в. и при этом стараются воспроизвести его утраченные формы. Интересно, что мы видим не буквальное воспроизведение особенностей домонгольской церкви, а их интерпретацию в духе построек 1330–1340-х гг.: восстановленная юго-западная угловая пилястра имеет профилировку, в целом повторяющую профиль первоначальной пилястры, но по упрощённой схеме—без завершающих полуколонн [ил. 237а,б]. Такая форма угловой пилястры живо напоминает характерные для этого времени двухступчатые лопатки (церкви Входа Господня в Иерусалим и Благовещения на Городище): мастера использовали знакомую им форму, несколько усложнив её. Для восстановления полуколонн требовался лекальный кирпич, которого, очевидно, не было в распоряжении строителей.

В том же 1345 г. строится и храм Спасо-Преображения на Ковалёве [ил. 238]. В течение столетий облик церкви менялся незначительно: вероятно, в 1370-е гг. был пристроен южный притвор-усыпальница, а также частично заложены окна в барабане, после чего храм расписали; в XIX в. кровля была переделана на четырёхскатную. Церковь, разрушенная в годы Великой Отечественной войны, восстановлена Л.Е. Красноречевым в 1970–1974 гг. [ил. 239]

Ковалёвский храм отличается от остальных памятников 1330–1340-х гг.: это относительно невысокая одноапсидная одноглавая

четырёхстолпная постройка с позакомарным покрытием фасадов. Изначально храм имел асимметричную композицию: с запада примыкал притвор в ширину центрального прясла, а с севера вытянутая большая пристройка, разделённая бревенчатым накатником на два яруса и не сообщающаяся с основным объёмом храма. В верхнем ярусе пристройки, видимо, находилась звонница, нижний мог использоваться для хозяйственных нужд (окон в пристройке не было) [ил. 240].

Структура фасадов также во многом обусловлена наличием с двух сторон храма первоначальных пристроек: зодчие сделали лишь угловые лопатки, в центральной части фасадов расположены короткие отрезки

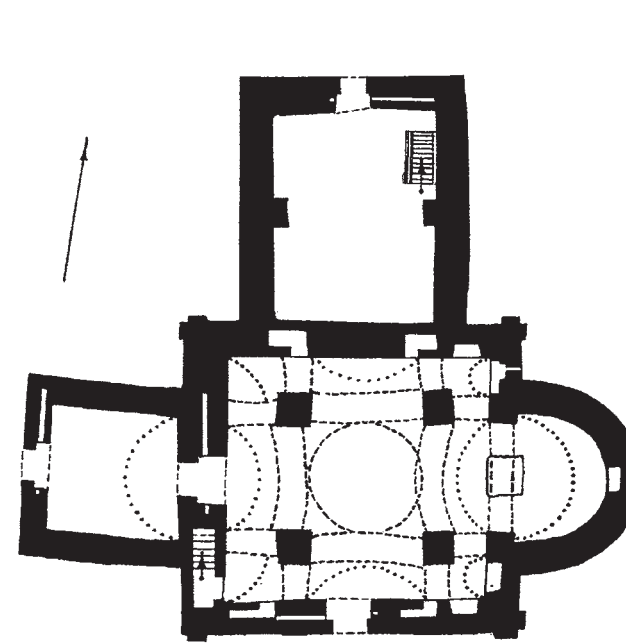


238

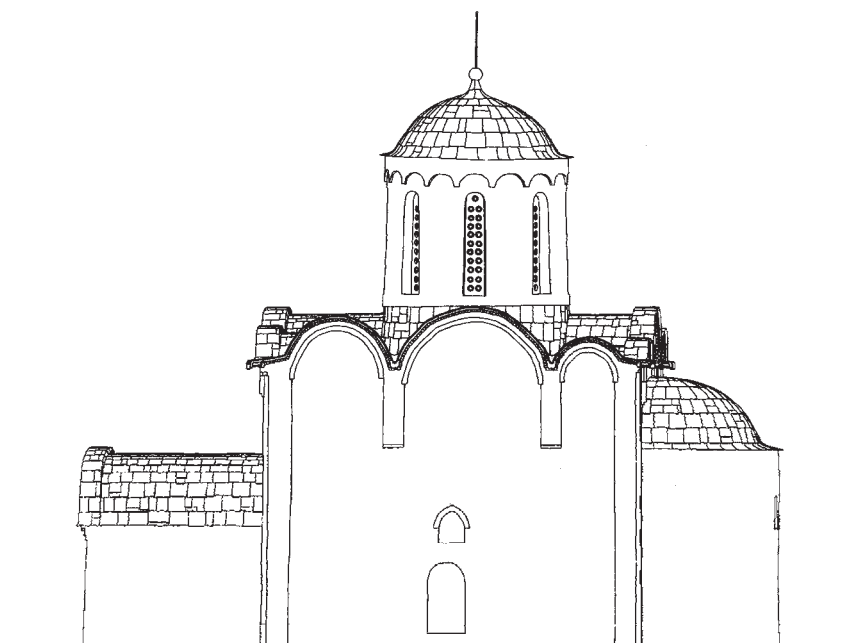
- 237 Церковь Параскевы Пятницы на Торгу. Угловые лопатки: а — юго-восточный угол 1207 г., б — юго-западный угол 1345 г.
 238 Церковь Спасо-Преображения на Ковалёве. 1345 г. Вид с северо-запада. Фотография 1910-х гг.
 239 Церковь Спасо-Преображения на Ковалёве. Вид с юго-востока
 240 Церковь Спасо-Преображения на Ковалёве. План храма до перестройки 1370-х гг. Реконструкция
 241 Церковь Спасо-Преображения на Ковалёве. Южный фасад. Реконструкция Л.Е. Красноречьева



239



240

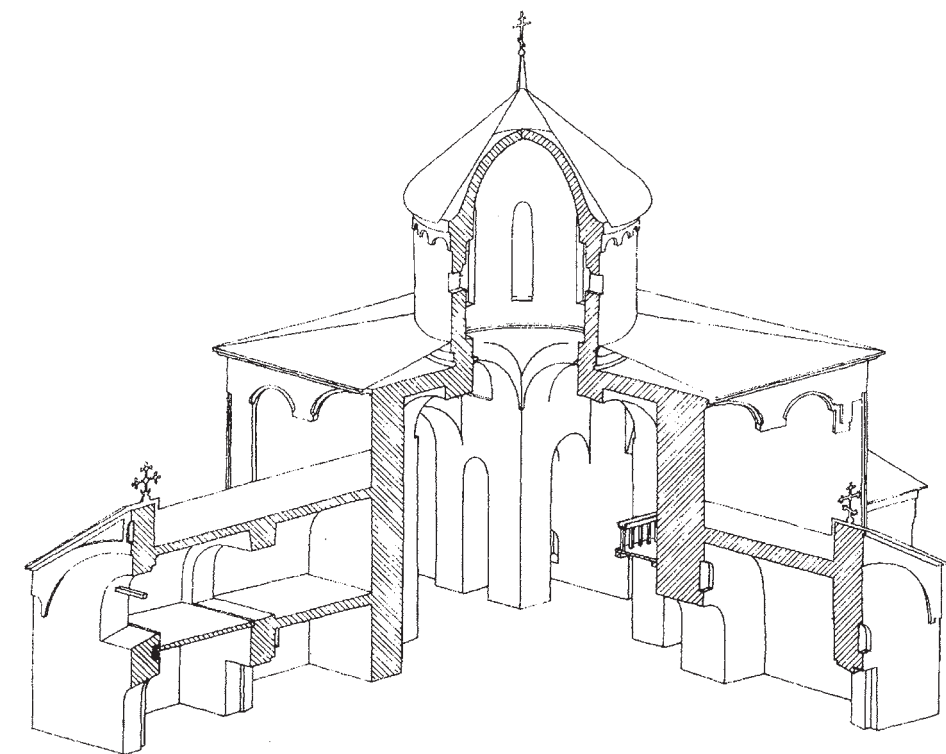


241



242

242 Церковь Спасо-Преображения на Ковалёве. Интерьер. Вид на восток
243 Церковь Спасо-Преображения на Ковалёве. Аксонометрия



243

кладки, своего рода консоли, обозначающие места лопаток [627] [ил. 241]. Интерес представляет юго-западный угол: толщины фундамента под западную стену, видимо, не хватало для того, чтобы разместить внутреннюю лестницу, поэтому зодчим пришлось отказаться от угловой южной лопатки на западной стене, таким образом увеличив толщину стены. Был ли это осознанный приём или решение, которое было найдено в ходе строительства, — сказать трудно. В целом фасады церкви весьма лаконичны — только на южной стене находилась ниша со стрельчатым завершением (при этом окна барабана имели полуциркульное завершение) [628], по верху фасадов шел традиционный карниз из зубчиков, а барабан был украшен аркатурой.

В интерьере квадратные столбы несколько сдвинуты к востоку и необычно близко поставлены к стенам, значительно расширяя подкупольный квадрат. Система основных сводов традиционна для новгородской архитектуры, угловые компартименты завершались коробовыми сводами (в западных углах ошибочно восстановлены полукоробовые). Восточные углы открыты высокими арками как в восточный, так и в боковые рукава креста [ил. 242, 243]. Апсида имеет заплечики. В западной части храма на хорах устроены две замкнутых камеры, подъём на хоры осуществляется по лестнице, расположенной в западной стене, выход с лестницы находится на центральной площадке хор.

Основной особенностью интерьера храма является необычная система освещения — первоначально в основном объёме церкви, как считал Л. Е. Красноречев [629], было восемь больших окон в барабане, маленькое оконце в диаконнике и окно

в центральной части апсиды (четыре окна в барабане были заложены перед тем, как храм начали расписывать, т. е., видимо, в конце 1370-х или 1380 г.). Очевидно, зодчие и заказчик хотели осветить подкупольное пространство направленным потоком света, при этом угловые части храма оказывались погружёнными в темноту. Подобный характер освещения, так же как и широкая расстановка столбов, особо выделяют подкупольный квадрат, подчёркивая его значение в интерьере храма [630]. Ещё одной интересной чертой памятника является наличие многочисленных ниш-печур, устроенных в южной и северной стенах храма.

Строительные материалы, использованные зодчими церкви Спасо-Преображения, аналогичны тем, что мы встречаем и в других постройках этого периода — красный ракушечник, плитняк, большемерный кирпич с песчаной плёнкой на поверхности.

Объёмно-пространственное решение ковалёвского храма во многом противоположно Входеоерусалимской, Благовещенской и Пятницкой церквям — все объёмы этих храмов устремлены вверх, собраны вокруг единой вертикальной оси. В Спасо-Преображенской церкви, напротив, мы наблюдаем сложную асимметричную композицию, состоящую из невысокого основного объёма, перекрытого позакормарно, и прилегающих пристроек разного размера. Интерьер с квадратными столбами, значительно отодвинутыми к стенам и, возможно, необычная система освещения свидетельствуют о различиях в подходах мастеров (или заказчиков), строивших упомянутые выше церкви и ковалёвский храм. Это различие подчёркивается и в оформлении фасадов —

[627] Следует учитывать, однако, что местоположение и форма консолей в отреставрированном храме являются гипотезой реставратора.
[628] Пятигранное окно жертвенника восстановлено по аналогиям.
[629] Красноречев, 1969. Л. 37–38.
[630] Подробнее вопросы организации системы освещения в ковалёвском храме рассмотрены в статье: Седов, 2000. С. 57–62. Следует, правда, иметь в виду, что храм мог иметь окна в верхних частях стен, которые заложили перед началом живописных работ в 1380 г.

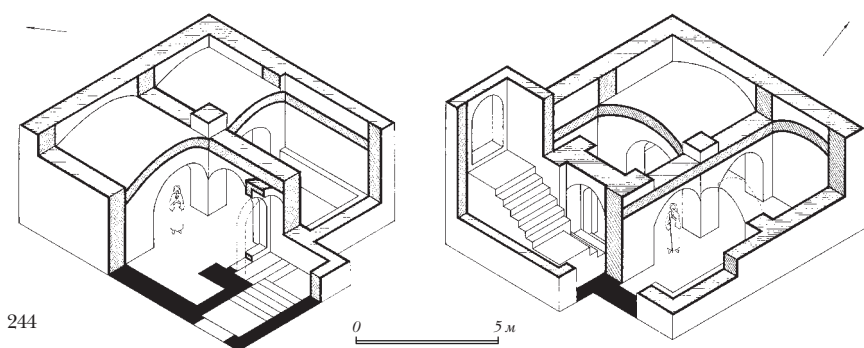
вместо сложно профилированных фасадов храмов Входа Господня в Иерусалим, Благовещения и Параскевы Пятницы в церкви Спаса на Ковалёве мы видим лаконичные плоскости не только без каких-либо декоративных элементов, но даже фактически без окон.

Единственный исследованный памятник гражданской архитектуры этого времени — постройка, изученная в 2008–2009 гг. на площади к западу от Софийского собора, тоже даёт нам новые, необычные формы. В ходе археологических работ был обнаружен подвальный этаж здания, выстроенного из большемерного кирпича, ракушечника и плитняка, зафиксированы стены, сохранившиеся на высоту более 250 см, арки, части сводов, оставшиеся на арках, а также фрагменты сводов, лежащие на засыпке [ил. 245]. Это сравнительно небольшая по размеру постройка — 7,9–8,0 (запад–восток) × 7,5–8,0 (север–юг) м, точные размеры здания можно будет установить после доследования северной стены [ил. 244]. Анализ строительных материалов и технологических особенностей позволил датировать сооружение серединой XIV в., временем владыки Василия, и отождествить его либо с теремом 1341 г., либо, что более вероятно, с палатой 1350 г., которую летопись помещает «подле Рождество», т.е. около церкви Рождества Христова на Владычнем дворе.

В центре палаты находится квадратный столб, к которому примыкают четыре арки, соединяющие его с внешними стенами [ил. 246, 247]. Арки разделяют интерьер здания на четыре компартамента, при этом западная часть здания по площади больше восточной. На арки опирались своды с шельгами север-юг.

Находка многочисленных фрагментов фресок на одном из участков, а также большое количество обнаруженных перетолженных средневековых строительных материалов показывает, что здание имело по крайней мере ещё один каменный этаж.

О каменных гражданских постройках средневекового Новгорода XIV в. мы знаем только по материалам археологических исследований [631] [ил. 248]. «Палата архиепископа Василия» пока является самым ранним примером каменного гражданского здания в Новгороде, а по своей структуре кажется гораздо сложнее, чем другие изученные постройки, в основном однокамерные и перекрытые бревенчатым накатником. Нигде до этого не был отмечен приём устройства заглубленного подвала: подобный подвал Владычней палаты 1433 г. казался до изучения палаты владыки Василия новшеством [632], вероятно связанным



244



245



246



247

244 Гражданская постройка в Детинце. Середина XIV в. (Палата 1350 г.?). Аксонометрия. Реконструкция Т.В. Силаевой

245 Гражданская постройка в Детинце. Раскопки 2008–2009 гг. Вид с северо-запада

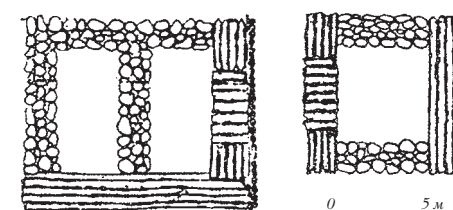
246 Гражданская постройка в Детинце. Центральный столб. Раскопки 2008–2009 гг. Вид с северо-запада

247 Арка между северной стеной и столбом в гражданской постройке в Детинце. Раскопки 2008–2009 гг. Вид с запада

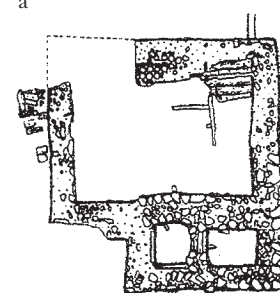
248 Планы новгородских гражданских построек XIV–XV вв. (по Д.А. Петрову): а — постройки на Неревском раскопе; б — терем, обнаруженный на Ильинском раскопе; в — терем, обнаруженный на Нутном раскопе; г — постройка на Готском дворе

249 Стена Детинца 1331–1333 гг. Раскопки А.Н. Кирпичникова. Сводный план раскопов

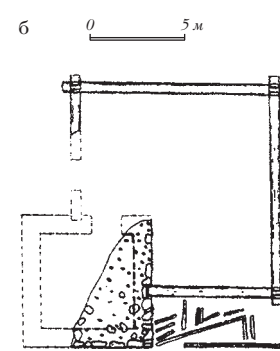
250 Стена новгородского Детинца. 1331–1333 гг. Раскопки А.Н. Кирпичникова. Фотография 1981 г.



а

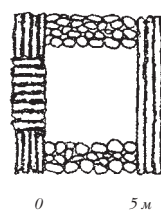


б

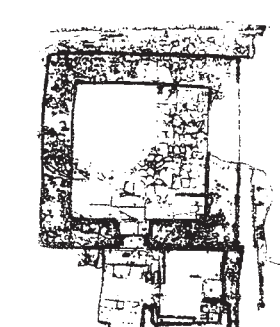


г

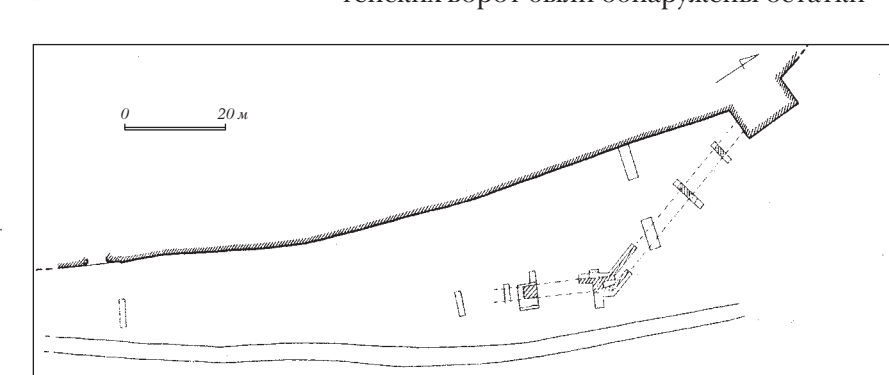
248



в



249



249

с работой немецких мастеров, однако теперь очевидно, что строители XV в. могли ориентироваться на расположенное рядом здание. Особо надо отметить использование сводов для перекрытия подвального этажа, при этом арки, на которых лежат своды, опираются на центральный столб. Таким образом, и одностолпная структура этого здания как бы предвосхитила архитектуру одностолпного зала Владычней палаты 1433 г.

Сравнительно много мы знаем и об оборонительном зодчестве времени архиепископа Василия. Наибольший интерес представляет, конечно, известие о строительстве в 1331–1333 гг. каменной крепостной стены Детинца, обращенной к Волхову. Благодаря работам А.Н. Кирпичникова, в литературе прочно закрепилась точка зрения, согласно которой стена владыки Василия, начинавшаяся у церкви Св. Владимира, находилась

[632] Великий Новгород. С. 120.

[633] Кирпичников, 1995. С. 82–88.

[634] Алешковский, 1962. С. 21.

[635] К сожалению, материалы наблюдений за

строительными работами,

в ходе которых были обнаружены остатки ворот, пока не опубликованы (исследования памятника проводили Д.В. Пежемский, К.Г. Самойлов, С.Е. Горюнов).

[636] НЛ. С. 343.

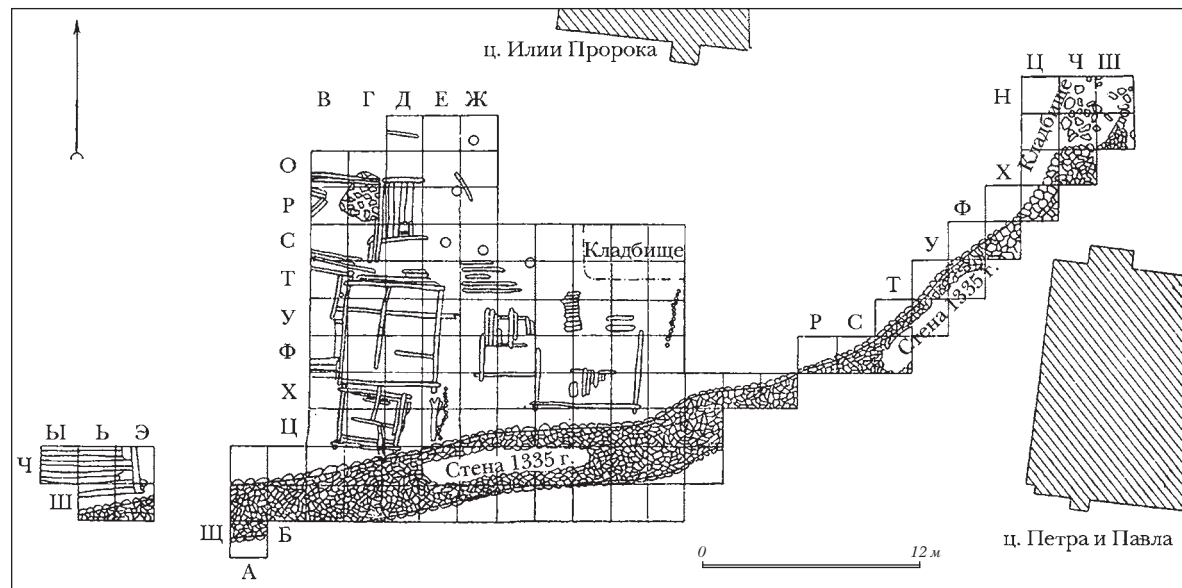
у подножия ныне существующего вала, на 19–22 м ближе к берегу Волхова [ил. 249, 250], где в 1981 г. археологу удалось проследить каменную оборонительную стену на протяжении 60 м [633]. Доказательства подобной интерпретации результатов археологических работ в публикации А.Н. Кирпичникова не приводятся. Впервые обнаруживший фрагменты этой стены М.Х. Алешковский считал её частью гидротехнического сооружения (подпорной стенки) или стены захоба [634].

Данная стена действительно может относиться к 1330-м гг. (этому не противоречит характер применённых строительных материалов), но до проведения полномасштабных раскопок этих укреплений интерпретация найденных конструкций останется спорной. В 2008 г. в арке нынешних Пречистенских ворот были обнаружены остатки



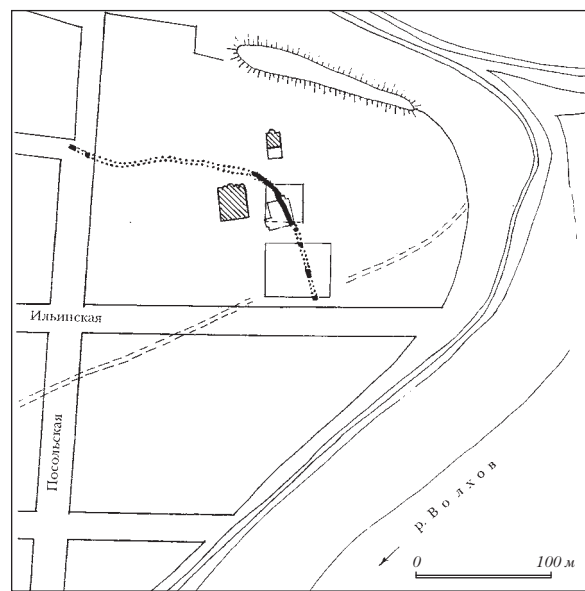
250

ворот Детинца, выходящих к Волхову, на которых находилась церковь Положения ризы и пояса Богородицы (1195) [635]. Эта находка позволила определить местоположение ориентиров, обозначенных в летописи (напомним, что в источнике указано, что стена шла от церкви Св. Владимира до церкви Положения пояса Пресвятой Богородицы, и от церкви Положения пояса Пресвятой Богородицы до храма Св. Бориса и Глеба) [636], однако конфигурация укреплений 1330-х гг. является не до конца понятной. Очевидно, в 1331–1333 гг. зодчие владыки Василия выстроили стену от ворот под Владимирской церковью



251 Стена новгородского Острога. 1335 г. План раскопа (по А.В.Арциховскому)
 252 Стена Острога. 1335 г. Славенский холм. Генплан. Чертеж Л.М.Шуляк. 1965 г.
 253 Стена Острога (так называемая «стена Монгайта»). 1335 г. (?). Вид с запада
 254 Крепость Орлец в Архангельской области. 1342 г. Воротная башня. План, разрезы (по О.В.Овсянникову)

251



252



253

ведении стены, позволило исследователю предположить, что в этом месте строительные работы в 1335 г. были остановлены. В 1965 г. Л. М. Шуляк удалось проследить кладку стены на 65 м западнее церкви Ильи Пророка [638]. Очевидно, что стена продолжалась вплоть до берега Волхова [ил. 252]. Таким образом, летописный текст просто обозначает два наиболее надёжных топографических ориентира XIV в.

На протяжении изученного участка стены не обнаружено башен. Кладка сохранилась на высоту до 2 м, её ширина—около 3 м, стена сложена в полубутовой технике из красного ильменского ракушечника и серого плитняка, на некоторых участках преобладают постельные камни, на других—крупные блоки.

Л. М. Шуляк впервые отметила, что по строительным материалам и технике кладки «стена посадника Фёдора» не отличается принципиально от стены, обнаруженной на Торговой стороне в створе Ильиной улицы А.Л. Монгайтом [639] [ил. 253]. По мнению Шуляк, «стена Монгайта» также была возведена в XIV в. и, видимо, составляла единое целое со «стеной посадника Фёдора» [640]. В то же время исследовательница придерживалась

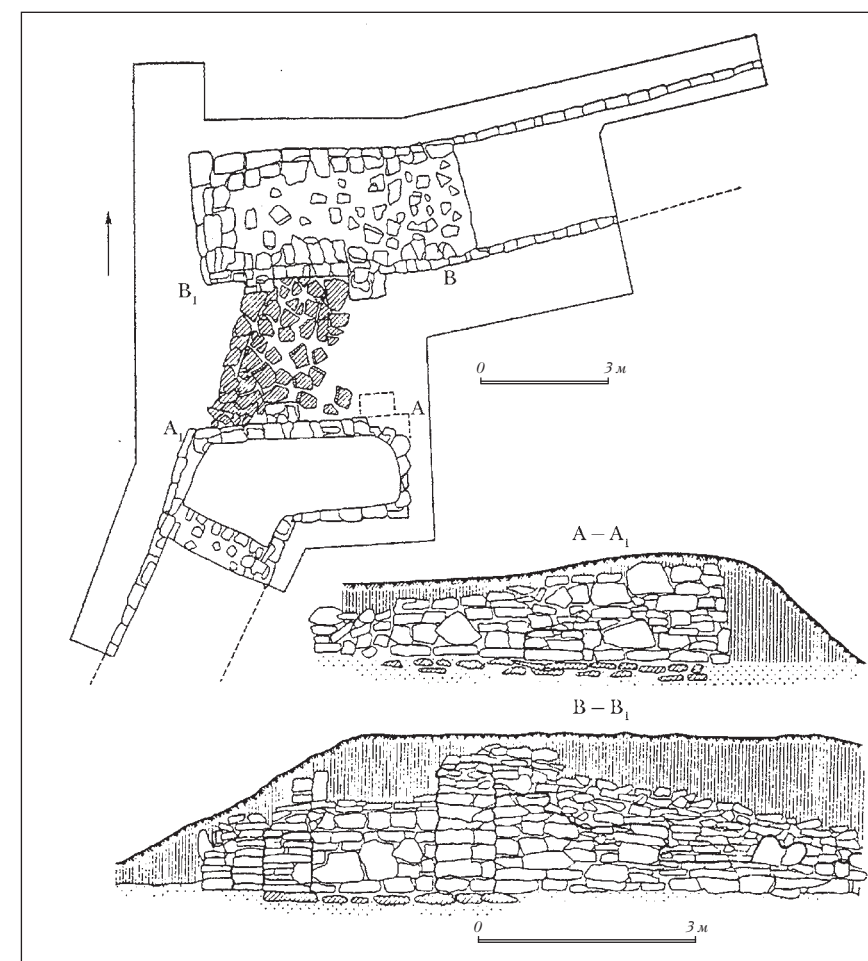
[637] Там же. С. 346.
 [638] Арциховский, 1949. С. 132–136; Седов, 2011. С. 197.
 [639] Монгайт, 1949/1. С. 123–127; Монгайт, 1952.
 [640] К сожалению, наблюдения Л. М. Шуляк остались неопубликованными. Высказанные реставратором идеи поддерживает С. В. Трояновский, эти же мысли повторил недавно М. П. Гайдук (Гайдук, 2012. С. 20).
 [641] Овсянников, 1974. С. 114–117.

мысли о том, что строительство «стены посадника Фёдора» было остановлено.

Техника кладки и использованные материалы свидетельствуют, что два участка стены составляли когда-то единое целое. Станет ли возможным зафиксировать несколько строительных этапов, или же вся стена была возведена одновременно, покажут будущие археологические исследования. Пока можно отметить относительно нерегулярный характер очертаний каменной преграды, связанный с рельефом местности. Стена, очевидно, просуществовала не более столетия.

Возникает вопрос, почему, закончив работы по строительству стены Дегинца со стороны Волхова, новгородцы начинают возводить новую каменную стену именно на этом участке Торговой стороны. Возможно, строительство каменной стены Острога было вызвано необходимостью защитить основную дорогу, связывавшую Новгород с Низовскими землями и начинавшуюся как раз у церкви Ильи Пророка.

Новгородцы строили оборонительные сооружения и далеко на севере—крепость Орлец была возведена в 1342 г. на высоком мысу, образованном крутым изгибом Северной Двины (к югу от современных Холмогор) [ил. 254]. Крепость просуществовала недолго—она была разрушена в конце XIV в.



254

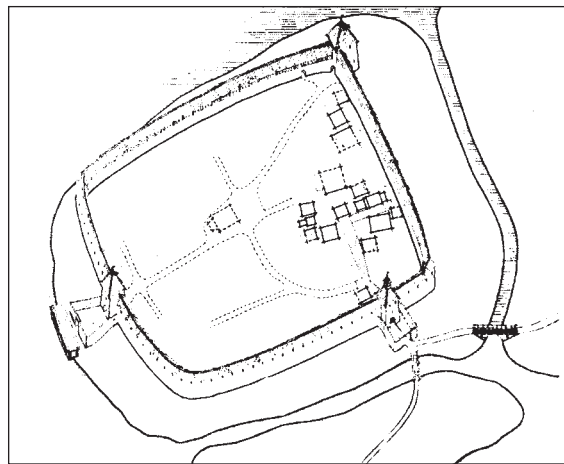
и более не восстанавливалась. Орлецкая крепость состояла из Дегинца и Окольного города, она имела сложную систему укрепления—каменные стены, валы и рвы.

Каменная стена Дегинца Орлецкой крепости сохранилась на протяжении почти 300 м—ширина стены 2,8 м, её лицевая кладка сложена из мощных блоков известняка, разных по размеру, а сердцевина заполнена более мягким плитняком на растворе. Дегинец, вероятно, в плане имел форму трапеции или скошенного четырёхугольника, на стыке западного и северного прясел кремля находилась воротная башня, по другим углам крепости также, видимо, стояли башни. Воротная башня состояла из двух мощных пилонов (сохранилась на высоту почти 2 м, внешние размеры 5×8,5 м), она не выступала за линию крепостной стены, следовательно, её роль при ведении фланкирующего огня была невелика.

Архитектурные особенности и техника возведения стен и башен позволяют соотнести Орлецкую крепость с другими новгородскими каменными оборонительными сооружениями XIV в. (Новгород, Орешек и др.). В этом памятнике, как отмечает О. В. Овсянников, проявляются и новые тенденции в русском каменном оборонном зодчестве, прежде всего стремление к регулярности общей планировки (крепость построена в форме четырёхугольника или трапеции). Очевидно, что строителями Орлецкой каменной крепости в далеком Заволочье были новгородские мастера, хорошо знавшие фортификационное искусство своего времени [641].

Благодаря археологическим исследованиям у нас есть сведения и о крепости Орешек, построенной в 1352 г. владыкой Василием (на острове у истока Невы из Ладожского озера). Новые укрепления были возведены на месте деревоземляной крепости 1323 г., в которой, возможно, была и одиночная каменная башня (см. выше). Крепость занимала юго-восточную часть острова, её размер 90×100 м. Изучены три стены толщиной более трёх метров, выполненные в полубутовой технике на фундаменте из крупных, сложенных насухо валунов.

Крепость имела четырёхугольный план, её восточная и южная стены следовали изгибам береговой линии [ил. 255]. В ходе раскопок обнаружена проездная Воротная башня. Ворота сохранились до нижнего камня свода, их наружные части снабжены двумя боковыми выступами, в толще которых найдены отпечатки вертикальных брёвен, находившихся по бокам от опускаемой решётки—герсы [ил. 256, 257]. Воротная башня располагалась почти в центре северной стены, найдена также башня, стоявшая на северо-восточном углу укрепления, по предположению А. Н. Кириличникова, ещё одна



255



256



257

башня находилась на восточной стене крепости [642]. Летописец особо подчёркивает, что владыка Василий устроил крепостные башни—«костры нарядил» [643].

Памятник демонстрирует особенности до середины XIV в. не характерные для русской фортификации,—план сооружения почти регулярный, близкий прямоугольному (здесь можно привести в качестве аналога Орлецкий кремль), длина прясел примерно одинаковая. Вынос на 2 м внешней стены Воротной башни предполагает определённую возможность фланкирования с верхнего яруса боя; очевидно, также были построены и другие башни. Весьма возможно, что при расстановке башен

зодчие стремились обеспечить сплошной фланкирующий прострел вдоль стен [644].

Строительство в Новгородской земле в 1350-е годы

После смерти архиепископа Василия в 1352 г. епархией по просьбе новгородцев вновь начинает управлять владыка Моисей, до этого живший на покое, видимо, в Деревяницком монастыре: «паки с молбою введоша Моисия архиепископа на свои стол к святей Софеи» [645]. Через семь лет, в 1359 г., архиепископ Моисей вторично уходит с новгородской кафедры, несмотря на уговоры паствы: «и молиша его много всь Новгород с поклоном, и не послуша их» [646]. Последние годы владыка провел, видимо, в Сковородском монастыре, где в январе 1363 г. он и был похоронен. Новым новгородским архиепископом в 1359 г. становится Алексей, при котором происходят весьма ощутимые изменения в области архитектуры.

Летопись довольно скупо освещает события 1350-х гг. В 1352 г. чума, жертвой которой стал Василий Калика, дошла и до Новгородской земли: страшный мор начался после Успения, а закончился только на следующий год на Пасху. В 1353 г. умирает великий князь Симеон Иванович с двумя сыновьями. Новгородцы пытаются воспользоваться ситуацией и отправляют посла к хану с просьбой передать великое княжение князю Константину Суздальскому. Успеха эта миссия не принесла—новым великим князем становится Иван Иванович Московский; открытого столкновения с Москвой, однако, не произошло.

Из других событий тех лет особого внимания заслуживает посольство, отправленное в 1353 г. владыкой Моисеем в Константинополь, к императору и патриарху. Послы Моисея просили «исправления о неподобных вещех, приходящих с насилием от митрополита» (отметим, что митрополит Феогност скончался весной 1353 г.). На следующий год послы вернулись из Царьграда, привезли архиепископу крещатые ризы, «и грамоты с великим пожалованием от цесаря и от патриарха, и златую печать» [647]. Событие это было очень важным для новгородской кафедры: владыка Моисей, вслед за Василием Каликой, получает право носить крещатые ризы, выделяющие его среди всех прочих русских архиереев.

За восемь лет второго владычества Моисея новгородцы возводят по крайней мере десять каменных церквей, при этом часто заказчиком храмов является сам владыка [648]. Сразу после смерти архиепископа Василия в июле 1352 г., владыка Моисей строит храм Успения на Волотовом поле [649]. Затем в 1354 г. была основана каменная церковь Знамения Богородицы на Ильине улице—храм-

255 Крепость Орешек. 1352 г. План-реконструкция Е.Г. Араповой, В.И. Кильдюшевского и А.Н. Кирпичникова
256 Воротная башня крепости Орешек. Западный пилон. Вид с юго-востока
257 Воротная башня крепости Орешек. Рисунок В.М. Савкова
258 Церковь Успения на Волотовом поле близ Новгорода. 1352 г. Вид с северо-запада

[642] Кирпичников, 1984. С.102–115.

[643] Н4Л. С.280.

[644] Кирпичников, 1984. С.102–116.

[645] Н1Л. С.363.

[646] Там же. С.365.

[647] Там же. С.363–364.

[648] Там же. С.362–365; Н4Л. С.285–288; ЛА. Стб.85–88.

[649] Напомним, что осенью 1352 г. Новгород поразил страшный мор—

строительство храма могло быть связано и с молением к Богородице о прекращении эпидемии. Впрочем, нельзя исключить, что строительство было начато Моисеем ещё весной, как это обычно бывало, и первоначально не было связано ни со смертью владыки Василия, ни с мором.

реликварий иконы «Богоматерь Знамение». Заказчик в летописи не указан, но вероятно, что строительство столь важного для Новгорода храма осуществлялось по заказу и при непосредственном участии владыки [650].

В этом же году возвели и церковь Св. Дмитрия на Лубянице. Заказчиками храма, вероятно, были уличане, жители Лубяницы. На следующий год владыка Моисей строит церковь Михаила Архангела в Сковородском монастыре.

В 1356 г. жители Лубяницы закладывают ещё один храм—церковь Св. Георгия на Торгу, строившийся на месте деревянной церкви. В этом же году восстанавливают храм Сорока мучеников на Щирковой улице, упавший в 1354 г., а также возводят три деревянные церкви (Никольские храмы на Яковлеве ул. и на Лятке, церковь Св. Саввы на Козьмодемьянской ул.). В 1357 г. в летописи опять упоминаются каменные храмы, построенные Моисеем,—церковь Святого Духа Духова монастыря и Успения Богородицы в Радоковицах.

В 1358 г. некие Андреян Захарьин и Данило Кузьмин поставили деревянную церковь Двенадцати апостолов, а в 1359 г. были заложены сразу два каменных храма:

владыка Моисей возводит церковь Св. Прокония на княжеском дворе, а Лазута строит церковь Св. Иоанна Предтечи у Немецкого двора. К последнему году жизни владыки Моисея относится возведение церкви Благовещения на Михайловой улице в 1362 г. В этот период уже начинается развитие нового направления в истории зодчества средневекового Новгорода, первым памятником которого является церковь Св. Феодора Стратилата на Ручью (1360–1361).

Среди памятников 1350-х гг. частично сохранилось три: церкви Успения на Волотовом поле, Михаила Архангела на Сковородке и Георгия на Торгу, археологически изучен храм Знамения на Ильине улице [651].

Церковь Успения на Волотовом поле (1352) сохранялась почти без перестроек до Великой Отечественной войны [ил. 258]. В 1939–1941 гг. была проведена реставрация, храму вернули первоначальное завершение [652]. В годы войны памятник находился на переднем крае обороны наших войск, большая его часть была уничтожена огнём фашистской артиллерии [653]. В 1950-е гг. руины Волотовской церкви законсервировали под руководством Л.Е. Красноречьева,

[650] Сообщение НЗЛ о том, что храм был поставлен «повелением владыки Моисея и всего новгородского сонмища людей» (НЗЛ. С.228), скорее всего, не основано на сведениях источников XIV в.

[651] Раскопки В.А. Булкина и Г.М. Шгендера (Булкин, 2002. С.246–258). Археологи нашли и церковь Св. Иоанна Предтечи у Немецкого двора, однако она так и не была изучена. Возможно, к 1350-м гг. относится и церковь Рождества Богородицы в Порхове, однако, пока памятник может быть датирован широко—серединой—третьей четвертью XIV в. (Антипов, 2013. С.290–292).

[652] Босуевич, 1940. С.48–54.

[653] Алтатов, 1948. С.103–148. Литература о волотовской церкви, прежде всего о её росписях, весьма обильна. Наиболее подробный указатель см в кн.: Водорнов, 1989.



258



259

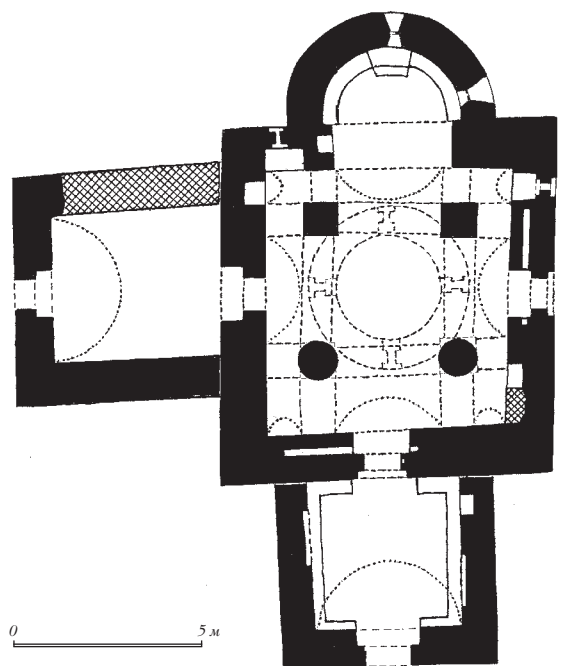


260

в 2001–2003 гг. храм был восстановлен по проекту Н.Н. Кузьминой на основании натуральных исследований, данных довоенных обмеров и изображения храма на ктиторской фреске [654] [ил. 259, 260].

Волотовский храм—одноглавая одноапсидная четырёхстолпная церковь. С севера и запада к зданию примыкают притворы, при этом северный, вероятно имевший хозяйственное назначение [655],—первоначальный, а западный построен позднее, видимо в начале 1360-х гг. [ил. 261]. Северный притвор не симметричен относительно бокового фасада храма, он существенно сдвинут на восток. Основной объем церкви имел трёхлопастное покрытие с широкой и высокой центральной аркой и уменьшенными боковыми лопастями. Такой тип завершения церкви подтверждается данными довоенных фотографий, рисунков и обмеров, а также изображением храма на знаменитой ктиторской фреске с новгородскими архиепископами Моисеем и Алексеем, предстоящими Богородице с младенцем [656].

Внешний облик храма отличают лаконичность и простота художественных решений. Основная особенность памятника—полное отсутствие лопаток на фасадах. Важнейшим средством художественной выразительности здесь становится сама поверхность стены, лишь по центральным осям прорезанная окнами. Отсутствие лопаток позволило зодчим завершить фасады симметрично—они значительно увеличили центральное полукружие, а боковые лопасти сделали равными между собой. Фасады



261

храма, изначально оштукатуренные, фактически лишены декора, только на барабане есть аркатурный пояс, а по верху фасадов проходит лента поребрика. Некоторые декоративные детали мы находим в дополнительных объёмах: на западном притворе восстановлена композиция из пяти ниш, на северном притворе—мотив из двух рядов кирпичей, поставленных длинной стороной на ребро под углом в 45 градусов (своего рода «ёлочка»). В храме почти нет стрельчатых

[654] Кузьмина, 2005; Трифонова, 2003.

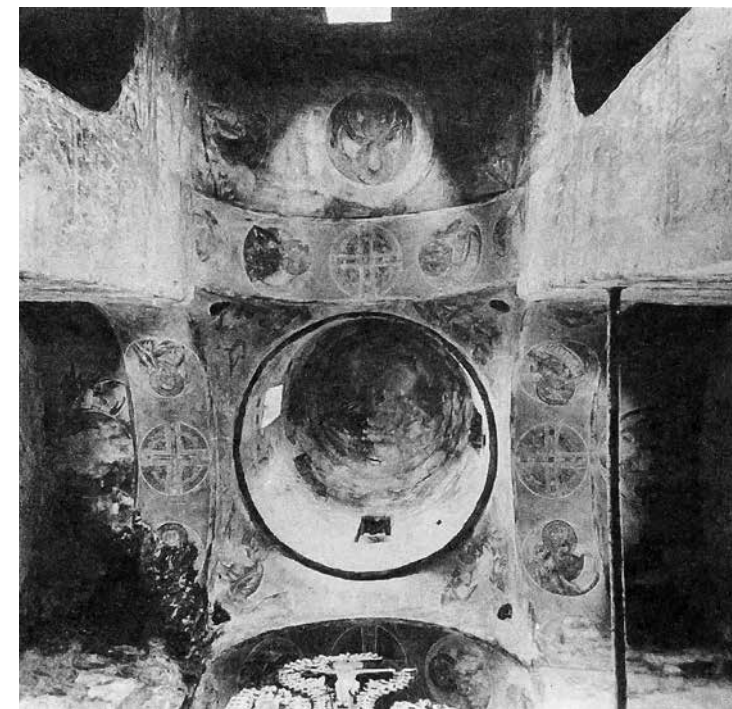
[655] Л.Е. Красноречьев предполагал, что здесь находилась звонница (Красноречьев, 1977. С.150).

[656] Трифонова, 2003. С.10 (рис.5), 19–23.

259 Церковь Успения на Волотовом поле. Вид с юго-востока. Фотография 1909 г.
260 Деталь ктиторской фрески церкви Успения на Волотовом поле. 1363 г. Копия
261 Церковь Успения на Волотовом поле. План
262 Церковь Успения на Волотовом поле. Интерьер. Вид на юго-западный угол
263 Церковь Успения на Волотовом поле. Интерьер. Вид на своды, барабан и купол
264 Церковь Успения на Волотовом поле. Аксонометрия



262



263

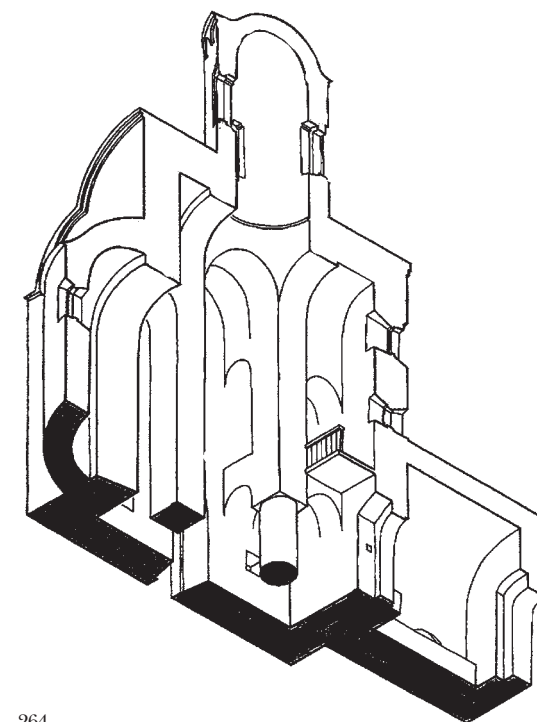
форм проёмов, характерных для новгородской архитектуры XIV в. [657] Щелевидные окна, перекрытые наклонными перемычками из плит, находятся по центральным осям фасадов, в барабане было четыре окна со ступенчатым завершением проёмов.

Интересно решение интерьера—в угловых частях вместо ожидаемых полукоробовых сводов мы видим коробовые своды, не соответствующие трёхлопастному завершению фасадов [ил. 263]. Необычную кон-

струкцию имеют хоры: здесь нет замкнутых угловых палаток, западные углы открыты высокими арками в боковые рукава пространственного креста, настил хор положен на деревянные балки, а не на своды [ил. 262]. Деревянная лестница на хоры располагалась в северо-западном углу храма. Восточные углы также открыты высокими арками как в боковые рукава креста, так и в алтарную зону. Таким образом, в интерьере церкви возникает ясное, цельное пространство, где доминирующее значение приобретают выраженные вертикали столбов (западных, круглых в нижней части, и восточных квадратных). Подобный подход отличен от практики, обычной для Новгорода конца XIII—первой половины XIV в., когда вследствие замкнутого характера угловых компартиментов пространственный крест выявлялся уже в уровне хор [658].

В небольшом храме, предназначенном для монастырских служб, как точно отметил А.И. Комеч, «камерность и смиренность оставались ведущими эмоциональными составляющими художественного образа» [659]. Особое значение в верхней зоне интерьера имел барабан—он очень высокий, притом что диаметр его весьма невелик (менее 3 м). Главная, верхняя зона отчётливо выделялась и с помощью световых потоков из окон центральной части фасадов, а также окон барабана [ил. 264].

Строительная техника Успенской церкви идентична другим памятникам новгородской архитектуры конца XIII—первой



264

[657] Окно диаконника помещено в нишу ступенчатой формы и перекрыто «домиком». Возможно, что стрельчатое завершение имел и западный портал.

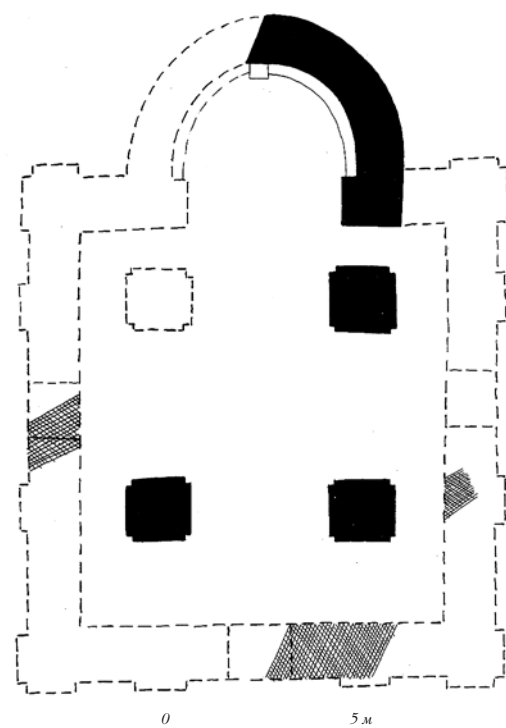
[658] Церкви Св. Николы на Липне, Св. Николы Белого, Благовещения на Городище.

[659] Комеч, 2002. С.240.

половины XIV в. Храм сложен в основном из плитняка на известково-песчаном растворе, в кладке также встречается красный ракушечник. Для выкладки притолок проёмов, столбов, арок, сводов, углов здания использован большемерный кирпич с характерной песчаной плёнкой на поверхностях.

Важным кажется сопоставление архитектурных форм волотовского храма и церкви Рождества Богоматери в Перыни. Эти храмы роднит небольшой вертикально ориентированный основной объём, минимум членений на фасадах, трёхлопастная форма завершения, очень камерный, монастырский по характеру интерьер. На наш взгляд, не исключено, что архитектурные особенности церкви Успения связаны именно с обстоятельствами заказа—предпочтениями владыки Моисея, много лет прожившего вблизи Перынского храма, в Юрьевом и Коломецком монастырях.

В церкви Успения на Волотовом поле многие архитектурные формы действительно



265



266

кажутся более упрощёнными, чем в памятниках предшествующего времени,—здесь нет перспективных порталов; на хоры вместо внутрискрипной лестницы ведёт деревянная, занимающая часть северо-западного компартамента храма; простые, ничем не украшенные фасады лишены вертикальных членений. В то же время круглые западные столбы волоотовской церкви, несомненно, являются продолжением строительной традиции времени архиепископа Василия. Простота, изящество объёмно-пространственного решения, камерный характер трактовки интерьера позволяют особо выделять волотовский храм среди других новгородских церквей первой половины—середины XIV в. В образе этого храма есть многое не столько от архитектурного сооружения, сколько от своего рода монументальной скульптуры, сейчас нами этот храм действительно воспринимается как памятник, поставленный владыкой Моисеем, молящимся об избавлении от мора.

Храм Знамения на Ильине улице 1354 г. не сохранился, в 1682–1688 гг. его разобрали, и на этом же месте возвели новую церковь. В результате археологических работ удалось раскрыть только часть постройки, в основном интерьер. Осталось неясным, сколько притворов было у храма, имел ли он лопатки на фасадах, не известно количество и расположение порталов. Тем не менее, общее представление о храме на основании материалов археологических раскопок составить можно [660].

Знаменская церковь—четырёхстолпный одноапсидный и, видимо, одноглавый храм, отличительной особенностью которого было наличие четырёх мощных крещатых столбов [ил. 265, 266]. Подкупольное пространство вытянуто по продольной оси. Апсида имела заплечики, её внешняя поверхность лишена полуколонок. Письменные источники свидетельствуют о том, что в храме были хоры, на которых находились два придела—Св. Афанасия и Св. Якова Перского [661]. На хоры, вероятно, попадали через лестницу в западной стене [662]. Возможно, с запада первоначально находился широкий притвор. Как нам кажется, храм должен был иметь на фасадах лопатки, причем двухступчатые. Предположение о том, что храм имел лопатки такой формы, обусловлено не только применением уникальной для Новгорода этого времени крещатой формы опор, но и тем, что в стоящем рядом храме Спаса на Ильине (1374) мы неожиданно видим двухступчатые лопатки, для 1360–1380-х гг., судя по всему, нехарактерные. Вполне возможно, что каменный храм Спасо-Преображения строился, в том числе, и по образцу Знаменской церкви (1354). Таким образом, вероятно, мы можем представить себе церковь Знамения как довольно высокий храм со сложнопрофилирован-

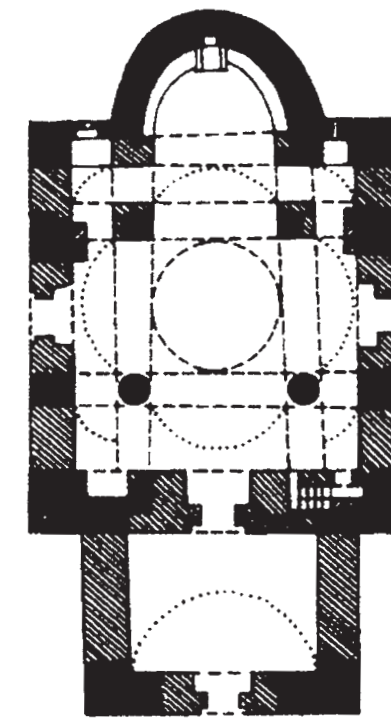
- 265 Церковь Знамения на Ильине улице. 1354 (1355) г. План. Реконструкция Вал.А. Булкина
- 266 Церковь Знамения на Ильине улице. Раскопки 1987–1988 гг. Северо-западный столб. Вид с юго-востока
- 267 Церковь Михаила Архангела на Сковородке. 1355 г. Вид с юго-востока. Фотография 1930-х гг.
- 268 Церковь Михаила Архангела на Сковородке. Северо-восточный угол
- 269 Церковь Михаила Архангела на Сковородке. План
- 270 Церковь Михаила Архангела на Сковородке. Западный фасад. Реконструкция Л.Е. Красноречьева с дополнениями Вл.В. Седова



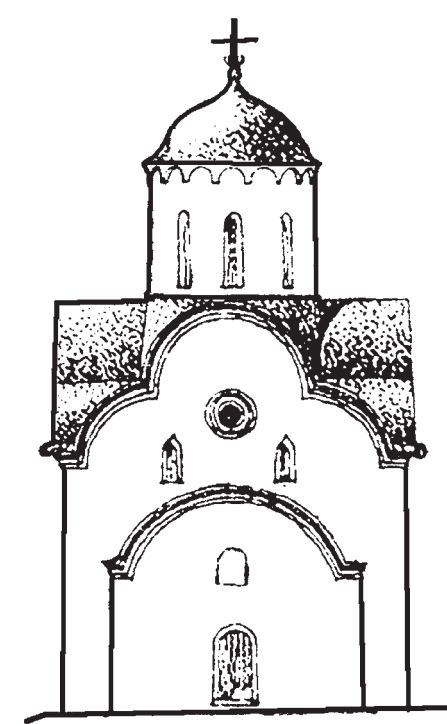
267



268



269



270

ными фасадами, в целом продолжающий линию церковей Входа Господня в Иерусалим и Благовещения на Городище.

Церковь Михаила Архангела на Сковородке 1355 г. была основательно перестроена в 1798–1820 гг. [ил. 267] Перед Великой Отечественной войной храм изучали различные исследователи, но подробных обмеров сделано не было [663]. В годы войны большая часть храма была разрушена, его руины не законсервировали [664] [ил. 268].

Михайловская церковь—четырёхстолпный одноапсидный одноглавый храм с трёхлопастным покрытием. Как и Успенская церковь на Волотовом поле, он не имел лопаток на фасадах [ил. 269]. С запада к церкви примыкал небольшой притвор. Интерес представляют формы оконных проёмов основного объёма храма: в верхней части западного фасада была обнаружена композиция из двух окон со стрельчатым завершением проёма, выше которых находилось круглое окно в нише со сложнопрофилированным обрамлением [ил. 270, 271]. Подобная композиция не зафиксирована пока более ни в одном памятнике новгородской архитектуры, Вл.В. Седов справедливо видит истоки этих декоративных форм в североевропейских постройках [665].

Помимо окон, находившихся на боковых фасадах и в апсиде, храм освещали восемь окон барабана (четыре из них были заложены, вероятно, в начале XV в., когда храм был расписан). О том, были ли на фасадах храма какие-либо декоративные элементы, мы сейчас судить не можем—перестройки конца XVIII—начала XIX в. закрыли большую часть фасадов.

[660] Булкин, 2002. С. 246–259.

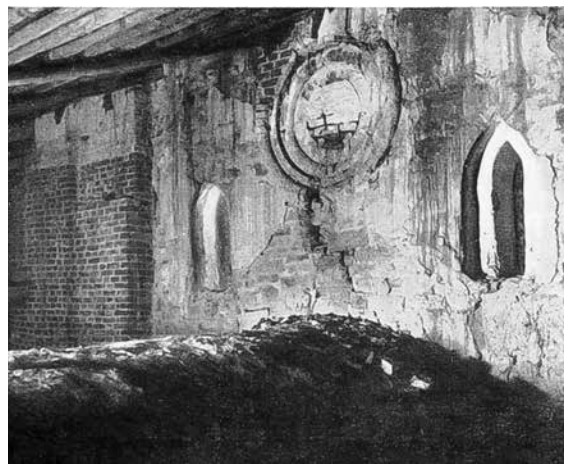
[661] Янин, 1976. С. 114.

[662] Наличие двух приделов на хорах предполагает устройство внутрискрипной лестницы с выходом на центральную площадку между палатками.

[663] Лазарев, 1948. С. 77–102.

[664] В настоящий момент до пяти полукоробового свода сохраняется северо-восточный угол церкви, остальная часть храма уцелела на высоту более 2 м.

[665] Седов, 1999/2. С. 268–269. В качестве конкретных примеров исследователь приводит композицию на западном фасаде церкви Св. Мартина в Вальяле (Сааремаа, Эстония, XIII в.) и окна-розы с валиковыми обрамлениями в Домском соборе в Риге (XIII в.).



271

личили размеры храма-образца—Успенской церкви, они по-другому соединили объемы (сковородский храм имеет только западный притвор) и выбрали иной принцип освещения: благодаря окнам в боковых стенах и восьми окнам в барабане храмовое пространство оказалось равномерно залито солнечным светом.

Церковь Св. Георгия на Торгу (1356) была перестроена в XVII–XVIII вв., а в 1970-е гг. исследована и отреставрирована Т. В. Гладенко [667]. Стены первоначальной постройки сохранились на высоту до 4,5 м (до уровня хор), уцелели и арки, поддерживавшие хоры [ил. 272–274]. Храм 1356 г. был четырёхстолпным одноапсидным, с запада примыкал узкий притвор, появившийся через несколько лет после завершения строительства основного объема церкви. Фасады храма были разделены на три прясла лопатками, найдены следы нескольких окон, в том числе и с завершением «домиком», а также все три портала. На апсиде, имеющей характерные для XIV в. заплечики, полуколонки не было.

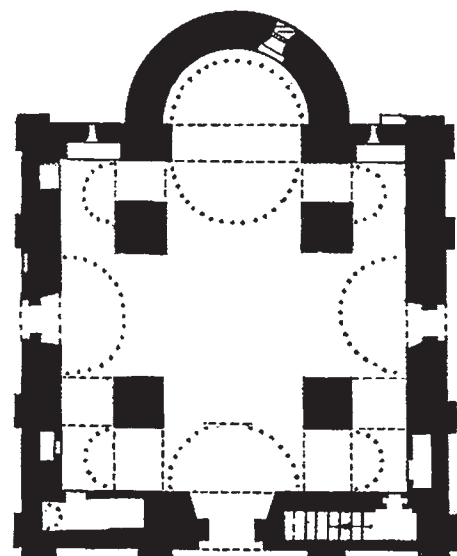
Квадратные столбы Георгиевского храма расставлены довольно близко к сте-

Восточные столбы храма—квадратные, а западные—круглые, апсида с заплечиками. Храм имел хоры, но без замкнутых угловых палаток, подъём на хоры, вероятнее всего, осуществлялся по деревянной лестнице, как в вологовской церкви.

Строительные материалы, использованные зодчими сковородского храма, идентичны строительным материалам других памятников новгородской архитектуры первой половины—середины XIV в.

Отсутствие лопаток, трёхлопастное покрытие, форма столбов давно позволили исследователям связать Михайловский храм с Успенской церковью на Волотовом поле, также построенной владыкой Моисеем [666]. Правда, размеры храма несколько больше и, в отличие от Вологова, в церкви Михаила Архангела угловые компартименты перекрыты полукоробовыми сводами.

Анализируя архитектурные особенности погибшего памятника, можно отметить, что зодчие Михайловского храма не просто уве-



272

0 5 м



273

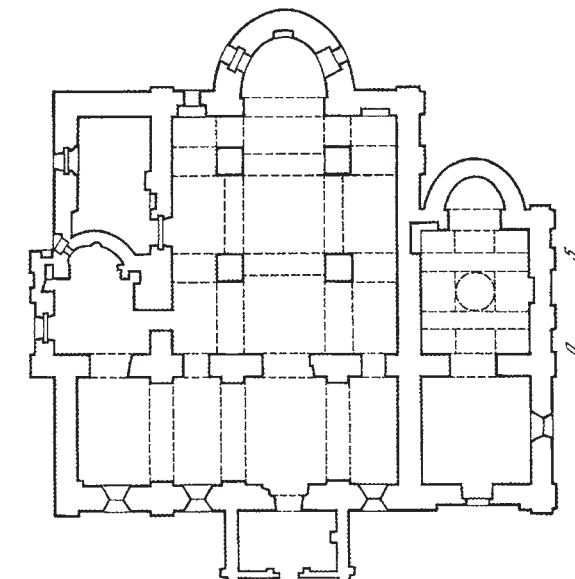


274

- 271 Церковь Михаила Архангела на Сковородке. Западный фасад. Фрагмент. Фотография 1930-х гг.
- 272 Церковь Св. Георгия на Торгу. 1356 г., XVI в., XVIII в. План
- 273 Церковь Св. Георгия на Торгу. Апсида
- 274 Церковь Св. Георгия на Торгу. Южный фасад
- 275 Церковь Михаила и Гавриила Архангелов с Городца в Пскове. 1339 г., XVII в. Южный фасад. Реконструкция (по Вл. В. Седову)
- 276 Церковь Михаила и Гавриила Архангелов с Городца. План, с поздними пристройками (по А. И. Комечу)
- 277 Церковь Михаила и Гавриила Архангелов с Городца. Вид с северо-востока



275



276

нам, расширяя подкупольное пространство. В палатках на хорах, куда попадали по лестнице, расположенной в западной стене, очевидно, находились приделы Св. Козьмы и Дамиана и Св. Бориса и Глеба. К сожалению, о системе сводов, завершении храма никаких предположений высказать нельзя.

В церкви Св. Георгия мы не находим отличительных черт, известных по другим постройкам времени архиепископа Моисея—лаконичных фасадов и круглых западных столбов, как в вологовском и сковородском храмах, или крещатых столбов, как в Знаменской церкви. Возможно, в своеобразной унификации архитектурной типологии и стилистики сыграли роль обстоятельства заказа: храм строился не по заказу архиепископа, как Вологово или Сковородка, это не храм-реликварий для новгородской святыни, как церковь Знаменая; Георгиевская церковь закладывается уличанами, они возводят обычный приходской храм.

Строительство в Пскове и Псковской земле в конце 1320–1350-е годы

Псковские летописи скупо рассказывают о жизни города во второй трети XIV в. Основные события летописной истории связаны с борьбой против немцев, походами псковичей в немецкую землю и нападениями рыцарей на Изборск и другие города. Среди других известий мы находим пространное сообщение о моровых поветриях прежде всего о страшном море 1352 г., рассказ о судьбе любимого псковичами князя Александра Михайловича Тверского. Несколько сообщений конца 1320–1340-х гг. посвящено и строительству новых храмов и крепостей в Пскове и Псковской земле [668]. Всего за это время возведено несколько деревянных и по крайней мере три каменных сооружения: в 1329 г. основана Изборская

крепость на Жеравьей горе [669], в 1339 г. началось строительство церкви Михаила и Гавриила Архангелов с Городца в Пскове, в 1330–1340-е гг. построен Никольский собор в Изборске. Кроме того, в 1337 г. были отремонтированы Перси псковского Крома. Церковь Покрова в Пскове (1352), очевидно, была деревянной [670]. Псковские оборонительные сооружения и храмы возводились без применения кирпича, только из местной постелистой известняковой плиты.



277

- [666] Строчков, Богусевич, 1939. С. 97.
- [667] Архитектурное наследие. 2008. С. 207–209.
- [668] Летописные известия о псковском строительстве конца 1320–1340-х гг. см.: ПЛ. С. 17, 18, 20; ПЛ. С. 23, 24, 26; ПЗЛ. С. 92, 98.
- [669] Как показал С. В. Белецкий, дата 1330 г., в основном встречающаяся в научной литературе, ошибочна (Белецкий, 1995. С. 101–102).
- [670] Иванов, Бирюков, Голубева, 2003. С. 11–13.

Церковь Архангелов Михаила и Гавриила с Городца в Пскове неоднократно перестраивалась—в 1613 г. храм был заново освящён, к 1694–1695 гг. относится значительная перестройка церкви, в ходе которой были переложены своды, арки, барабан, столбы храма [ил. 275, 276]. Данный памятник рассматривался рядом историков древнерусской архитектуры, прежде всего К.К. Романовым и Ю.П. Спегальским, как первый храм с повышенными подпружными арками [671]. Согласно концепции этих исследователей, именно в Пскове впервые появляется данная конструктивная особенность, распространённая затем в древнерусской архитектуре. В работах Вл.В. Седова и А.И. Комеча высказано предположение о том, что храм изначально имел традиционные пониженные подпружные арки [672]. Натурные исследования, проведённые А.П. Коновым, подтвердили позднее происхождение венчающих частей здания [673].

Церковь Архангелов Михаила и Гавриила—четырёхстолпный одноапсидный храм

с квадратными в плане столбами, подкупольный квадрат значительно смещён к востоку. Следов первоначального завершения в результате натуральных исследований обнаружить не удалось, но очевидно, что храм мог иметь позакомарное покрытие.

Фасады церкви разделены на три прясла лопатками, апсида в интерьере имеет заплечики, на её фасаде полуколоннок нет. Большинство оконных проёмов переделано в ходе ремонтов храма—сохранились только щелевидные окна в апсиде и два окна с покрытием «домиком» (над апсидой и в восточном прясле северного фасада) [ил. 277]. Подобные окна мы видели и в нескольких памятниках новгородской архитектуры первой половины—середины XIV в.

Интерьер храма отличает чёткая расстановка столбов, при этом подкупольный квадрат относительно небольшой, а боковые нефы, по сравнению с памятниками новгородского зодчества середины XIV в., более



278

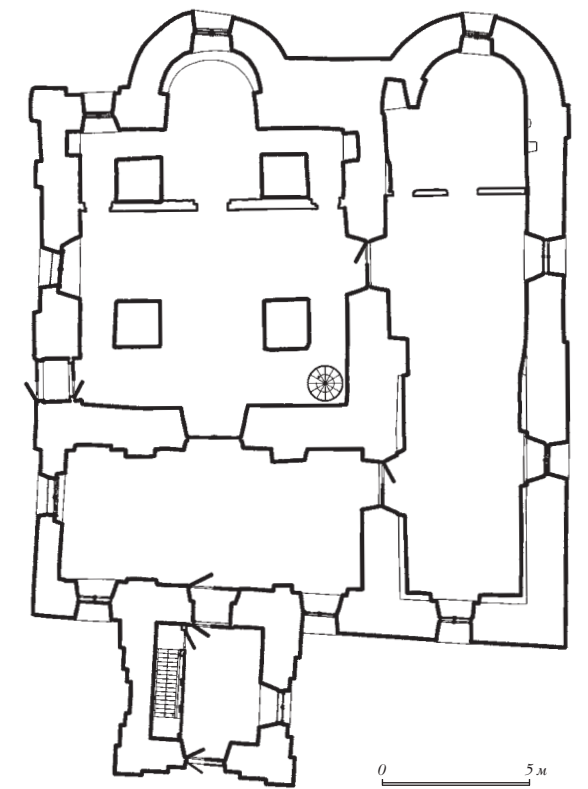
- [671] Романов, 1925. С. 214; Спегальский, 1960. С. 31.
 [672] Седов, 1992. С. 50–51; Комеч, 1993. С. 80.
 [673] Автор выражает искреннюю признательность архитектору А.П. Конову, предоставившему неопубликованные материалы исследования памятника.
 [674] ПЗЛ. С. 26.
 [675] Основные публикации о храме: Седов, 1992. С. 51–60; Комеч, 1993. С. 85–97; Соленикова, 1995/1. С. 108–112; Седов, 2004. С. 247–258. В 2012–2013 гг. в храме велись ремонтные работы, в ходе которых архитектору-реставратору В.Е. Никитину удалось раскрыть многие первоначальные проёмы, а также изучить целый ряд уникальных деталей. Автор приносит глубокую благодарность В.Е. Никитину, предоставившему материалы для подготовки текста о памятнике.
 [676] Седов, 1992. С. 54–55; Комеч, 1993. С. 95–96.
 [677] Храмы «Рождественской батареи», 2003. Б.п. В ходе последних реставрационных работ завершение храма, к сожалению, изучить не удалось.

- 278 Никольский собор в Изборске. 1330–1340-е гг. Вид с северо-востока
 279 Никольский собор в Изборске. План. Обмер В.Е. Никитина, Г.С. Гофман, Д.В. Борисенко
 280 Никольский собор в Изборске. Барабан

широкие. Хоры занимали значительное пространство в западной части храма; очевидно, там находились замкнутые угловые палатки, как и в новгородских церквях этого времени. В то же время в псковском памятнике нет внутристенной лестницы на хоры; туда поднимались, очевидно, по деревянной приставной лестнице.

План здания напоминает планы новгородских одноапсидных церквей, ряд других особенностей также показывает близость данного памятника произведениям новгородских строителей XIV в. Однако было ли появление этих черт связано с работой новгородских мастеров или же храм строили псковские зодчие, которым в качестве образца могла быть указана какая-то новгородская постройка, мы не знаем.

Никольская церковь в Изборской крепости не имеет летописной даты [ил. 278]. Храм впервые упоминается под 1341 г., когда Изборск называется «домом Святого Николы», однако нельзя уверенно утверж-



279

дать, что в это время уже существовал каменный храм. Каменная Никольская церковь появляется на страницах летописи под 1349 г., когда рассказ о трагической смерти князя Юрия Витовтовича начинается с истории об освящении на полатах Никольского храма придельной церкви Спасо-Преображения [674]. Датировка храма колеблется в интервале от 1329 г., когда была заложена Изборская крепость, до 1349 г., пока особых оснований для её конкретизации нет [675].

План Никольского собора традиционен: это четырёхстолпный одноглавый одноапсидный храм (размеры четверика примерно 12,2 × 12 м) [ил. 279]. Стены церкви расчленены лопатками на три прясла, завершают фасады семилопастные арки. Лопатки соответствуют расположению столбов в интерьере храма. Вл.В. Седов и А.И. Комеч считают, что Никольский собор имел восьмикатное покрытие фасадов [676], архитектором-реставратором А.М. Лебедевым были выявлены следы первоначального трёхлопастного завершения [677].

Необычно решён восточный фасад храма: у южного прясла восточной стены находится выступ, напоминающий контрфорс [ил. 278]. Новейшие исследования показали, что данная конструкция первоначально. Ещё одна интересная особенность восточного фасада—центральная лопатка восточной стены, расположенная к северу от апсиды, не заканчивается над её кровлей, а продолжается ниже в форме узкого уступа (подобное решение, но с двумя уступами,



280

имели центральные лопатки новгородской церкви Входа Господня в Иерусалим (1336–1337).

Основной вход в храм находится на западном фасаде, на северной стене портала изначально не было, вопрос о южном портале остается открытым. В ходе последних исследований удалось изучить систему расположения первоначальных оконных проёмов: окна в центральных пряслах боковых фасадов находились, очевидно, по центральной оси во втором и третьем ярусах (щелевидные окна третьего яруса сохранились, окна второго яруса полностью переделаны). На западном фасаде в центральном прясле находится первоначальная двухступчатая ниша. Два щелевидных окна сохранились на стене апсиды, над апсидой также располагается щелевидное окно. Окно в жертвеннике не сохранилось, в дьяконнике обнаружен канал-продух, перекрытый ступенчато положенными плитами. По одному щелевидному окну на южном и восточном фасадах освещают юго-восточную камеру второго яруса. Такое же окошко на западном фасаде устроено в юго-западной камере. Вероятно, аналогичный проем был и в камере в северо-западном углу полатей церкви.

Световой барабан церкви изначально прорезали восемь окон с покрытием домиком. Фасады здания почти лишены декоративных элементов, зато украшен барабан: над традиционным пояском из полуциркулярных арочек здесь находится пояс ниш с полуциркулярным завершением [ил. 280].

В интерьере подкупольный квадрат несколько смещён к востоку, расширяя пространство западного поперечного нефа. Как это часто бывает в архитектуре Новгорода и Пскова, западные угловые компартименты двухъярусные: на полати вела деревянная лестница, располагавшаяся в северо-западной камере. Восточные углы имеют различное решение: северо-восточный компартимент не имеет дополнительных камер верхнего яруса, в то время как в юго-восточном углу находится палатка. Особый интерес представляет устройство хор: из юго-западной камеры, видимо, через деревянный переход можно было попасть в палатку в юго-восточном углу, где, очевидно, и находился упомянутый в летописи Преображенский придел. Подобное расположение камер на полатах в архитектуре Новгорода и Пскова встречается впервые (среди сохранившихся памятников), в 1361 г. мы видим точно такую же схему в новгородской церкви Св. Феодора Стратилата на Ручью. Необходимость расширения пространства придела и привела к тому, что зодчие устроили у южной части восточной стены упомянутый выше уступ, напоминающий контрфорс.



281



282

281 Никольский собор в Изборске. Продольный разрез. Обмер В.Е. Никитина, Д.В. Борисенко, Н.П. Киселёвой
282 Никольский собор в Изборске. Интерьер. Своды северного рукава креста
283 Никольский собор в Изборске. Интерьер. Вид на арки и своды северного, южного и западного рукавов креста



283

Интерьер храма имеет необычный характер. Уникальной является система перекрытия боковых рукавов креста: на северную и южную стены опираются узкие арки, расположенные на той же высоте, что и подпружные арки [ил. 281]. На этих парах арок держатся коробовые своды (строго говоря, визуально эта схема воспринимается как композиция из трёх арок: боковых равновысоких и центральной, расположенной над ними). В западном рукаве данная конструктивная идея получает продолжение: здесь арка находится не у стены, а сдвинута к центральному пространству. Так образуется система из чередующихся сводов и пониженных арок [ил. 282, 283]. С востока зодчие не стали устраивать дополнительных арок. Вероятно, это было сложно сделать из-за очень небольшой длины восточного рукава. Столь необычная система сводов рукавов креста сочетается с вполне привычными коробовыми сводами в угловых ячейках храма. Зачем зодчие, строившие Никольский храм, применили такую новаторскую систему сводов? Вл.В. Седов видит здесь заимствование из романской архитектуры: «Такие своды есть прямое подражание полуциркулярным сводам на рит-

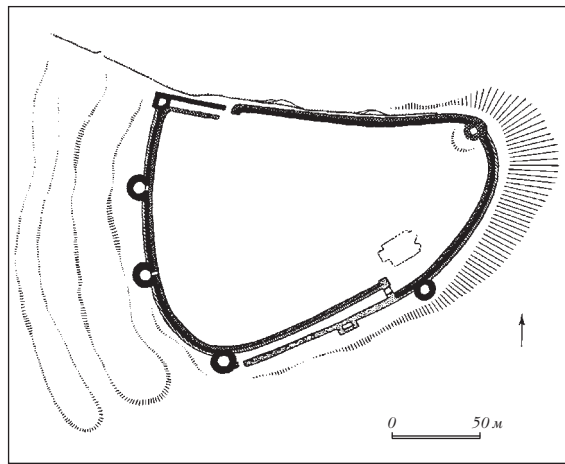
[678] Седов, 2004. С. 254.

мично расположенных подпружных арках, распространённым в романской архитектуре католического Запада» [678]. Более вероятно, однако, что зодчие стремились визуально воспроизвести схему решения сводов, известную нам по церкви Благовещения на Городище—конструкцию, при которой также чередовались узкие арки и лежащие на них своды. В Никольской церкви эта схема выглядит несколько упрощённо, так как арки здесь находятся на одном уровне. Неизвестно, получало ли такое конструктивное решение какой-либо отклик в завершении фасадов.

В Никольском храме очень многое напоминает архитектуру Новгорода конца XIII—начала XIV в. (плановое и объёмно-пространственное решение, особенности трактовки интерьера и др.), однако ряд своеобразных черт этой постройки значительно выделяет её на фоне собственно новгородских храмов. Особый оттенок облику здания придают детали: асимметричный характер восточной части (уступ-контрфорс у юго-восточного угла, дополнительная вертикальная тяга только с северной стороны апсиды), мощные столбы, в нижнем ярусе соединённые со стенами невысокими арками. Использование



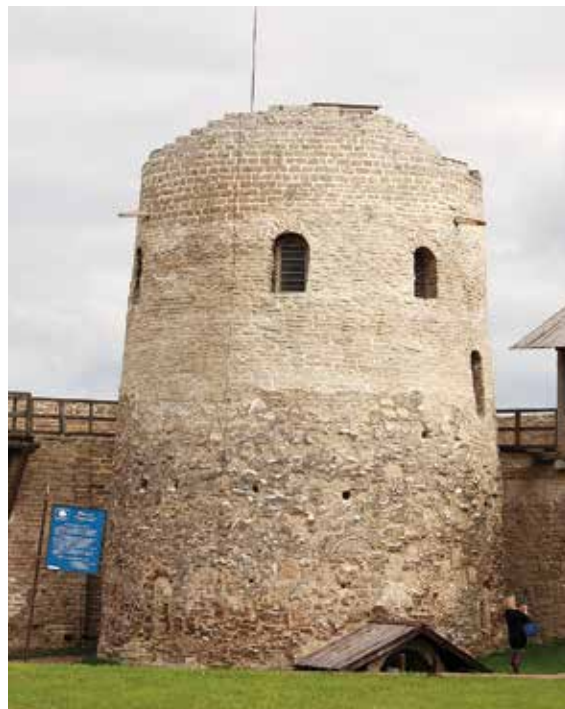
284



286



285



287

284 Каменная крепость в Изборске. 1329 г. Северная стена. Вид с северо-запада
285 Ворота в западной стене крепости в Изборске. 1329 г.
286 Каменная крепость в Изборске. План
287 Башня Луковка крепости в Изборске. Вид с запада

известняковой плиты привело к отсутствию прямых углов, неровности, живописности и подвижности самой пластики стены. Особенно ярко отличие в трактовке деталей ощущается при сопоставлении узких неровных проёмов Никольского храма с окнами новгородских храмов, сложенными из кирпича.

Никольская церковь в Изборске—памятник, невероятно значимый для всей истории русской архитектуры второй половины XIII—первой половины XIV в. Прежде всего, это один из немногих прекрасно сохранившихся храмов: уцелели своды и арки здания, барабан и купол. Кроме того, здесь мы видим бесспорный пример интереса древнерусских зодчих этого времени к поиску новых конструктивных решений в завершении храмовой постройки. Это тот интерес, который приводит к появлению нескольких ориги-

нальных вариантов сочетания арок и сводов в псковских памятниках XV—начала XVI столетий.

Помимо храмов Псковской земли 1320–1340-х гг., нам известны и два крепостных сооружения, построенные в эту эпоху: Изборская крепость (1329) и Перси псковского Крома (1337). К сожалению, пока нет возможности достоверно реконструировать основные этапы строительства южной стены псковского Крома—так называемых Персей. Наиболее вероятно, что каменная стена здесь возникла ещё в домонгольское время, а в 1337 г. она была отремонтирована [679].

Изборская крепость 1329 г. сохранилась, хотя в XV–XVI вв. её неоднократно перестраивали [680] [ил. 284, 286]. Укрепления, поставленные изборянами и псковичами на Жеравьей горе, повторяли естественный контур

[679] ПЗЛ. С. 92; Лабутина, 1985. С. 48–51.
[680] Косточкин, 1959. С. 124–143; Гофман, Закурина, 2004. С. 220–236; Богодухов, 2007. С. 106–107.

возвышенности: крепость имела нерегулярный план, а перед выгнутой по дуге напольной стеной был вырыт ров. Видимо, в 1329 г. возникли Талавский и Никольский захавы, защищавшие два въезда в крепость—с северной и юго-западной сторон. На западной стене крепости сохранились ещё одни первоначальные ворота [681] [ил. 285]. Наиболее вероятно, что изначально крепость имела одну башню—Луковку, поставленную в ходе первого строительного периода в кольце оборонительных стен [682] [ил. 286].

Стены Изборска были сложены из камня-известняка на известково-песчаном растворе. Ширина стен—2 м, а высота—около 6 м, они имели боевой ход, с внешней стороны ограждённый глухим парапетом.

Изборская крепость 1329 г. напоминала некоторые другие древнерусские крепости второй половины XIII—первой половины XIV в. с каменной оборонительной башней, окружённой деревоземляными или каменными стенами (Каменец, Берестье, Черторыйск, возможно, Орешек). С другой стороны, нерегулярный план укрепления, связанный с рельефом местности, заставляет вспомнить крепость Копорье, построенную новгородцами в 1297 г. Более развитый характер придает данному укреплению наличие дополнительных сооружений для защиты ворот—захавов, значительно осложнявших противнику путь внутрь крепости.

Заказчики и мастера, строившие в Новгороде и Пскове во второй четверти—сердине XIV века

Одной из наиболее важных проблем, возникающих при обращении к истории архитектуры данного времени, является определение заказчика монументальных построек. Чаще всего в этой роли выступают архиепископы (Моисей и Василий [683]). Строительные деяния владык тесно переплетены с украшением храмов: устройством медных дверей (Васильевские врата), иконостаса Софийского собора, росписью церковей, изготовлением колоколов. В 1330–1350-е гг. владыка не только является заказчиком новых храмов и палат в Детинце, но и руководит строительством общегосударственного назначения—сооружает участок каменных стен новгородского Детинца, начинает строительство Острога, непосредственно организует возведение каменного города Орехова, неоднократно восстанавливает Великий мост. Кроме того, архиепископ закладывал храмы, заказчиком которых являлся кто-либо из новгородцев,—например, в 1345 г. церковь Параскевы Пятницы по заказу Андрея, сына тысяцкого, и Павла Петриловича, а также церковь Св. Козьмы и Дамиана на Козьмодемьянской улице,

повелением Анания Куритского. Церковь Благовещения на Городище, вероятно, строили владычные люди, но по заказу великого князя Семёна Ивановича.

Среди других заказчиков следует отметить Луку Варфоломеевича, который в 1342 г. поставил в Нижнем Подвинье каменный город Орлец, Окинфа Жабина—строителя церкви Спасо-Преображения на Ковалёве (1345), а также архимандрита Есифа, поновившего кровлю на Георгиевском соборе Юрьева монастыря (1345) [684].

Наибольший интерес, безусловно, представляет строительство по заказу владык. Если мы обратимся к деятельности архиепископа Василия, то можно отметить, что все известия такого рода касаются соборного храма Св. Софии, его территории, а также Владычного двора: здесь можно упомянуть ремонт Софии 1333 г., строительство церкви Входа Господня в Иерусалим в 1336–1337 гг., устройство новой кровли соборного храма в 1341 г., возведение в том же году «терема великого», а в 1350 г. «палаты каменной» возле церкви Рождества Христова на Владычном дворе. Все эти строительные инициативы, кроме возведения палаты 1350 г., относятся к небольшому временному промежутку—с 1333 по 1341 г., почти сразу после хиротонии святителя. Очевидно, что именно в эти годы стараниями владыки Василия были созданы основы существовавшей до середины XVII в. топографии Владычного двора и всей территории вокруг Софийского собора. Указанные наблюдения, сделанные на основании письменных источников, подтверждаются и археологическими материалами [685]. В ходе археологических работ были зафиксированы следы значительного переустройства территории к югу от Софии, по заказу владыки была возведена деревянная ограда, ограничившая с юга застройку Владычного двора. Строительство храмов вне пределов Владычного двора и территории к югу от Софии происходило по заказу частных лиц, очевидно, представителей тех или иных улиц (восстановление церкви Параскевы Пятницы, строительство церкви Козьмы и Демьяна на Козьмодемьянском переулке), церковь Спаса на Ковалёве, вероятно, строилась как главный храм монастыря [686], основанного богатым новгородцем Окинфом Жабиным. С основанием нового монастыря связано и строительство каменного храма Воскресения на Деревянице находившимся на покое архиепископом Моисеем.

В этой связи неизбежно возникает вопрос о мастерах—строителях, работавших в 1330–1340-е гг. Очевидно, что сооружения, возведенные по заказу архиепископа, строились владычными мастерами. То, что свои мастера у архиепископа были, доказывает

сообщение летописи под 1338 г. о том, что великий мост строили «владычные люди Васильевы» [687]. Строительство крепостей и церкви Благовещения на Городище также осуществлялось зодчими владыки. Каких мастеров использовали заказчики других храмов, пока сказать невозможно. Очевидно лишь, что кирпич для всех этих построек готовили по одинаковой технологии и, видимо, одни и те же мастера. Возможно, что владыка Василий и частные заказчики нанимали одних и тех же зодчих.

В отличие от архиепископа Василия, владыка Моисей, напротив, много строит в монастырях—в Деревяницком, Волотовском, Сквородском, Радоковицком, возводит он и храмы на Торговой стороне—церкви Св. Прокопия на Дворище и Благовещения на Михайловой улице. Особое внимание владыки Моисея к монастырскому строительству, безусловно, связано с его любовью к уединенной монашеской жизни, стремлению основывать новые обители вокруг Новгорода.

В эти же годы ведётся строительство и по заказу частных лиц (жителей Лубяницы, новгородцев Лазуты, Андреяна и Данилы). Строительные технологии и материалы, использованные при возведении храмов по заказу владыки Моисея и зданий, выстроенных на средства других заказчиков, ничем не отличаются. Вероятнее всего, в 1350-е гг. для владыки и для других заказчиков также строили одни и те же мастера.

Мы не знаем заказчиков псковских церквей, однако в летописях чётко определены ответственные за строительство новой Изборской крепости и перестройку Персей Крома—это посадник Шелога (Селога) и жители городов (псковичи и изборяне строили Изборск, а псковичи—Перси Крома) [688]. В этой связи можно вспомнить схожую ситуацию 1309 г., когда строительством новой стены также руководил посадник Борис, а помогали ему в этом деле псковичи. Ясно, что строительство укреплений было делом общегосударственной важности, поэтому заказчиком здесь выступает псковский посадник, а строили крепости, очевидно, всем городом.

Архитектура Новгорода и Пскова второй четверти—середины XIV века: основные тенденции развития

Архиепископ Василий начинает строительство после длительного перерыва, поэтому важными вопросами являются источник происхождения архитектурных особенностей церковных зданий 1330—начала 1350-х гг. и связь построек владыки с сооружениями, связанными в предшествующие десятилетия.

Среди памятников церковного зодчества достаточно близкие архитектурные формы имеют два храма—Входа Господня в Иерусалим 1336—1337 гг. и Благовещения на Городище 1342—1343 гг. Общие черты этих памятников—двухступчатые лопатки, круглые западные столбы, центральные прясла на двух фасадах в нижней части сложены заподлицо с лопатками, лестница на хоры находится в толще западной стены. Есть и определённые отличия: Входиерусалимская церковь имела двойные уступы на стыке апсиды и участков восточной стены (эта особенность уникальна, более нигде не отмечена), вытянутые в плане восточные столбы. План храма, в отличие от близкого квадрату плана церкви Благовещения на Городище, также был вытянут по продольной оси.

Среди необычных для новгородской архитектуры черт церкви Благовещения—оригинальная система завершения с помощью ступенчатых арок, которая, возможно, отражала и нетрадиционный характер оформления подножия барабана. Не исключено, что в его основании находились кокошники.

От данных памятников существенно отличается церковь Спаса на Ковалёве—изначально храм имел асимметричную двухпритворную композицию, квадратные столбы, стены, расчленённые на углах простыми лопатками, а в центральной части стен вместо лопаток над притворами были устроены кронштейны. Покрытие ковалёвской церкви было позакомарным, система основных сводов традиционна для новгородской архитектуры, однако вместо коробовых сводов в западных углах, возможно, были сделаны своды в четверть окружности. В то же время наличие некоторых близких деталей не позволяет отказаться от идеи о том, что памятник строили с участием тех же мастеров: вход на хоры устроен так же, как и в церквях Входа в Иерусалим и Благовещения, апсида также имеет заплечики, совпадает и строительная техника.

В литературе давно отмечены архаические черты архитектуры ковалёвского храма, весь художественный строй этого памятника кажется противоположным зодчеству первой половины XIV в., в котором проявляется тенденция к вертикально выстроенным композициям [689]. Очевидно, что причиной во многом была ориентация заказчика на конкретный прообраз. Думается, им мог быть храм с тем же посвящением, находящийся поблизости, на Нередицком холме. В то же время мастера снабжают храм притворами, композиция которых характерна уже для архитектуры XIV в., система организации освещения также уже иная.

Некоторые архитектурные формы Входиерусалимской и Благовещенской церк-

вей, возможно, связаны своими истоками с зодчеством Новгорода первой половины XIII в. Так, круглые столбы напоминают прежде всего круглые столбы церкви Параскевы Пятницы 1207 г. (напомним, что один из этих столбов был восстановлен при ремонте 1345 г.). В то же время данная форма не была в конце XIII—начале XIV в. востребована новгородскими зодчими: пока не известно ни одного памятника этого времени с подобной формой опор. Двухступчатые лопатки этих церквей также ассоциируются прежде всего с церковью Параскевы, так как именно в данном храме есть пучковые пилястры на фасадах. Форма лопаток храмов XIV в., правда, более простая, а полуколонок на фасадах нет. Казалось бы, напрашивается вывод о том, что именно храм Св. Параскевы Пятницы стал образцом для зодчих Василия Калики, строивших Входиерусалимскую и Благовещенскую церкви.

В то же время в данных памятниках мы находим некоторые черты, позволяющие говорить о преемственности архитектурной традиции, несмотря на большой хронологический разрыв между всплеском строительной активности, произошедшим в 1300—начале 1310-х гг., и возобновлением постоянного строительства в 1330-е гг. Так, оформление центральных прясел некоторых фасадов Благовещенской и Входиерусалимской церквей (стена сложена заподлицо с лопатками) повторяет решение фасадов храма Николы Белого (1312), близки и формы порталов Никольского храма и церкви Благовещения. Таким образом, зодчие владыки Василия, ориентировавшиеся, вероятно, на какой-то домонгольский образец (была ли эта церковь Пятницы или иной, не сохранившийся памятник новгородской архитектуры,—не известно), при этом, безусловно, были наследниками мастеров, строивших в первые десятилетия XIV в.

С ещё большей уверенностью можно утверждать данный тезис на основании анализа строительных материалов, использовавшихся в эту эпоху. Тип и основные размеры брусковых кирпичей, впервые применённых в новгородском зодчестве в церкви Николы на Липне (1292), не меняются в течение более чем полувека. Только в церкви Феодора Стратилата на Ручью 1361 г. мы видим уже кирпич несколько иных размеров, хотя его тип остаётся тем же. Церковь Св. Николы на Липне отмечена очень богатым сортаментом лекальных кирпичей, более нигде не встречающимся, однако важно отметить, что огромные клинчатые квадратные кирпичи, известные нам по церкви Св. Николы, есть и в палате владыки Василия (1350). Совпадает на протяжении этих десятилетий тип принимаемого известково-песчаного раствора,

в котором в качестве наполнителя используется крупный песок.

Таким образом, очевидно, что в 1313—1320-е гг., когда новые здания, судя по летописным данным, фактически не строили, установившиеся приёмы производства строительных материалов не менялись, следовательно, можно говорить о непрерывности строительной традиции в Новгороде этого времени. Вероятнее всего, в первой трети XIV в. строились и некоторые каменные храмы, не отмеченные на страницах летописей. Так, например, видимо, в это время был возведён храм Введения на Прусской улице (между 1290 и 1348) [690]. Может быть, тогда же построили и храм Бориса и Глеба на Торгу, разрушившийся в пожар 1340 г. [691] Кроме того, возможно, в 1310—1320-е гг. какие-то храмы ремонтировали; если эти ремонты не требовали переосвящения, то они могли и не попасть в летопись.

Итак, архитектура времени архиепископа Василия Калики продолжала традиции зодчества конца XIII—начала XIV в., однако особое значение в эту эпоху приобретает строительство по образцу. Так, видимо, с оглядкой на домонгольские храмы возводятся и церковь Входа Господня в Иерусалим, и церковь Спаса на Ковалёве.

Памятники архитектуры времени владыки Василия, так же как и храмы, построенные в конце XIII—начале XIV в., имеют некоторые черты, которые исследователями называются готическими (прежде всего стрельчатая форма некоторых ниш и порталов). Однако везде эти элементы являются лишь небольшими деталями, не затрагивая конструкцию и общий образный строй памятника. Храмы 1330—1340-х гг., несмотря на различия в художественно-образном строе, демонстрируют нам индивидуальный язык новгородской архитектуры, основанный прежде всего на глубоком осмыслении архитектурного наследия XI—XIII вв.

В конце XIII—начале XIV в. в Новгородской земле появляется несколько каменных крепостных сооружений (крепость Копорье, башни новгородского Детинца, возможно, башня крепости Орешек). Новый этап укрепления города и дальних рубежей обороны связан именно с временем владыки Василия. Среди основных особенностей крепостного зодчества этого времени можно выделить тенденцию к созданию крепостей с более регулярным планом (Орлец, Орешек), появление башен, с которых можно было бы простреливать фланги. Отметим, что все известные нам оборонительные сооружения построены из ракушечника и плитняка, без применения кирпича.

Некоторые из черт, присущих новгородской архитектуре времени архиепископа

[690] В 1290 г. храм Введения «огоре» (НЛ. С. 326), следовательно, в тот момент церковь была деревянной. В 1348 г. летопись употребляет уже выражение «огоре» (НЛ. С. 361), что указывает на существование каменного храма. В 1455 г. на «старой основе» была выстроена новая церковь (Антипов, 2009/1. С. 244—245).
[691] НЛ. С. 352.

[687] НЛ. С. 349.

[688] ПЛ. С. 17; П2Л. С. 23.

[689] Архитектурное наследие. С. 416.

Василия, практически не встречаются в памятниках зодчества последующего времени (например, двухступчатые лопатки), другие (круглые западные столбы), наоборот, становятся обычными для архитектуры середины XIV—XV в. В целом можно отметить, что памятники 1330–1340-х гг. как бы подготавливают следующую эпоху в истории новгородской архитектуры, начавшуюся уже в 1360-е гг., когда новгородским архиепископом становится Алексей.

Изучение новгородских построек 1350-х гг. показывает, что для владыки Моисея работали, видимо, те же мастера, что и для архиепископа Василия. Об этом свидетельствуют особенности применённых строительных материалов, а также конструктивные черты храмов. Архитектурные формы также обнаруживают очевидную преемственность: продолжает использоваться круглая форма западных столбов, на хорах находят палатки-приделы, восточные угловые ячейки открыты высокими арками в боковые рукава креста и в апсиду, во всех памятниках встречаются стрельчатые завершения проёмов. В то же время мы видим иногда и несколько неожиданные архитектурные элементы—в волотовском и сковородском храмах нет лопаток на фасадах, а западные углы открыты высокими арками, в сковородской церкви появляется необычное круглое окно в уступчатой нише с валиковым обрамлением, в церкви Знамения были крещатые столбы. Памятники новгородской архитектуры 1350-х гг. обладают отчётливой индивидуальностью, при общем варьировании единой конструктивной и композиционной схемы (четырёхстолпный одноапсидный одноглавый храм с одним или несколькими притворами) каждый раз возникает образ, далёкий от какого-либо шаблона. Даже в том случае, когда, очевидно, по требованию заказчика одно здание в общих чертах повторяет другое (строительство храма Михаила Архангела на Сковородке по образцу Успенской церкви на Волотовом поле), зодчие вносят определённые нюансы не только в декор фасадов, но даже и в конструктивные схемы (своды угловых компартиментов), создавая яркий, новый, неповторимый образ. Среди отчётливо выраженных черт этой эпохи надо, конечно, подчеркнуть вертикализм построения архитектурных форм, особенно остро ощущающийся благодаря тонко продуманному завершению волотовской и сковородской церквей, где ритм лопастей последовательно возносит нас к высокому и стройному барабану. Камерность, лаконизм решения как фасадных плоскостей, так и интерьера—ещё одна важная особенность

архитектуры этого времени. Новгородская архитектура и в 1350-е гг., очевидно, была тесно связана с домонгольским наследием. Так, возможно, храм в Перыни служил прообразом Успенской церкви на Волотовом поле, крещатые столбы Знаменской церкви могут отсылать нас к кафедральному храму—Софийскому собору. В декоре памятников новгородской архитектуры 1350-х гг. продолжают применяться «готические» формы, но роль их невелика, значение этих элементов увеличивается только в 1360-е гг.

Важнейший вопрос, который возникает при рассмотрении особенностей псковских памятников XIV в.,—это вопрос о связи псковской архитектуры 1330–1340-х гг. с зодчеством Новгорода. Внимательный анализ архитектурных форм псковских храмов, проведённый Вл.В. Седовым, показал присутствие в их архитектуре очень многих новгородских по происхождению черт [692]. Действительно, не исключено, что в возведении этих храмов принимал участие новгородский зодчий, но считать эти постройки работой артели новгородских мастеров, как нам кажется, пока неправомерно. Слишком много отличий и в пропорциональном строе, в подходе к трактовке стеновой поверхности (во многом обусловленных использованием иных строительных материалов) мы наблюдаем в этих памятниках. Эту мысль наиболее ёмко выразил А.И. Комеч: «Псковские церкви обладают бесспорным своеобразием, но оно связано не с вариантами иконографии, а с пропорциями форм, особой выразительностью пространства и массы, трактовкой поверхностей—всего того, что можно отнести к особенностям стилистического характера. Это связано с иной строительной техникой, с иными ремесленными навыками и чем-то ещё в процессе формирования заказа и строительства, чего мы ещё не знаем, но что определяет конечное своеобразие памятников» [693]. Кажется, что уже с собора Рождества Богородицы Снеготорского монастыря мы вправе начинать традицию собственно псковского зодчества, с учётом того, что псковские нарядчики (организаторы строительства) вполне могли использовать зодчих, приглашённых из Новгорода. Именно поэтому абсолютно справедливо рассматривать псковские памятники в контексте современной новгородской архитектуры, однако считать их составной частью зодчества Новгорода той поры будет неправомерным.

Архитектура Северо-Запада Руси времени архиепископов Василия Калики и Моисея является естественным продол-

[692] *Седов*, 1992. С. 45–65.

[693] *Комеч*, 1993. С. 98.

жением строительства конца XIII—начала XIV в.: мы наблюдаем преемственность как в технико-технологической сфере (тип и формат кирпичей, конструктивные схемы), так и в объёмно-пространственном решении, и в трактовке интерьера. В то же время в постройках этой эпохи видны уже новые черты: необычная система сводов (церкви Благовещения на Городище, Николы в Изборске), сложнопрофилированные фасады, круглая и крещатая форма столбов и др. Зодчество Новгорода и Пскова первой половины—середины XIV в. предстаёт перед нами как подвижный организм, поражая разнообразием конструктивных и декоративных решений, присущим постройкам той поры.

В 1360 г. со строительством церкви Св. Феодора Стратилата на Ручью начинается новый период в истории зодчества средневекового Новгорода, во многом, возможно, связанный с естественной сменой части мастеров или с приходом нового зодчего. Со строительством в 1365–1367 гг. нового Троицкого собора в Пскове псковская архитектурная практика также, очевидно, претерпевает значительные изменения. К сожалению, о характере этих изменений сейчас мы можем судить лишь предположительно: памятники этого времени известны нам только благодаря результатам археологических исследований.

В заключение следует подчеркнуть, что в условиях утраты памятников архитектуры первых десятилетий после монгольского нашествия в Северо-Восточной Руси, а также спорности датировок многих западнорусских построек, традиционно относимых к этой эпохе, наши знания о постройках Новгорода и Пскова приобретают особую важность для понимания путей развития древнерусской архитектуры в целом.

И.В. Антипов

Церковь Св. Бориса и Глеба в Ростове Великом и зодчество Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия

Зодчество Северо-Восточной Руси второй половины XIII в. до недавних пор относилось к неисследованным страницам в истории древнерусской архитектуры. Ещё совсем недавно считалось, что после того, как каменное строительство возобновляется в 1285 г. в Твери [694], следующим таким центром стала Москва, где строительная деятельность начинается только в XIV в. при князе Иване Даниловиче Калите [695]. Вместе с тем летописи донесли до нас известия, что уже через два года после начала строительства в Твери оно возобновляется ещё

в одном центре Северо-Восточной Руси—Ростове: под 1287 г. Никоновская летопись сообщает, что в Ростове на княжеском дворе «благословением Игнатия, епископа Ростовского» была построена церковь Св. Бориса и Глеба [696].

Известно, что Никоновская летопись, составленная в XVI в., ввиду её позднего происхождения далеко не всегда воспринимается исследователями как вполне достоверный источник по отношению к упоминаемым в ней событиям значительно более раннего времени. Поэтому сообщение о постройке в Ростове в 1287 г. церкви Бориса и Глеба хотя и не отвергалось специалистами по истории древнерусского зодчества, но относилось всё же скорее к разряду малодостоверных. Интерес исследователей к церкви Бориса и Глеба в Ростове был связан совсем с другой эпохой—началом XIII в., когда, по сведениям Лаврентьевской летописи, в 1214 г. в Ростове была заложена церковь с таким посвящением [697]. Строительство храма, по сообщению той же летописи, было завершено в 1218 г. [698] В ней же говорится, что князь Константин Всеволодович заложил её «на дворе своем», а Летопись Авраамки называет её «платяной», т.е. «палатной», дворцовой [699].

Можно предполагать, что постройки, входившие в состав дворцового комплекса, к моменту возведения храма уже существовали [700]. Вероятно, строительство княжеского дворца Константина Всеволодовича в Ростове следует приурочить к сведениям Лаврентьевской летописи о пожаре в Ростове в 121 г. [701] По всей видимости, во время этого пожара был уничтожен старый, возможно, деревянный дворец ростовских князей, после чего могло начаться строительство нового, которое должно было быть завершено к 1214 г., т.е. к началу строительства Борисоглебской церкви, поставленной князем «на дворе своем». В 1253 г. церковь была отреставрирована и освящена епископом Кириллом [702]. Однако домонгольская церковь просуществовала недолго, и уже под 1287 г. в Никоновской летописи появляется цитированное выше сообщение о строительстве Борисоглебской церкви в Ростове «благословением Игнатия, епископа Ростовского». Остатки каких-то «княжих теремов» продолжали существовать в Ростове ещё в первой половине XVIII в. [703]

В 1632 г. через территорию княжеского двора прошла линия укреплений ростовской земляной крепости, а в 1761 г. на месте древнего храма и княжеского двора была построена новая церковь Бориса и Глеба, рядом с которой год спустя, в 1762 г., была возведена церковь во имя Дмитрия Ростовского.